809
К-81

БИБЛІОТЕКА
Ирбитскаго Городского Общества
Хронологическ. катал. № 370
Отдѣлъ десятый. 7
Систем. катал. № 42
Цѣна по инвентарю

БИБЛІОТЕКА
Ирбитскаго Городского Общества
Хронологическ. катал. № 366
Отдѣлъ седьмой
Систем. катал. № 19
Цѣна по инвентарю 54к

Инв. 6917

Запрещенная.

Запрещенная.

809.
К81-1

6 0

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ

графа Л. Н. Толстого

„ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ"

(Критическій разборъ).

муниципальное казённое учреждение культуры Муниципального образования город Ирбит «Библиотечная система»

Хр. к. № 270

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., № 17.
1894.

83.3(2Рос=Рус)1
П 62

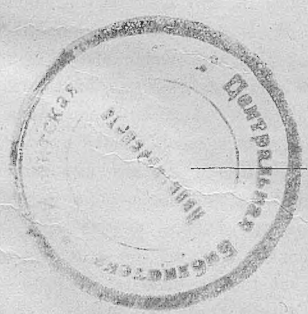
ЧИТИНСКАЯ
ГОРОДСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ
БИБЛІОТЕКА
ОТД. III
№ 14

ПОСЛѢДНЕЕ СОЧИНЕНІЕ

ГРАФА Л. Н. Толстого

„ЦАРСТВО БОЖІЕ ВНУТРИ ВАСЪ“

(Критическій разборъ).



ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія. Петровскій пер., № 17.
1894.

Отдѣльные оттиски изъ журнала «Вѣра и Разумъ» за 1894 годъ.

Послѣднее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царство Божіе внутри васъ".

„Были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель. И многіе послѣдуютъ ихъ разврату, и чрезъ нихъ путь истины будетъ въ поношеніи". 2 Петр. 2, 1—2.

Въ этомъ году Толстой выпустилъ въ свѣтъ новое сочиненіе, „Царство Божіе внутри васъ или христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ новое жизнепониманіе" [1]).

[1]) Появленіе этого сочиненія Толстого въ свѣтъ уже отмѣчено въ нашей русской періодической печати. Вотъ что по этому поводу говоритъ А. Митякинъ въ № 6. Церковнаго Вѣстника отъ 10 февраля н. г. стр. 85—86: «Ставъ на ложную дорогу, нашъ писатель (т. е. Л. Н. Толстой) съ достойною лучшаго дѣла настойчивостью пошелъ все дальше и дальше, и въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ положительно пришелъ къ *безднѣ чисто анархическаго міросозерцанія*. Въ послѣднее время на англійскомъ языкѣ появилось новое его сочиненіе, которое очевидно имѣетъ своею цѣлію систематизировать въ одно цѣльное міровоззрѣніе всѣ разбросанныя имъ въ прежнихъ религіозно-философскихъ сочиненіяхъ мнѣнія. Это двухтомное сочиненіе явилось подъ заглавіемъ: «*Царство Божіе внутрь васъ есть*». Мы еще не успѣли ознакомиться съ этимъ сочиненіемъ въ его полномъ видѣ, но часть его (въ видѣ извлеченія) напечатана въ январьской книжкѣ англійскаго журнала «Новое Обозрѣніе» (The New Rewiew), и по этой части можно судить и о цѣломъ. И читая это извлеченіе, не знаешь чему больше удивляться этому ли *высокомърному упорству*, съ которымъ писатель продолжаетъ утверждать и отстаивать очевидно ложныя положенія, или той печальной безвыходности, въ которой оказался авторъ, увлеченный ложной идеей и запутавшійся въ тенетахъ недомыслія и лжемудрованія, изъ которыхъ онъ не находитъ уже возможности выпутаться иначе, какъ разсѣкая ихъ мечемъ *чисто анархическаго, все отрицающаго мышленія*. Въ разсматриваемой статьѣ Толстой усиливается отстоять свое ученіе о «непротивленіи злу» отъ выставленныхъ противъ него возраженій, и от-

Еще недавно, при посредствѣ газетъ, Толстой сдѣлалъ публичное заявленіе, что изданіе своихъ сочиненій послѣдняго времени онъ предоставляетъ всѣмъ и каждому. Между тѣмъ на обложкѣ новаго сочиненія Толстого, заглавіе котораго мы выписали, ясно сказано, что „*единственное, авторомъ разрѣшенное изданіе*“ этого сочиненія принадлежитъ только Берлинскому Библіографическому Бюро. Какъ понимать это разногласіе,—мы не знаемъ; но таково первое впечатлѣніе, получаемое отъ самой обложки послѣдняго сочиненія Толстого.

Это сочиненіе Толстого издано въ двухъ частяхъ, хотя содержаніе его не даетъ никакого повода для такого дѣленія, почему вторая часть и начинается не съ 1-й, а съ 9-й главы. Съ одинаковымъ основаніемъ его можно было бы издать и въ

стаиваетъ не такъ, какъ это дѣлается въ серьезной полемикѣ или критикѣ, а *съ непостижимымъ высокомѣріемъ* умственной непогрѣшимости, такъ что читатели обязаны на слово вѣрить графу, что истина всецѣло на его сторонѣ, а всѣ его противники—лжецы и безстыдные ханжи. По его воззрѣнію, всѣ существующія церкви основаны на лжи, а всѣ служители ихъ—лицемѣры, сознательно или несознательно поддерживающіе эту ложь. Но мало того, не только церкви, а и всѣ христіанскія государства съ ихъ теперешнимъ соціальнымъ строемъ—тоже основаны на лжи, и вся де залача государственныхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать эту ложь и, становясь на сторону угнетателей всякаго рода, помогать имъ держать подъ собою угнетенную ропщущую массу, изъ опасенія, что она *освободившись, первымъ дѣломъ возьметъ за горло своихъ угнетателей.* Мы уже не приводимъ тѣхъ подробностей, которыми Толстой доказываетъ эти свои общія положенія,—не приводимъ просто потому, что щадимъ репутацію нашего писателя. Если бы подъ этой статьей не стояло полнаго имени нашего писателя, то положительно можно бы подумать, что *авторъ ея какой нибудь умственно-развинченный анархистъ*, который, нахватавшись общихъ фразъ изъ летучихъ *анархистскихъ* листковъ, съ безшабашною «убѣжденностью» въ непогрѣшимости излагаетъ ихъ въ поученіе *«негодному» человѣчеству*... Все это было бы вполнѣ къ лицу какому—нибудь *дикому «Stepniak'y»*, подвизающемуся въ англійскихъ журналахъ на поприщѣ мороченія англійской публики расписываніемъ идеальныхъ задачъ *нигилизма*, но положительно нелѣпо звучитъ въ устахъ такого почтеннаго писателя, какъ графъ Л. Н. Толстой.—Мы вполнѣ раздѣляемъ этотъ вѣрный и совершенно безпристрастный взглядъ на послѣднее сочиненіе Толстого, но къ сожалѣнію, въ настоящее время положеніе дѣла значительно измѣнилось къ худшему: сочиненіе Толстого уже издано и на русскомъ языкѣ, и усердно распространяется, какъ мы знаемъ изъ документальныхъ данныхъ, не только вообще среди русскаго общества, но въ особенности—среди рабочихъ и крестьянъ. Вотъ почему мы рѣшаемся подвергнуть его болѣе внимательной и обстоятельной критикѣ. Пропоганда ученія Толстого ведется настолько энергично, что его противообщественныя и противогосударственныя идеи не составляютъ уже тайны ни для кого...

трехъ и четырехъ и даже десяти частяхъ. Предисловіе озаглавлено такъ: „Ученіе Христа и общая воинская повинность". Въ первой главѣ Толстой хотѣлъ бы провести ту мысль, что „ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства (будто бы) исповѣдывалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей". Во второй главѣ онъ приводитъ сужденія критиковъ его ученія. Въ третьей—онъ хочетъ указать причины мнимаго „непониманія христіанства людьми вѣрующими". Въ четвертой—онъ отыскиваетъ причины „непониманія христіанства людьми научными". Въ пятой главѣ Толстой въ сотый разъ знакомитъ своихъ читателей съ „противорѣчіями нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ". Въ шестой онъ касается „отношенія людей нашего міра къ войнѣ". Въ седьмой—Толстой указываетъ на то, какое величайшее зло причиняетъ людямъ „общая воинская повинность", въ восьмой—онъ убѣждаетъ своихъ читателей въ „неизбѣжности принятія христіанскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ *людьми* (должно быть, *надъ* людьми или *со стороны* людей?) нашего міра". Во второй части своего новаго сочиненія, которая, какъ мы сказали уже, прямо начинается девятою главою, Толстой доказываетъ 1) что только „принятіе христіанскаго жизнепониманія освобождаетъ людей отъ бѣдственности нашей языческой жизни" (гл. IX). 2) что государственная власть безсильна въ дѣлѣ уничтоженія зла и что нравственное движеніе человѣчества совершается не только черезъ познаніе истины, но и черезъ установленіе общественнаго мнѣнія (гл. X), которое по его словамъ, уже зародилось въ нашемъ обществѣ и неизбѣжно разрушитъ насильническое устройство нашей жизни (гл. XI). Въ „заключеніи", расписавъ мнимую или дѣйствительную исторію усмиренія голодающихъ крестьянъ, Толстой дѣлаетъ выводъ изъ всѣхъ своихъ предшествовавшихъ разсужденій,—что все зло нашей жизни коренится въ существующемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, въ уничтоженіи же его—наше счастіе.

Уже изъ указаннаго нами общаго содержанія *новаго* произведенія Толстого для каждаго, знакомаго со лжеученіемъ нашего мнимаго философа по его прежнимъ сочиненіямъ, ясно, что ни-

чего *новаго* въ немъ нѣтъ: то же ложное пониманіе христіанскаго ученія о непротивленіи злу, тѣ же анархическія нападки на государственную власть, то же указаніе на войско и т. д. Но ничего новаго не найдетъ читатель и при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ сочиненіемъ: та же склонность къ обобщеніямъ случайныхъ единичныхъ явленій до общихъ положеній, то же проявленіе на каждой страницѣ по истинѣ безграничной сатанинской гордости, высокомѣрія, самолюбія графа, облеченнаго въ философскую мантію, та же крайняя враждебность къ христіанской церкви, государству, верховной власти и ея носителямъ, та же способность видѣть у всѣхъ, кромѣ себя и своихъ послѣдователей, все безсовѣстное, гадкое, пошлое и безнравственное—ложь, подкупъ, лицемѣріе; какъ въ прежнихъ, такъ и въ этомъ сочиненіи Толстой не брезгаетъ никакими средствами для достиженія своихъ цѣлей: клевещетъ, лжетъ, подтасовываетъ, извращаетъ... Въ этомъ сочиненіи также замѣтно прямое заимствованіе крайнихъ и односторонихъ выводовъ почти изъ всѣхъ философскихъ направленій—пантеизма, пессимизма, детерминизма, соціализма и даже анархизма, и—совершенное отсутствіе какого-бы то ни было цѣльнаго систематическаго міровоззрѣнія. Здѣсь, какъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ послѣдняго времени, слова: „Богъ“, „Христосъ“, „христіанство“, „христіанскій“ Толстой также употребляетъ вовсе не въ томъ смыслѣ, какой они имѣютъ и какой они должны имѣть, а—даже въ совершенно противоположномъ ему. Кощунство, неуваженіе къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, пошлость изложенія съ употребленіемъ, напримѣръ, такихъ словъ, какъ зад..ца и т. п., читатель встрѣчаетъ на каждой страницѣ этого *новаго* сочиненія нашего самороднаго философа и богослова...

Если же что либо *новое* и можно найти въ этомъ сочиненіи Толстого въ сравненіи съ его прежними сочиненіями, то оно говоритъ только не въ пользу своего автора. Во-первыхъ сочиненіе это изобилуетъ ссылками на мнѣнія лицъ, которыя являются для Толстого авторитетами,—ясное доказательство, что, при всей своей гордости и фарисейскомъ высокомѣріи, Толстой уже почувствовалъ свою слабость и неувѣренность въ

своемъ ученіи. Во-вторыхъ въ настоящемъ сочиненіи Толстой прибѣгаетъ къ пріемамъ недостойнымъ серьезнаго мыслителя. Какъ извѣстно, наше правительство весьма гуманно относится къ Толстому и толстовцамъ, считая этихъ людей если не душевно-больными, то безвредными утопистами и мечтателями. Толстой *ложно* истолковываетъ этотъ гуманный образъ дѣйствія правительства его робостью, трусостью, тѣмъ отчаяннымъ положеніемъ, въ которое оно поставлено толстовцами и Толстымъ. „Правительства,—говоритъ онъ [1]),—передъ отказами *христіанъ* (т. е. передъ отказами *толстовцевъ* отъ исполненія гражданскихъ обязанностей) находятся въ отчаянномъ положеніи. Они видятъ, что пророчество христіанства (т. е. ученія Толстого) сбывается, оно разрываетъ узы скованныхъ и освобождаетъ людей, находящихся въ неволѣ (правительства), и видятъ, что это освобожденіе неизбѣжно должно уничтожить тѣхъ, которые держатъ другихъ въ неволѣ (т. е. правителей). Правительства видятъ это, знаютъ, что часы ихъ сочтены и ничего не могутъ сдѣлать. Все, что они могутъ сдѣлать для своего спасенія, это только то, чтобы отсрочить часъ своей погибели. Они и дѣлаютъ это, но положеніе ихъ все таки отчаянное... Дѣло—продолжаетъ Толстой [2]),—зашло уже слишкомъ далеко: правительства чувствуютъ уже свою беззащитность и слабость, и пробуждающіеся отъ усыпленія люди христіанскаго сознанія (т. е. толстовцы) уже начинаютъ чувствовать свою силу". Какова эта сила и какъ она будто-бы грозна для правительства, Толстой указываетъ во многихъ мѣстахъ этого сочиненія. „Соціалисты, коммунисты, анархисты съ своими бомбами, бунтами и революціями далеко не такъ страшны правительствамъ,—говоритъ Толстой [3]),—какъ эти разрозненные (?) люди, съ разныхъ сторонъ заявляющіе свои отказы (повиноваться требованіямъ правительства) на основаніи одного и того же всѣмъ знакомаго ученія". Чтобы лучше убѣдить своихъ послѣдователей—не исполнять своихъ государственныхъ обязанностей Толстой приводитъ въ своемъ новомъ произведе-

[1]) Ч. II стр. 35—36.
[2]) Ч. II стр. 37.
[3]) Ч. II стр. 30.

нiи цѣлый рядъ примѣровъ, когда такое неисполненiе толстовцами гражданскихъ обязанностей оставалось безнаказаннымъ по слабости и робости правительства. Такъ, при наступленiи новаго царствованiя, многiе изъ послѣдователей Толстого отказались присягать въ вѣрности новому правительству. Этихъ людей, по словамъ Толстого, призывали къ становымъ, исправникамъ, священникамъ, губернаторамъ, увѣщевали, упрашивали (?), угрожали и наказывали, но они остались при своемъ рѣшенiи и не присягали. И среди милліоновъ присягавшихъ, говоритъ Толстой [1]), живутъ десятки неприсягавшихъ. И ихъ спрашиваютъ: какъ-же вы не присягали?—Такъ и не присягали.—И что-же, ничего?—Ничего". Другiе примѣры. Многiе крестьяне, по словамъ Толстого, отказываются платить подати, слѣдуя его ученiю. „Что-же, такъ и не заплатилъ подать?—Не заплатилъ.—И что-же, ничего?—Ничего" [2]). Другiе отказываются исполнять полицейскiя обязанности сотскихъ, десятскихъ и т. п. Этихъ крестьянъ, говоритъ Толстой [3]), ругаютъ, бьютъ, сажаютъ въ заключенiе, но они остаются при своемъ рѣшенiи... И ихъ перестаютъ выбирать въ сотскiе. И опять ничего".—Послѣдователи Толстого отказываются участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. „Людей этихъ, говоритъ Толстой [4]), штрафуютъ, стараясь не давать имъ публично высказать мотивы отказа и замѣняютъ другими. Точно такъ-же повторяютъ и съ тѣми, которые на тѣхъ же основанiяхъ отказываются быть на судѣ свидѣтелями. И то-же ничего".—Молодые люди, усвоивъ ученiе Толстого, отказываются поступать въ военную службу и то-же остаются безнаказанными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, правительство будто-бы только явно обнаруживаетъ свое безсилiе и робость. Одинъ молодой человѣкъ, по словамъ Толстого, въ Московской Думѣ публично отказался отъ военной службы. Сначала его увѣщевали, потомъ посадили въ домъ умалишенныхъ, наконецъ предали суду, который приговорилъ его къ заключенiю въ военной тюрьмѣ на два года. „Тамъ его мучаютъ

---

[1]) Ч. II стр. 21.
[2]) Стр. 22.
[3]) Стр. 23.
[4]) Ibid.

полтора года, говоритъ Толстой [1]),—но онъ все таки не измѣняетъ своего рѣшенія не брать въ руки оружія, и всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится быть въ сношеніяхъ, объясняетъ, почему онъ этого не дѣлаетъ, и въ концѣ второго года его отпускаютъ на свободу раньше срока, зачисливъ, противно закону, содержаніе въ тюрьмѣ за службу, желая только поскорѣе отдѣлаться отъ него". Такихъ случаевъ въ Россіи уже много, „и во всѣхъ этихъ случаяхъ, говоритъ Толстой [2]),—образъ дѣйствія правительства тотъ-же робкій, неопредѣленный и скрытый".

Толстой прекрасно знаетъ и даже открыто говоритъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи о томъ, какой вредъ причиняетъ себѣ правительство своею гуманностію и снисходительностію къ толстовцамъ и насколько оно само содѣйствуетъ этимъ Толстому въ расшатываніи устоевъ нашей государственной жизни и подготовленіи почвы для событій, которыя могутъ принять страшные размѣры. „Казалось бы, говоритъ онъ [3]), нѣтъ ничего важнаго въ этихъ явленіяхъ (открытаго неповиновенія правительству), а между тѣмъ эти-то явленія болѣе всего другаго подрываютъ власть государства и подготовляютъ освобожденіе людей... И правительства знаютъ это и боятся этихъ явленій больше всѣхъ соціалистовъ, коммунистовъ, анархистовъ и ихъ заговоровъ, съ динамитными бомбами".

И такъ, вотъ еще къ какимъ пріемамъ рѣшился обратиться Толстой въ своемъ послѣднемъ сочиненіи для дѣятельной пропаганды своего лжеученія. Эти пріемы науськиванія уже не достойны серьезнаго мыслителя; они свойственны только народнымъ подстрекателямъ, бунтарямъ, соціалистамъ, нигилистамъ и анархистамъ „съ ихъ заговорами и динамитными бомбами". Толстой знаетъ, что кругъ его читателей и послѣдователей состоитъ не только изъ образованныхъ людей, способныхъ критически относиться къ тому, что они читаютъ, а и изъ крестьянъ малограмотныхъ и даже совершенно безграмотныхъ. Толстому, конечно, извѣстно, что и его послѣднее сочиненіе, подобно прежнимъ, уже разослано по селамъ этимъ несчастнымъ

[1]) Стр. 28.
[2]) Стр. 28.
[3]) Стр. 20.

людямъ, съ просьбою, что бы полуграмотные читали его неграмотнымъ. Это фактъ, документальныя доказательства котораго находятся даже и въ нашихъ рукахъ. Правда между Толстымъ и французскими анархистами еще есть нѣкоторая разница: онъ *пока* еще говоритъ только объ уничтоженіи государственнаго устройства *мирнымъ путемъ*, а не динамитными бомбами и разрывными снарядами. Но вѣдь это, быть можетъ, только *пока*. Толстой одобрительно отзывается о тѣхъ людяхъ, которые мѣняютъ свои убѣжденія; самъ же онъ, какъ замѣтили уже и иностранные писатели, мѣняетъ свои убѣжденія съ каждою новою книжкою. Богъ знаетъ, что онъ скажетъ въ своей книгѣ, которая явится въ слѣдующемъ году; а почву для „освобожденія людей отъ государства“ онъ дѣйствительно подготовилъ уже надлежащимъ образомъ въ той крестьянской, темной и невѣжественной средѣ, которую онъ постоянно электризуетъ и своими книжками, и чрезъ своихъ посланниковъ, и своими личными посѣщеніями съ проповѣдью объ отказѣ отъ всѣхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей...

„Непротивленіе злу“ у толстовцевъ—пустая фраза, у Толстого—хитрый маневръ. Въ этомъ мы положительно убѣждены. Подъ настоящею нашею статьею не будетъ выставлено имя автора. И вотъ почему. Три года тому назадъ одинъ нашъ знакомый высказалъ неодобрительный отзывъ объ ученіи Толстого, напечатавъ его въ газетѣ. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ отъ толстовцевъ изъ разныхъ мѣстъ тридцать два письма, въ которыхъ ему угрожали всѣми ужасами *насилія*—отъ обѣщанія „плюнуть въ рожу“ до намѣренія „избить безъ пощады“. Письма эти, конечно, его нисколько не обидѣли; напротивъ, они были лучшимъ одобреніемъ его отзыва объ ученіи Толстого, лучшею похвалою его труду и доказательствомъ того, что лжеученіе Толстого имъ оцѣнено было вѣрно. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, которыя мы видѣли лично, были составлены даже отъ имени цѣлаго „общества послѣдователей Толстого“ или „толстовцевъ“ [1]). И мы нисколько не были удивлены такимъ пове-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 2 марта 1891 г. послѣ изверженія самой отборной уличной брани „*Толстовецъ*“, между прочимъ, пишетъ: «Тебя, негодяя, конечно, слова не убѣдятъ. Ты—душа продажная! Но знай, что на тебя уже и палки готовы.

деніемъ учениковъ Толстого. Въ нагорной проповѣди, о которой такъ много говоритъ Толстой въ своихъ книжкахъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ ясно сказалъ: „По плодамъ ихъ узнаете ихъ—лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные... Худое дерево приноситъ и плоды худые; не можетъ дерево худое приносить плоды добрые". Еслибы Толстой училъ *о непротивленіи злу насиліемъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ говоритъ объ этомъ въ своихъ книжкахъ, то его ученики никого бы не намѣревались *избивать*... Чтобы не ставить снова толстовцевъ въ ложное положеніе къ ихъ мнимому основному принципу, мы не желаемъ здѣсь называть своего имени, а объ ихъ письмахъ упоминаемъ лишь для того, чтобы показать читателямъ, что толстовцы способны оказывать противленіе не только насиліемъ вообще, но и насиліемъ въ самой грубой формѣ.

Впрочемъ, странныхъ логическихъ противорѣчій и недостойныхъ серьезнаго мыслителя пріемовъ въ послѣднемъ сочиненіи Толстого весьма много; но мы отмѣтимъ ихъ въ свое время, при самомъ разборѣ сочиненія. Теперь мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о томъ, что необходимо имѣть читателю въ виду, если онъ пожелаетъ вмѣстѣ съ нами ближе и въ послѣдовательномъ порядкѣ разсмотрѣть все содержаніе новаго сочиненія Толстого.

Какъ увидитъ читатель, Толстой почти на каждой страницѣ своего сочиненія только одного себя называетъ истиннымъ христіаниномъ и только одно свое ученіе онъ признаетъ истиннымъ христіанствомъ. Званіе христіанина онъ готовъ, впрочемъ, даровать и своимъ послѣдователямъ, но не иначе, какъ подъ

Изобьютъ, какъ собаку. Вѣдь у тебя ничего человѣческаго нѣтъ: все—собачье, и лаешь какъ собака и на лапкахъ служишь»... Въ письмѣ отъ 5 марта того же года „*Общество толстовцевъ*", также выругавшись по саложнически, пишетъ: «Имѣй въ виду, что даромъ тебѣ не пройдетъ твоя клевета на Толстого!» —Въ письмѣ отъ 7 марта того же года нѣкто, подписавшійся „*однимъ изъ многихъ, ищущихъ правды*", пишетъ: «Благодарю тебя! Я тебя до сихъ поръ не зналъ, а теперь изъ статьи твоей имѣю понятіе, что ты за птица, и очень интересуюсь увидѣть тебя въ лицо и плюнуть»... Такими же перлами гуманности и человѣколюбія отличаются и всѣ остальныя письма учениковъ Толстого, проповѣдующаго имъ *непротивленіе злу насиліемъ*!...

условіемъ проведенія въ жизнь его ученія. Всѣхъ другихъ христіанъ онъ, при наилучшемъ настроеніи духа, называетъ церковниками, а обыкновенно—они именуются у него ханжами, суевѣрами, лицемѣрами, идолопоклонниками. Но христіанинъ ли дѣйствительно Толстой? Душу человѣка знать, конечно, нельзя,—„кто изъ человѣковъ знаетъ, что въ человѣкѣ, кромѣ духа человѣческаго, живущаго въ немъ?“—говоритъ св. апостолъ Павелъ. Но если судить по изданнымъ сочиненіямъ, то Толстой, безъ сомнѣнія, не только не христіанинъ, но даже грубый атеистъ и безбожникъ. Онъ не только не вѣритъ, но даже грубо и кощунственно издѣвается надъ ученіемъ, раскрытымъ въ Божественномъ Откровеніи,—„что Іисусъ есть Богъ Сынъ, который творилъ все до времени, что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама, что Онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ“. Вѣдь всѣ эти положенія, выработанныя людьми IV вѣка (?!) и имѣвшія для людей того времени извѣстный смыслъ,—говоритъ Толстой [1]),—для людей нашего времени не имѣютъ никакого. Люди нашего времени могутъ устами повторять эти слова, но вѣрить—не могутъ, потому что слова эти, какъ то, что Богъ живетъ на небѣ, что небо раскрылось и оттуда сказалъ голосъ что-то, что Христосъ воскресъ и *полетѣлъ куда-то* на небо и опять придетъ откуда-то на облакахъ и т. п. не имѣютъ *для насъ* смысла“. Въ Господа нашего Іисуса Христа, какъ Христа, какъ Помазанника, какъ обѣтованнаго Мессію, какъ Эммануила или Богочеловѣка Толстой не вѣруетъ; онъ знаетъ только Іисуса, какъ іудейскаго раввина, который сказалъ нѣсколько словъ о непротивленіи злу. Ясное дѣло, что Толстой можетъ называться, какъ ему угодно, но только не-*христіаниномъ*, такъ какъ онъ ко *Христу* не хочетъ имѣть никакого отношенія.

Но если Толстой не можетъ быть названъ христіаниномъ по его вѣрованіямъ, то еще менѣе онъ имѣетъ права на это названіе по своему поведенію. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія онъ справедливо говоритъ, что признаками христіанина должны быть признаны—смиреніе, кротость, любовь. Но у Тол-

---

[1]) Ч. 1, стр. 115.

стого нѣтъ ни одной изъ этихъ добродѣтелей; напротивъ онъ является чрезмѣрнымъ гордецомъ, человѣкомъ крайне высокомѣрнымъ, въ высшей степени эгоистичнымъ, возненавидѣвшимъ весь міръ; по его сочиненіямъ,—онъ одинъ только во всемъ мірѣ хорошій и добродѣтельный человѣкъ; на каждой страницѣ любой своей книжки Толстой ясно говоритъ своему читателю, какъ фарисей въ притчѣ Спасителя: „я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи". Всѣ высокопоставленные люди—министры, губернаторы, офицеры, всѣ чиновники, всѣ богачи, землевладѣльцы, священники, судебные прокуроры и судьи,—всѣ у него—безчестны, продажны, лгуны, обманщики, воры, грабители, обидчики, прелюбодѣи и пьяницы. Таковы же всѣ солдаты, педагоги, врачи... А простой народъ?—Да и простой народъ—дрянь! Одни одурманиваютъ себя табакомъ, другіе пьянствуютъ, развратничаютъ, а всѣ вообще—не христіане уже потому, что *жрутъ убойную пищу*. Въ этомъ отношеніи Толстой такъ обзываетъ жителей не одного какого-либо города, даже не одного какого-либо государства, а—всего міра. Всѣ, безъ исключенія всѣ,—христопродавцы и мошенники; одинъ только онъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой,—и есть истинный христіанинъ! Здѣсь ли мѣсто рѣчи о христіанскомъ смиренномудріи и кротости? Одинъ только Толстой позналъ всю истину; одинъ только онъ знаетъ всѣ средства нравственнаго искупленія и спасенія; одинъ только онъ умѣетъ указать человѣчеству путь нравственнаго возрожденія; ему не нуженъ Спаситель, Искупитель, Христосъ. Онъ самъ— спаситель всего человѣчества... Дальше человѣческой гордости идти некуда: идолъ самому себѣ поставленъ; нужны лишь жрецы и поклонники...

Толстой называетъ себя христіаниномъ, т. е., ученикомъ или послѣдователемъ Христа; но онъ не имѣетъ никакого права на такое названіе и потому, что во всемъ противорѣчитъ ученію Іисуса Христа. Напр., Господь нашъ Іисусъ Христосъ однажды Самъ уплатилъ подать на храмъ Божій, хотя предварительно и ясно доказалъ Петру, что Онъ, какъ Сынъ *Божій* долженъ быть свободнымъ отъ подати въ честь *Бога*, Отца Своего; Онъ въ этомъ случаѣ уплатилъ дань сборщикамъ для того, „чтобы не соблазнить ихъ" (Мѳ. 17, 27). Въ другое время Христосъ

заповѣдалъ: „и такъ отдавайте кесарево кесарю, а Божіе Богу“ (Мѳ. 22, 21; Марк. 12, 17; Лук. 20, 25). Толстой же по этому предмету учитъ своихъ послѣдователей такъ: никому ничего не давайте—ни кесарю, ни Богу,—все берите себѣ! Итакъ Толстой вступаетъ въ противорѣчіе съ ученіемъ Іисуса Христа; но подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ еще въ свое время.

Къ книгамъ Св. Писанія Толстой то-же относится не такъ, какъ слѣдуетъ относиться христіанину, даже не такъ, какъ относятся къ нимъ честные и добросовѣстные ученые изъ невѣрующихъ. Послѣдніе предварительно подвергаютъ ихъ критикѣ и напередъ объявляютъ своимъ читателямъ, признаютъ ли они эти книги подлинными или нѣтъ, почему они признаютъ ихъ подлинными или отвергаютъ, находятъ ли гдѣ испорченность текста или нѣтъ и т. д. Ничего подобнаго нѣтъ у Толстого: у него господствуетъ полнѣйшій произволъ,—подъ впечатлѣніемъ минуты онъ одно признаетъ истиннымъ, а другое отвергаетъ. А почему—на это у него нѣтъ никакого отвѣта.

Всѣ книги ветхаго завѣта Толстой съ презрѣніемъ бросаетъ отъ себя. А какъ въ этомъ отношеніи поступалъ и училъ Христосъ, ученикомъ Котораго считаетъ себя Толстой?—Ко всѣмъ книгамъ ветхаго завѣта Господь нашъ Іисусъ Христосъ всегда относился съ величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ, какъ къ откровенію Бога, какъ къ книгамъ, возвѣщающимъ волю Божію и содержащимъ пророчества о Немъ Самомъ. „Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ, или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вамъ: доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота, или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все“. Христосъ никогда не говорилъ людямъ, что Онъ проповѣдуетъ ученіе не то, которое было возвѣщено Моисеемъ и пророками въ ветхомъ завѣтѣ. Напротивъ Онъ даже часто ссылается на единство своего ученія съ откровеніемъ ветхозавѣтнымъ, указываетъ на ветхозавѣтныя писанія, какъ на книги, содержащія ясныя доказательства Его Божественнаго посольства, и часто ставитъ Свое ученіе во внутреннюю, тѣсную и неразрывную связь съ ученіемъ ветхозавѣтнаго Откровенія. „Изслѣдуйте Писанія, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣч-

ную. А они свидѣтельствуютъ о Мнѣ. Не думайте, что Я буду обвинять васъ предъ Отцемъ: есть на васъ обвинитель Моисей, на котораго вы уповаете. Ибо если бы вѣровали Моисею, то повѣрили бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писаніямъ не вѣрите,—какъ повѣрите Моимъ словамъ?“ (Іоан. 5, 39, 45,—47). „О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать всему, что предсказывали пророки! не такъ ли надлежало пострадать Христу и войти въ славу Свою? И начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ сказанное о Немъ во всемъ писаніи“ (Лук. 24, 25—27). Въ назаретской синагогѣ Іисусъ Христосъ, по свидѣтельству Евангелія, взялъ въ руки книгу пророка Исаіи и, „раскрывъ ее, нашелъ мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ; ибо Онъ помазалъ Меня благовѣтствовать нищимъ, и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣненнымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу, проповѣдывать лѣто Господне благопріятное. И закрывъ книгу, Онъ началъ говорить имъ: нынѣ исполнилось писаніе сіе, слышанное вами“. (Лук. 4, 17—21). Исторію мѣднаго змія, о которой повѣствуетъ Моисей въ книгѣ Чиселъ (21, 9), Спаситель Самъ поставилъ во внутреннюю прообразовательную связь съ Своимъ ученіемъ объ искупительномъ значеніи Своей крестной смерти (Іоан. 3, 14, 15; срв. 12, 32), повѣствованіе о маннѣ (Исх. 16, 14)—съ Своимъ ученіемъ о таинствѣ Евхаристіи (Іоан. 6, 31—56), исторію пророка Іоны—съ Своею смертію и воскресеніемъ; кромѣ того, по свидѣтельству евангельскихъ повѣствованій, Онъ не менѣе 37 разъ прямо ссылался на книги ветхозавѣтныхъ пророковъ для доказательства истинности Своего собственнаго ученія [1]). „Заблуждаетесь, *не зная писаній*, ни силы Божіей“, говорилъ Христосъ саддукеямъ. „О воскресеніи мертвыхъ не читали ли вы *реченнаго вамъ Богомъ*: Я Богъ Авраама, и Богъ Исаака,

---

1) Срв. Іоан. 6, 45; 7, 37; 8, 17, 10, 34; 13, 18; 15, 25; 17, 12; Мѳ. 4, 4; 7; 10; 11, 10; 12, 7; 13, 14—15; 15, 4; 7—9; 19, 4; 5; 18—19; 21, 16; 42; 22, 29—32; 43—45; 26, 31; Марк. 7, 6—7; 10; 10, 6; 19; 11, 17; 12, 10—11; 24—26; 29—31; 35—37; 14, 27; Лук. 4, 4; 8; 12; 17—21; 7, 27; 19, 46; 20, 17; 41—44; 22, 37 и др.

и Богъ Іакова? Богъ не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“ (Исход. 3, 6). „Въ законѣ что написано? какъ читаешь?... такъ поступай и будешь жить“.—„Всѣ вы соблазнитесь о Мнѣ въ эту ночь; ибо написано: поражу пастыря; и разсѣются овцы“ (Захар. 13, 7). А сколько разъ ссылается Господь на ветхозавѣтныя писанія, спрашивая іудеевъ: „развѣ вы не читали?“ „Не читали ли вы?“ Ветхозавѣтныя писанія Онъ ставилъ даже выше чудесъ и сверхъестественныхъ явленій: „Если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ“ (Лук. 16, 31).

Съ такимъ же уваженіемъ относились къ ветхозавѣтному Откровенію и такое же важное значеніе приписывали ветхозавѣтнымъ писаніямъ и всѣ истинные и ближайшіе ученики Христовы—Апостолы. „Или вы думаете, говоритъ ап. Іаковъ (4, 5),—что *напрасно говоритъ Писаніе*: до ревности любитъ духъ, живущій въ насъ? Но тѣмъ большую даетъ благодать; посему и *сказано:* Богъ гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать“ (Притч. 3, 34). Исполнилось слово Писанія“ (Іак. 2, 23). У ап. Петра: „ибо сказано въ Писаніи: вотъ Я полагаю въ Сіонѣ камень краеугольный (1 Петр. 2, 6; срв. Пс. 117, 22). „Никогда пророчество не было произносимо по волѣ человѣческой, но изрекали его святые Божіе человѣки, будучи движимы Духомъ Святымъ“ (2 Петр. 1, 21),—вотъ почему, по изъясненію св. ап. Петра, „никакого пророчества въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою“ (ст. 20). „Къ сему-то спасенію (во Христѣ) относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали о назначенной вамъ благодати, изслѣдывая, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, когда Онъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу; имъ открыто было, что не имъ самимъ, а намъ служило то, что нынѣ проповѣдано вамъ благовѣствовавшими Духомъ Святымъ“ (1 Петр. 1, 10—15). Чтобы видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ св. Апостолы и какъ часто они ссылались на нихъ въ подтвержденіе своего собственнаго ученія, желающимъ мы совѣтуемъ прочитать слѣдующія мѣста: Рим. 1, 17, 2, 24; 3, 4; 10; 4, 17, 23; 8, 35; 9, 13; 33; 10, 15; 11, 8, 26;

12, 19; 14, 11; 15, 3. 9. 21; 1 Кор. 1, 19; 2, 9; 3, 19; 10, 7; 15, 45; 2 Кор. 8, 15; 9, 9; 4, 13; Галат. 3, 10; 13; 4, 22. 27; 1 Петр. 1, 16; 2, 6; Рим. 1, 2; 2, 27, 29; 4, 3; 9, 17, 10, 8. 11; 11, 2; 14, 25; 15, 4; 1 Кор. 15, 3; 4; Галат. 3, 8; 22; 4. 30; 1 Тим. 5, 18; 2 Тим. 3, 15; 16; Іак. 2, 8; 23; 4, 5; 1 Петр. 2, 6; 2 Петр. 3, 16; 2, 5; 1, 10; Іак. 5, 10; Рим. 1, 2; 3, 21, 9, 29; 11, 3; 1 Кор. 12, 28; 14, 32; Ефес. 2, 2; 3, 5; Евр. 1, 1; 11, 32; 2 Петр. 3, 2; и мн. др.

Но если Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его апостолы относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ съ величайшимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ и часто ссылались даже на нихъ въ доказательство истинности своего собственнаго ученія, признавая ихъ изреченными отъ Бога, написанными по вдохновенію Духа Божія,—то спрашивается: на какомъ основаніи отвергаетъ ихъ Толстой, называющій себя единственнымъ во всемъ мірѣ ученикомъ Христовымъ и истиннымъ христіаниномъ?— Толстой не указываетъ для этого совершенно никакого основанія. Онъ ничего не хочетъ слышать о ветхозавѣтныхъ писаніяхъ только потому, что они ему не нравятся; а не нравятся они ему потому, что содержащееся въ нихъ ученіе не подходитъ подъ цвѣтъ его собственнаго ученія [1]). Но для человѣка здравомыслящаго, а тѣмъ болѣе для христіанина это, очевидно, не основаніе. Если Христосъ заповѣдалъ съ благоговѣніемъ относиться къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ, какъ къ Божественному Откровенію, то ясно, что всякій, желающій быть истиннымъ христіаниномъ, и долженъ поступать по Его заповѣди и примѣру.

Такимъ же образомъ относится Толстой и къ писаніямъ апостольскимъ. Онъ отвергаетъ ихъ совершенно безъ всякаго основанія. Правда, онъ часто говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, что христіанская церковь исказила христіанское ученіе въ IV вѣкѣ, съ того времени, какъ императоръ Константинъ Великій объявилъ христіанскую вѣру—господствующею религіею въ своей имперіи. Но самые враждебные христіан-

[1]) О такомъ отношеніи своемъ къ Ветхозавѣтному Откровенію какъ и Новозавѣтному, самъ Толстой съ поразительною наивностію разсказываетъ въ предисловіи къ своему лже-евангелію стр. 9—24.

ству критики новозавѣтныхъ писаній, при всей своей придирчивости, должны были признать, что канонъ новозавѣтныхъ апостольскихъ писаній, т. е., всѣ эти писанія, вмѣстѣ взятыя, были извѣстны у христіанъ въ концѣ перваго и не далѣе первой четверти второго вѣка. Правда и то, что эти критики нѣкоторыхъ изъ новозавѣтныхъ писаній не признавали подлинно-апостольскими, т. е. написанными именно Петромъ, Іаковомъ, Іоанномъ или Павломъ, но никто изъ нихъ не сомнѣвался въ ихъ подлинно—христіанскомъ происхожденіи; никто не утверждалъ того, что заключающееся въ нихъ ученіе несогласно съ ученіемъ Іисуса Христа, изложеннымъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ.

Совершенно иначе относится къ новозавѣтнымъ апостольскимъ писаніямъ Толстой: онъ огульно отвергаетъ ихъ, не указывая для этого ровно никакого основанія. Просто-на-просто они ему не нравятся, такъ какъ содержатъ ученіе несогласное съ его собственнымъ ученіемъ,—и вотъ по этой только причинѣ онъ и не хочетъ ничего о нихъ слышать... Дѣйствительно, Толстому апостольскія посланія—не подъ цвѣтъ: въ каждомъ пунктѣ онъ можетъ увидѣть въ нихъ лишь опроверженіе своего ученія, которое бы ему хотѣлось выдать за христіанское.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Толстой не признаетъ никакой власти во всемъ мірѣ. Апостолы въ своихъ посланіяхъ не только признаютъ власти совершенно необходимыми, но и заповѣдуютъ христіанамъ безпрекословное повиновеніе имъ, вполнѣ согласно съ ученіемъ Іисуса Христа, повелѣвавшаго воздавать кесарево кесарю. Такъ, ап. Петръ пишетъ: „Бога бойтесь, царя чтите“ (1 Петр. 2, 17). „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро“ (ст. 13. 14). Въ посланіяхъ ап. Павла, одобренныхъ и ап. Петромъ (2 Петр. 3, 15), мы также читаемъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствую-

щіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіи служители, симъ самымъ постоянно занятые. Итакъ отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброкъ, оброкъ; кому страхъ, страхъ; кому честь, честь" (Рим. 13, 1—7). „Итакъ прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ, дабы проводить намъ жизнь тихую и безмятежную во всякомъ благочестіи и чистотѣ, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу" (1 Тим. 2, 1—3).

Далѣе Толстой проповѣдуетъ, будто бы несогласно съ христіанскимъ ученіемъ—платить подати. Апостолы, напротивъ, смотрятъ на подати не только какъ на явленіе въ христіанскомъ обществѣ естественное; но даже признаютъ ихъ необходимыми, какъ мы видѣли выше. (Ср. Рим. 13, 6, 7).

Затѣмъ Толстой отвергаетъ клятву. Апостолы, согласно съ ученіемъ Іисуса Христа, также высказываютъ въ своихъ посланіяхъ понятное желаніе, чтобы христіане, говоря всегда правду и не допуская лжи, вѣрили другъ другу на слово и не прибѣгали къ клятвенному удостовѣренію (Іак. 5, 12); но въ грѣховномъ обществѣ, среди котораго ложь порождаетъ недовѣріе, значенія клятвы они не отвергаютъ. Такъ въ посланіи ап. Павла къ евреямъ (6, 16—18) мы читаемъ: „Люди клянутся высшимъ, и клятва во удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ". Какое важное значеніе апостолы приписывали клятвѣ, желающій можетъ видѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: Рим. 6, 17—18; Евр. 3, 11, 18; 4, 3; 6, 13; 7, 21 и др.

Наконецъ, Толстой находитъ не христіанскимъ учрежденіемъ судъ и заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ не принимать въ судахъ никакого участія. Апостолы только не хотѣли бы видѣть среди христіанъ тяжбъ и споровъ и не одобряли, когда христіане съ своими тяжебными дѣлами обращались къ суду

язычниковъ; но значенія собственнаго суда среди христіанъ не отвергаютъ. Такъ ап. Павелъ писалъ коринѳянамъ: „Какъ смѣетъ кто у васъ, имѣя дѣло съ другимъ, судиться у нечестивыхъ, а не у святыхъ? Развѣ не знаете, что святые будутъ судить міръ? Если же вами будетъ судимъ міръ, то неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла? Развѣ не знаете, что мы будемъ судить ангеловъ, не тѣмъ ли болѣе дѣла житейскія? А вы, когда имѣете житейскія тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значущихъ въ церкви. Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ бы разсудить между братьями своими?“ (1 Кор. 6, 1—5).

Послѣ этого для каждаго здравомыслящаго ясно, что между христіанскимъ ученіемъ, изложеннымъ апостолами въ ихъ посланіяхъ, и лжеученіемъ Толстого слишкомъ мало общаго; по этой-то причинѣ Толстому и показалось наилучшимъ просто, безъ всякаго основанія, не обращать на апостольскія посланія никакого вниманія. Пріемъ этотъ, конечно, смѣлъ; но за то не наученъ и даже не честенъ.

Подводя итогъ сказанному нами до сихъ поръ, мы должны придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ: 1) Толстой не имѣетъ никакого права называть себя *истиннымъ* христіаниномъ; 2) ученіе его можетъ быть называемо соціалистическимъ, политическимъ, анархическимъ или—другимъ какимъ либо словомъ, но только—не христіанствомъ, какъ называетъ его самъ Толстой; 3) истинный христіанинъ, не переставая быть христіаниномъ, не можетъ, подобно Толстому, отвергать ни ветхозавѣтныхъ пророчествъ, ни новозавѣтныхъ—апостольскихъ писаній.

Съ этими общими положеніями мы и приступаемъ къ разбору изданнаго въ этомъ году сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“, предупреждая, впрочемъ, читателя, что насъ, собственно, не столько интересуетъ самый разборъ лжеученія Толстого, сколько изложеніе истинно-христіанскаго ученія о тѣхъ предметахъ, о которыхъ Толстой разсуждаетъ въ своей книгѣ.

I.

Толстой и его предшественники.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, только приступая къ пропагандѣ своего лжеученія, Толстой прежде всего выдавалъ себя своимъ читателямъ за человѣка весьма умнаго, всесторонне образованнаго, многосвѣдущаго и многоученаго, подобнаго которому трудно найти во всемъ мірѣ, словомъ,—сразу хотѣлъ занять положеніе такого авторитетнаго руководителя, которому бы читатели прямо вѣрили на слово, не подвергая сомнѣнію ни одного изъ его положеній. И Толстой отчасти достигъ своей цѣли. Нашлись многіе легковѣрные, малоразвитые, не способные къ критическимъ сужденіямъ люди, которые, повѣривъ Толстому на слово и признавъ его своимъ авторитетомъ, безъ всякихъ разсужденій, стали толпой въ ряды его учениковъ. Иначе отнеслись къ заявленію Толстого о его философской и богословской многоучености люди, способные къ серьезнымъ разсужденіямъ. Они высоко цѣнили *поэтическое* дарованіе Толстого, какъ оно выразилось въ его прежнихъ, дѣйствительно, поэтическихъ произведеніяхъ; но, разсмотрѣвъ основательно послѣднія лже-философскія сочиненія его, они пришли къ выводу, что философъ онъ—плохой, а еще менѣе имѣетъ основаній называть себя многоученымъ и глубоко-мысленнымъ богословомъ. Основанія, приведенныя этими людьми—критиками Толстого, были настолько вѣски и неопровержимы, что справедливость ихъ вынужденъ былъ признать и самъ Толстой. Вотъ почему свое послѣднее сочиненіе онъ прямо начинаетъ [1]) откровеннымъ заявленіемъ, что въ области богословскихъ предметовъ онъ человѣкъ—мало-знающій. Интересно поэтому, для сравненія, сопоставить здѣсь то, что́ Толстой говорилъ о своей богословской многоучености десять лѣтъ назадъ, и что онъ смиренно говоритъ о ней теперь. Вотъ это сопоставленіе.

---

[1]) Ч. I, стр. 1.

Толстой говорилъ о себѣ въ 1884 году:

„Я читалъ не одну нагорную проповѣдь, я читалъ всѣ Евангелія, *всѣ* богословскіе комментаріи на нихъ [1])... И вотъ послѣ многихъ, многихъ тщетныхъ исканій, изученій того, что было писано объ этомъ въ доказательство божественности этого ученія и въ доказательство небожественности его [2])... Читаю посланія апостола Павла [3])... Справляюсь (о томъ же непротивленіи злу) съ учителями церкви первыхъ вѣковъ [4])... Обратился къ толкованіямъ церкви съ пятаго вѣка [5])... Справляюсь у греческихъ, католическихъ, протестантскихъ писателей и писателей тюбингенской школы и школы исторической [6])... Справляюсь какъ переводятся въ Евангеліяхъ эти слова на разные языки... въ Вульгатѣ, у Лютера [7])... Справляюсь съ общимъ лексикономъ... Справляюсь съ лексикономъ Новаго Завѣта... Справляюсь съ контекстами [8])... Хорошо зная академическую литературу [9])... Справляюсь съ варіантами. Справляюсь по Грисбаху“ [10])... и т. д.

Толстой говоритъ о себѣ въ 1894 году:

„Я очень мало знаю, какъ и всѣ мы, о томъ, что дѣлалось и было проповѣдуемо и писано въ прежнее время по вопросу о непротивленіи злу. Я зналъ только, что было высказано объ этомъ предметѣ у отцовъ церкви — Оригена, Тертулліана [1]) и *другихъ* (?), — зналъ и о томъ, что существуютъ нѣкоторыя такъ называемыя секты Менонитовъ, Гернгутеровъ, Квакеровъ, которыя не допускаютъ для христіанина употребленія оружія, и не идутъ въ военную службу; но что было сдѣлано этими, такъ называемыми сектами для разъясненія этого вопроса, было мнѣ мало извѣстно“ [2]).

Итакъ, то, что Толстой десять лѣтъ назадъ говорилъ о своей богословской многоученості, было по меньшей мѣрѣ преувеличеннымъ, если не преднамѣреннымъ заманываніемъ легковѣрныхъ и легкомысленныхъ подъ знамя фиктивнаго авторитета мнимой науки!

---

1) Въ чемъ моя вѣра? стр. 10.
2) Тамъ же стр. 11.
3) Стр. 31.
4) Стр. 32.
5) Стр. 33.
6) Тамъ же.
7) Стр. 34.
8) Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе стр. 35.
9) Стр. 187.
10) Стр. 68.

1) Оригена и Тертулліана Толстой всегда называетъ, конечно, по невѣдѣнію, не *учителями*, а *отцами* церкви.
2) Царство Божіе внутри васъ. Стр. 1—2.

Къ немалому удивленію нашему, въ разбираемомъ сочиненіи Толстой правдиво опредѣляетъ и тѣ причины, благодаря которымъ пользовались большою популярностію лжефилософскія произведенія его и въ особенности—его книга: „Въ чемъ моя вѣра?“ Какія же это причины?—„Отчасти вслѣдствіе моей репутаціи, какъ писателя,—говоритъ Толстой [1]) отчасти потому, что она (его книга: „Въ чемъ моя вѣра?“) заинтересовала людей“... Имѣя въ виду эти причины, можно обѣщать неменьшую популярность и послѣднему сочиненію Толстого. И для него немалое значеніе будутъ имѣть популярность и репутація его, какъ писателя; и это сочиненіе также, безъ сомнѣнія, заинтересуетъ людей... Но только какихъ людей? Здѣсь Толстой уже не касается тѣхъ высшихъ богословскихъ и философскихъ вопросовъ, которые занимали видное мѣсто въ нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ сочиненій. Здѣсь нѣтъ уже рѣчи ни о Богѣ, ни о смыслѣ и высшей цѣли человѣческой жизни, ни о мотивахъ нравственной дѣятельности. Всѣ эти вопросы Толстымъ уже оставлены какъ праздные и метафизическіе. Теперь онъ спустился съ облаковъ философіи и теософіи; онъ сталъ уже прямо на путь яснаго соціализма и продолжаетъ дѣло, надъ которымъ болѣе двадцати лѣтъ работали наши народные просвѣтители 60-хъ годовъ, а нынѣ разрабатываютъ въ Европѣ всевозможные анархисты. Цѣль, которой хочетъ достигнуть Толстой въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, совершенно анархическая: указаніе прямого пути и надежныхъ средствъ къ уничтоженію существующаго нынѣ государственнаго устройства и всѣхъ учрежденій его: школъ, больницъ, судовъ, полиціи, войска, податей, а также къ устраненію всѣхъ никому ненужныхъ—министровъ, губернаторовъ, судебныхъ прокуроровъ, генераловъ, офицеровъ, архіереевъ, священниковъ, волостныхъ старшинъ, писарей, сотскихъ, десятскихъ, всѣхъ богачей, фабрикантовъ и даже землевладѣльцевъ [2])... Понятно, что еще и теперь найдутся люди, раздѣляющіе чаянія нигилистовъ и соціалистовъ 60-хъ годовъ, и этихъ людей, безъ сомнѣнія, послѣднее сочиненіе Тол-

[1]) Тамъ же стр. 2.

[2]) См. напр. Ч. II, стр. 94—100 и всю книгу Толстого въ двухъ частяхъ, преисполненную такихъ наставленій.

стого очень заинтересуетъ своимъ содержаніемъ, а чрезъ ихъ усердіе оно будетъ извѣстно и крестьянамъ въ захолустныхъ селахъ и даже пріобрѣтетъ Толстому среди послѣднихъ новыхъ послѣдователей,—тѣмъ болѣе, что въ разбираемомъ сочиненіи, какъ увидимъ ниже, самъ Толстой уже хлопочетъ не о просвѣщеніи простого народа даже и въ духѣ его ученія, а прямо о вербованіи невѣжественныхъ массъ въ ряды его послѣдователей чрезъ установленіе согласнаго съ его ученіемъ общественнаго мнѣнія, какими бы то ни было средствами достигнутаго *).

Интересно прослѣдить, какъ Толстой путается въ рѣшеніи вопроса о самомъ происхожденіи *заповѣди* (?) непротивленія злу. Сначала онъ приписывалъ это ученіе только одному Іисусу Христу; но, затѣмъ, прочитавъ IV томъ сочиненій Шопенгауэра, онъ уже отказался отъ этого мнѣнія и сталъ доказывать, что ученіе о непротивленіи злу принадлежитъ не Христу, а Конфуцію, Буддѣ, стоикамъ, еврейскимъ талмудистамъ. Тѣмъ не менѣе въ своемъ послѣднемъ сочиненіи ученіе о непротивленіи злу онъ постоянно называетъ *истинно-христіанскимъ*. Другой вопросъ: кто первый изъяснилъ людямъ дѣйствительный смыслъ этого ученія? Десять лѣтъ тому назадъ эту честь Толстой приписывалъ только *одному* себѣ. Теперь, однако, онъ говоритъ уже не то, и такимъ образомъ самъ начинаетъ лишать себя славы открытія великой истины, до него бывшей будто бы совершенно неизвѣстною людямъ. По этому поводу

Вотъ что говорилъ Толстой въ 1884 году:	*Вотъ что говоритъ Толстой въ 1894 году:*
„*Открытіе* это (ученія о непротивленіи злу) сдѣлано было мною такъ [1])... Но долго я не могъ привыкнуть къ той странной мысли, что послѣ 1800 лѣтъ исповѣданія Христова закона милліардами людей, послѣ тысячъ людей, посвятившихъ свою жизнь на изученіе этого закона, *теперь мнѣ пришлось, какъ что-то новое, открывать законъ Христа.* Но какъ ни странно это было, это было такъ“ [2]).	Ученіе о непротивленіи злу насиліемъ съ самаго основанія христіанства исповѣдовалось и исповѣдуется меньшинствомъ людей [1]).

[1]) Въ чемъ моя вѣра? стр. 6.

[2]) Тамъ же стр. 46—47.

*) Ч. II, стр. 80—100.

[1]) Царство Божіе внутри васъ, Ч. I, стр. 1.

Какъ объяснить возможность такого противорѣчія самому себѣ, такого самоотрицанія и самопобіенія? Объяснить это очень легко. До послѣдняго времени Толстой, какъ онъ и самъ сознается, имѣлъ лишь смутное представленіе о сектахъ менонитовъ, гернгутеровъ и квакеровъ. Но когда Толстой ложно приписалъ себѣ открытіе закона Христова о непротивленіи злу, американскіе квакеры первые уличили его въ ложномъ самовосхваленіи и прямо заявили ему, что честь этого открытія принадлежитъ не кому другому, какъ только однимъ имъ, болѣе 200 лѣтъ исповѣдующимъ на дѣлѣ ученіе Христа о непротивленіи злу насиліемъ и не употребляющимъ для защиты себя оружія. Въ доказательство этого они вмѣстѣ съ письмами прислали Толстому свои брошюры, журналы и книги. Послѣ этого Толстой дѣлаетъ новое открытіе и спѣшитъ порадовать имъ міръ. „Изъ этихъ присланныхъ мнѣ журналовъ, брошюръ и книгъ, говоритъ онъ [1]), —я узналъ, до какой степени уже много лѣтъ тому назадъ ими неопровержимо была доказана для христіанина обязанность выполненія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ и была обличена неправильность церковнаго ученія, допускающаго казни и войны". „Знакомство съ дѣятельностію квакеровъ и ихъ сочиненіями: съ Фоксомъ [2]), Пэномъ [3]) и въ особенности съ книгой Даймонда (Dymond) 1827 г.—показало мнѣ, что не только давнымъ давно сознана невозможность соединенія христіанства съ насиліемъ и войною, но что эта несовмѣстимость давнымъ давно такъ ясно, и несомнѣнно доказана, что надо только удивляться, какимъ образомъ можетъ продолжаться это невозможное соединеніе христіанскаго ученія съ насиліемъ, которое проповѣдовалось и продолжаетъ проповѣдываться церквами" [4]).

Но какую пользу принесло Толстому его запоздалое знакомство съ сектою квакеровъ? Казалось бы, что, признавъ за этою сектою единственно истинное пониманіе христіанскаго ученія, Толстой долженъ былъ бы только усвоить себѣ это ученіе, присоединиться къ сектѣ и содѣйствовать ея распространенію.

---

[1]) „Царство Божіе внутри васъ", ч. I, стр. 3.

[2]) Георгій Фоксъ—основатель секты квакеровъ, явившейся въ 1647 году.

[3]) Вильгельмъ Пэнъ—ревностный распространитель и организаторъ секты.

[4]) Царство Божіе внутри васъ ч. I, стр. 4—5.

Но ничего подобнаго не случилось и даже не можетъ случиться, потому что, кромѣ пустого фразерства о непротивленіи злу, между квакерами и Толстымъ нѣтъ ничего общаго. Секта квакеровъ, при всѣхъ своихъ заблужденіяхъ и при всемъ своемъ одностороннемъ пониманіи христіанскаго ученія, все таки удерживаетъ за собою религіозный характеръ;—а ученіе Толстого имѣетъ только соціально—политическій характеръ, который обнаружился въ его нигилистическихъ и анархическихъ воззрѣніяхъ. Квакеры вѣруютъ въ бытіе личнаго Бога, Іисуса Христа называютъ Сыномъ Божіимъ, своимъ Господомъ и Учителемъ, признаютъ личное бытіе Духа Святаго и возможность Его наитія на людей, вѣруютъ въ личную загробную жизнь и вескресеніе мертвыхъ, имѣютъ въ виду въ своей жизни одну главную цѣль—достиженіе своего спасенія и вѣчнаго блаженства; ничего подобнаго нѣтъ у Толстого: онъ проповѣдуетъ только безсмысленный атеизмъ и грубый матеріализмъ. Квакеры устраиваютъ свои собранія для чтенія Библіи, молитвы и религіозной проповѣди; толстовцы собираются вмѣстѣ только для разсужденій о необходимости разрушенія государственнаго строя, уничтоженія властей, войска, податей, капиталистовъ, фабрикантовъ и для кощунственнаго издѣвательства и поношенія Церкви Христовой, для выраженія по отношенію къ ней чувства своей безграничной враждебности во имя (будто бы) заповѣди Христовой о любви даже ко врагамъ...

Но на знакомствѣ съ сектою квакеровъ дѣло не остановилось. За однимъ открытіемъ послѣдовало другое. Толстому посчастливилось обогатиться новыми свѣдѣніями. „Кромѣ свѣдѣній, полученныхъ мною отъ квакеровъ, говоритъ онъ [1]), около этого же времени я получилъ тоже изъ Америки свѣдѣнія о томъ же предметѣ (т. е. о непротивленіи злу) изъ совершенно другого и *прежде мнѣ вовсе неизвѣстнаго источника*“. Сынъ Вильяма Лойда Гаррисона, извѣстнаго борца за свободу негровъ, нашедши въ ученіи Толстого нѣчто сходное съ мыслями, выраженными его (Гаррисона) отцомъ въ 1838 году, прислалъ Толстому составленную его отцомъ декларацію или провозгла-

[1]) Ч. II, стр. 5.

шеніе непротивленія—„Non resistance“. Затѣмъ отъ нѣкоего Вильсона Толстой узналъ о существованіи нѣкоего Адина Балу, участвовавшаго въ трудахъ отца Гаррисона. Толстой немедленно написалъ ему, Балу, письмо, на которое удостоился получить отвѣтъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ сочиненія этого Балу. Изъ этихъ сочиненій Толстой узналъ, что Балу „обѣщалъ, оставивъ все, слѣдовать за Іисусомъ Христомъ *на худое* (?) и доброе до самой смерти“ [1]); а его *катехизмъ непротивленія* ясно доказалъ Толстому, что слово—„непротивленіе“—не слѣдуетъ принимать въ самомъ его обширномъ смыслѣ, но въ смыслѣ наставленія Спасителя, т. е., не платить *зломъ за зло*, и что злу должно противиться всякими праведными средствами, но никакъ не зломъ“ [2]).

Наконецъ, какой-то профессоръ пражскаго университета сообщилъ Толстому, что еще, въ XV вѣкѣ чехъ Хельчицкій написалъ сочиненіе „Сѣть вѣры“, которое никогда и нигдѣ не было напечатано, но въ которомъ приведенъ тотъ же взглядъ на истинное и ложное христіанство, какой высказалъ и Толстой въ своемъ сочиненіи—„Въ чемъ моя вѣра?“ По словамъ пражскаго профессора, это сочиненіе Хельчицкаго, котораго нельзя было напечатать ни во Франціи, ни въ Австріи, ни въ Америкѣ, „должно было быть издано въ первый разъ на чешскомъ языкѣ въ журналѣ Петербургской академіи наукъ“. Не довольствуясь ознакомленіемъ съ содержаніемъ сочиненія Хельчицкаго по какой-то нѣмецкой книгѣ, присланной тѣмъ же пражскимъ профессоромъ [3]), и по исторіи чешской литературы Пыпина, Толстой „досталъ“ [4]) изъ типографіи корректурные листы того, что было отпечатано, и прочелъ книгу. „Книга эта, по словамъ Толстого, во всѣхъ отношеніяхъ удивительная. Содержаніе ея совершенно вѣрно передано Пыпинымъ... Книга эта одна изъ рѣдкихъ уцѣлѣвшихъ отъ костровъ книгъ, обличающихъ официальное христіанство“... Въ виду такого важнаго значенія этой книги Толстой неоднократно высказываетъ свое

---

[1]) Ч. I, стр. 15.

[2]) Стр. 18.

[3]) Толстой почему-то не называетъ этой книги.

[4]) Ч. I, стр. 30.

сѣтованіе на то, что начатое нашею академіею наукъ печатаніе ея пріостановлено, вслѣдствіе чего ему пришлось знакомиться съ нею нелегальнымъ путемъ. Воображаемъ однако, какъ былъ удивленъ Толстой, узнавъ еще до окончанія своего сочиненія, что книга Хельчицкаго еще въ прошломъ году Академіею наукъ напечатана и въ русскомъ обществѣ не вызвала никакого интереса.

Теперь, кажется, естественно предложить вопросъ: какую пользу получилъ Толстой отъ своего знакомства съ ученіемъ и писаніями квакеровъ, Гаррисона, Балу, Даймонда и Хельчицкаго?

Въ отвѣтъ на это Толстой пишетъ [1]): „Дѣятельность Гаррисона отца съ его основаніемъ общества непротивляющихся и деклараціи еще болѣе, чѣмъ сношенія мои съ квакерами, убѣждали меня въ томъ, что отступленіе государственнаго христіанства отъ закона Христа о непротивленіи насиліемъ есть дѣло давно замѣченное и указанное и для обличенія котораго работали и не перестаютъ работать люди. Дѣятельность Балу еще болѣе подтвердила мнѣ это". Такимъ образомъ Толстой, начавшій свою странную проповѣдь о непротивленіи злу въ смыслѣ чуждомъ истинно-христіанскому пониманію болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, все время какъ-будто не былъ убѣжденъ въ истинности того, что онъ проповѣдывалъ съ особенною энергіею, и до послѣдняго времени нуждался въ томъ, чтобы въ истинности его ученія его убѣдили квакеры, Гарриссонъ и Балу. А если не такъ, то какую-же пользу могли принести ему эти люди?—Очевидно,—никакой. Но мы думаемъ, что не для себя, а для другихъ Толстой излагаетъ въ своемъ сочиненіи ученіе квакеровъ, Гаррисона и Балу. „Не вѣрите мнѣ, такъ повѣрьте хотя этимъ людямъ,—они авторитетнѣе меня!"—вотъ что какъ бы говоритъ Толстой своею ссылкою на ученіе своихъ предшественниковъ по міровоззрѣнію. Онъ беретъ ихъ себѣ въ помощь и отдаетъ имъ подъ защиту себя. Вотъ единственная польза, которую извлекаетъ Толстой изъ своего знакомства съ сочиненіями американскихъ квакеровъ, Гаррисона, Балу и Хельчицкаго; а между тѣмъ отъ этого зна-

[1]) Ч. I, стр. 27.

комства онъ могъ бы получить и гораздо большую пользу, если бы онъ внимательнѣе отнесся къ тому, какихъ результатовъ достигли его предшественники своею дѣятельностію.

Не знаемъ, извѣстно ли Толстому, какимъ незначительнымъ распространеніемъ пользуется ученіе квакеровъ; но онъ хорошо знаетъ, что Гаррисонъ, Балу, Даймондъ и Хельчицкій не имѣли никакихъ успѣховъ; они были учителями безъ учениковъ, проповѣдниками безъ слушателей, писателями, сочиненій которыхъ никто не читалъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ самъ Толстой [1]): „Общество и журналъ (основанные Гаррисономъ) просуществовали не долго: большинство сотрудниковъ Гаррисона по дѣлу освобожденія рабовъ, опасаясь того, чтобы слишкомъ радикальныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляющійся“ не оттолкнули людей отъ практическаго дѣла освобожденія негровъ, большинство сотрудниковъ отказалось отъ исповѣданія принципа непротивленія, какъ онъ былъ выраженъ въ провозглашеніи, и общество и журналъ прекратили свое существованіе. Это провозглашеніе Гаррисона, такъ сильно и краснорѣчиво выражавшее такое важное для людей исповѣданіе вѣры, казалось должно бы было поразить людей и сдѣлаться всемірно извѣстнымъ и предметомъ всесторонняго обсужденія. Но ничего подобнаго не было. Оно не только не извѣстно въ Европѣ, но среди Американцевъ, столь высоко чтущихъ Гаррисона, провозглашеніе это почти неизвѣстно“.

„Та же неизвѣстность,—говоритъ Толстой далѣе [2]),—постигла и другаго борца за непротивленіе злу недавно умершаго, въ продолженіи 50 лѣтъ проповѣдывавшаго это ученіе, американца Адина Балу. До какой степени мало извѣстно все то, что относится къ вопросу непротивленія, видно изъ того, что Гаррисонъ сынъ, написавшій превосходную, въ 4-хъ большихъ томахъ біографію своего отца, этотъ Гаррисонъ сынъ, на вопросъ мой о томъ, существуютъ-ли теперь общества непротивленія и есть ли послѣдователи его, отвѣчалъ мнѣ, что, сколько ему извѣстно, общество это распалось и послѣдователей этого ученія не существуетъ“...

---

[1]) Ч. I, стр. 13.
[2]) Ч. I, стр. 14.

„Въ августѣ 1890 года—читаемъ еще у Толстого ч. I. стр. 27,—Балу скончался и въ американскомъ христіанскаго направленія журналѣ (Religio-Philosophical journal, August 23) былъ его некрологъ. Въ хвалебномъ некрологѣ этомъ пишется о томъ, что Балу былъ духовнымъ руководителемъ общины, что онъ произнесъ отъ 8 до 9 тысячъ проповѣдей, женилъ 1000 паръ и написалъ около 500 статей, но ни одного слова не сказано о той цѣли, которой онъ посвятилъ свою жизнь, не сказано даже и слова „непротивленіе“. Какъ все то, что 200 лѣтъ проповѣдуютъ квакеры, какъ дѣятельность Гаррисона отца, основаніе его общества и журнала, его провозглашеніе, такъ и вся дѣятельность Балу точно какъ будто не существуетъ и не существовало“.

Такова же была судьба книги Хельчицкаго [1])—„Сѣть вѣры“, книги Даймонда—„On war“—„О войнѣ“ [2]) и книги Мосера—„О непротивленіи“ [3]).

Мы съ намѣреніемъ собственными словами Толстого указали на поучительную судьбу прежнихъ проповѣдниковъ непротивленія, несогласнаго съ истинно-христіанскимъ пониманіемъ Христова ученія. Чѣмъ же объяснить общее несочувствіе къ нимъ людей? Отчего они оставались одинокими? Отчего ихъ общества распадались почти тотъ часъ послѣ учрежденія? Отчего ихъ книги были оставляемы безъ прочтенія? Отчего ихъ современники и послѣдующія поколѣнія такъ скоро забывали и забываютъ не только о ихъ проповѣди и дѣятельности, но даже и о самомъ существованіи ихъ? Толстой даетъ замѣчательный отвѣтъ на эти серьезные вопросы. „Судьба и Гаррисона, и въ особенности Балу, никому неизвѣстнаго, несмотря на 50 лѣтъ упорной и постоянной работы въ одномъ и томъ же направленіи,—говоритъ Толстой [4]),—подтвердила для меня то, что *существуетъ какой-то невысказанный, но твердый уговоръ—замалчиванья всѣхъ такихъ попытокъ*“. „Вездѣ,—такъ заключаетъ онъ и первую главу, или параграфъ своего сочи-

[1]) Ч. I, стр. 28.
[2]) Ч. I, стр. 33.
[3]) Ч. I, стр. 33, 36.
[4]) Ч. I, стр. 27.

ненія [1]),—повторяется одно и тоже. Не только правительство, но и большинство либеральныхъ, свободно мыслящихъ людей, какъ бы сговорившись, старательно отворачиваются отъ всего того, что говорилось, писалось, дѣлалось и дѣлается людьми для обличенія несовмѣстимости насилія въ самой ужасной, грубой и яркой его формѣ—въ формѣ солдатства, т. е., готовности убійства кого-бы то ни было, съ ученіемъ не только христіанства, но хотя бы гуманности, которое общество будто бы исповѣдуетъ". Въ заключеніе своей жалобы на эту невнимательность людей къ ученію о непротивленіи Толстой еще разъ высказываетъ свое убѣжденіе въ томъ, „что существуетъ въ правящихъ классахъ сознательно враждебное отношеніе къ *истинному христіанству* (т. е. къ ученію о непротивленіи въ смыслѣ ученія Толстого), выражающееся преимущественно *замалчиваніемъ всѣхъ проявленій его*".

Это объясненіе Толстого очень оригинально. „Существуетъ какой то невысказанный, но твердый *уговоръ*, замалчиванья" дѣятельности непротивленцевъ! Какой же это уговоръ? Гдѣ—онъ и въ чемъ онъ проявилъ себя?

Объясненіе Толстого вовсе не вытекаетъ изъ тѣхъ фактовъ, которые изложены имъ въ его послѣднемъ сочиненіи, и изъ которыхъ онъ его выводитъ. Факты эти очень характеристичны, а для Толстого, при добросовѣстномъ отношеніи къ нимъ, могли бы быть и весьма поучительными. Такъ, напр., проповѣдникъ непротивленія, Гаррисонъ, основалъ даже общество непротивленія и издавалъ журналъ „Непротивляющійся"—„Non-resistant". Чего же достигъ этимъ Гаррисонъ?—Ничего.—„Общество и журналъ, говоритъ Толстой [2]),—просуществовали недолго". Отчего? „Большинство сотрудниковъ Гаррисона по дѣлу освобожденія рабовъ,—отвѣчаетъ Толстой [3]),—опасаясь того, чтобы *слишкомъ радикальныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляющійся", не оттолкнули людей* отъ практическаго дѣла освобожденія негровъ, большинство сотрудниковъ отказалось отъ исповѣданія принципа непротивленія, какъ онъ былъ вы-

[1]) Стр. 44.
[2]) Ч. I, стр. 13.
[3]) Тамъ-же.

раженъ въ провозглашеніи, и общество и журналъ прекратили свое существованіе". Объясненіе—очень достаточное и простое; къ чему же вести здѣсь рѣчь о „существованіи какого-то невысказаннаго, но твердаго уговора замалчиванія" объ этой неудачной попыткѣ Гаррисона? Дѣло — понятное для всякаго. Сначала нѣкоторые впечатлительные, а можетъ быть, и легкомысленные люди увлеклись ученіемъ Гаррисона, по всей вѣроятности его мнимою новизною и оригинальностію, вступили даже въ члены основаннаго имъ общества и выписывали затѣянный имъ журналъ; но потомъ сознали всю несостоятельность мнимо-новаго ученія, поняли, что изъ него ничего хорошаго не выйдетъ для жизни, „*слишкомъ радикальныя требованія, выраженныя въ журналѣ „Непротивляющійся", оттолкнули этихъ людей*" отъ Гаррисона,—и они махнули рукой и на его общество, и на его журналъ, „отказались отъ исповѣданія принципа непротивленія, какъ онъ былъ выраженъ" Гаррисономъ, и принялись за свое дѣло... Главнымъ плодотворнымъ результатомъ ихъ выхода изъ „общества непротивленія", на что отчасти указываетъ и Толстой [1]),—было освобожденіе негровъ, такъ какъ бывшіе ученики Гаррисона, оставивъ своего учителя, рѣшились самымъ энергичнымъ образомъ *воспротивиться* порабощенію этого племени.

Такимъ же точно образомъ нужно объяснить неудачныя попытки и другихъ „непротивленцевъ", въ родѣ Балу, Даймонда и имъ подобныхъ. Да не тоже ли происходитъ иногда и съ нашими толстовцами, когда среди нихъ появляются мыслящіе люди? Какъ-то у насъ студенты одного университета учредили—было общество съ цѣлію улучшенія жизни, но не по ученію Христа, а по вѣщаніямъ яснополянскаго лжепророка. Что же вышло изъ этого общества?—Ровно ничего.—Теперь о немъ уже и помину нѣтъ. Да иначе и быть не могло. Если же среди нашихъ крестьянъ въ послѣднее время все больше и больше начинаетъ распространяться ученіе Толстого, то это вовсе не потому что оно содержитъ въ себѣ истину, а потому что оно возбуждаетъ у крестьянъ мысль о возможности совершенной

---

[1]) Ч. I, стр. 13.

свободы отъ государственныхъ властей, отъ взноса всякаго рода податей, военной службы, говоритъ о ихъ единственномъ правѣ на владѣніе землею, при отрицаніи права собственности вообще и т. п. Вотъ что интересуетъ крестьянъ въ книгахъ Толстого, а вовсе не его странное ученіе о непротивленіи злу насиліемъ!

Ученіе о непротивленіи злу, какъ оно истолковывается Толстымъ и его предшественниками, само по себѣ, дѣлаетъ невозможнымъ достиженіе какихъ либо плодотворныхъ результатовъ. Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о непротивленіи злу Толстымъ искажено до неузнаваемости, вслѣдствіе чего въ изложеніи его ничего христіанскаго и не осталось. О непротивленіи злу мы будемъ говорить подробнѣе въ свое время. Здѣсь-же отмѣтимъ только, почему это начало въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Толстой, не можетъ дать никакихъ плодотворныхъ результатовъ, тогда какъ истинное ученіе Христа не только возродило, но и побѣдило міръ. Ошибка Толстого прежде всего состоитъ въ томъ, что онъ понялъ ученіе Христа о непротивленіи злу только въ буквальномъ смыслѣ, т. е., въ томъ именно смыслѣ, которому Христосъ всегда *противился,* обличая за такое буквальное пониманіе Божественнаго Откровенія фарисеевъ, и противъ котораго, собственно говоря, была направлена вся нагорная проповѣдь. Но ученіе Христа теряетъ всю свою силу и все свое значеніе, когда его понимаютъ только въ буквальномъ смыслѣ и внѣ связи со всѣмъ Его ученіемъ вообще. Укажемъ примѣръ, какъ можно извратить ученіе Христа при буквальномъ, отрывочномъ пониманіи его, согласно пріемамъ Толстого. „Не противься злу (или злому“)! Можно понять и такъ, что нельзя только противиться злому, а доброму противиться можно. Поэтому Толстой напрасно скорбитъ и называетъ нехристіанскимъ дѣйствіе какого-то становаго пристава (приставъ, по Толстому, человѣкъ дурной и безнравственной уже потому что онъ приставъ, т. е. имѣетъ власть), который посадилъ въ „холодную“ кого-то изъ толстовцевъ (а всѣ толстовцы, по Толстому, люди добрые уже по одному тому, что они—толстовцы). Толстой не понялъ самаго духа ученія Христова, а потому онъ не имѣетъ никакого права сказать о себѣ то, что говорили всему міру истинные ученики Іисуса

Христа: „Богъ далъ намъ способность быть служителями Новаго Завѣта, не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ (2 Кор. 3, 6).

Стѣснивъ себя буквальнымъ пониманіемъ ученія Христова, Толстой самъ причинилъ себѣ множество затрудненій, изъ которыхъ выйти онъ никакъ не можетъ, прибѣгая даже и къ совершенно произвольнымъ толкованіямъ. Такъ ученіе Спасителя онъ передаетъ уже съ произвольною прибавкою: „не противься злу *насиліемъ*“. Христосъ такъ не говорилъ. Гдѣ-же взялось это слово „насиліемъ“ у Толстого?—Оно имъ прибавлено произвольно, ибо иначе, при буквальномъ пониманіи ученія Христова, онъ запутался бы до такой степени въ противорѣчіяхъ, что отвергъ бы и самую заповѣдь Спасителя о любви къ ближнимъ. Далѣе, хотя Толстой нигдѣ не высказалъ прямо, но нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Спасителя онъ понимаетъ только въ смыслѣ непротивленія злу насиліемъ *внѣшнимъ*, *физическимъ*; о нравственномъ или интеллектуальномъ непротивленіи злу онъ ничего не говоритъ. Но принимая слова Христа буквально, какъ хочетъ того Толстой, мы не имѣемъ никакого права ограничивать ихъ никакими исключеніями, ибо изъ словъ Христовыхъ, понимаемыхъ буквально, выходитъ: „не противься злу“, т. е., не противься злу *никакъ*, ни физически, ни нравственно, ни философскими доводами. Такъ долженъ бы былъ понимать слова Христовы и Толстой. Но что́ бы изъ этого вышло?—Явное искаженіе всего новозавѣтнаго ученія; вотъ почему, въ противорѣчіе самому себѣ, но изъ желанія удержать свой принципъ непротивленія во что бы то ни стало, Толстой и увидѣлъ себя вынужденнымъ дѣйствовать совершенно произвольно, а не по логическимъ законамъ человѣческаго мышленія. Но произволъ не поддерживаетъ, а напротивъ только расшатываетъ начала общественной жизни и дѣятельности. Основанное на произволѣ одного человѣка, общество долго существовать не можетъ. А между тѣмъ, у Толстого на каждомъ шагу господствуетъ безпредѣльный произволъ въ истолкованіи даже его основного принципа непротивленія. По буквальному пониманію, какого требуетъ Толстой, Іисусъ Христосъ не дѣлаетъ никакого исключенія, говоря: „не противься злу“. Такъ, повидимому, хотѣлъ

бы учить и Толстой; но внутреннія противорѣчія такого пониманія вынуждаютъ его по временамъ быть совершенно произвольнымъ толкователемъ этого изреченія. Такъ еще десять лѣтъ тому назадъ онъ говорилъ [1]): „не могу употреблять какое бы то ни было насиліе противъ какого бы то ни было человѣка, *за исключеніемъ ребенка*, и то только для избавленія его отъ предстоящаго ему *тотъ часъ же* зла". Это исключеніе для ребенка Толстой дѣлаетъ только потому, конечно, что ребенокъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, и не предвидитъ, какое зло повлечетъ за собою его дѣйствіе. Но есть и взрослые, по уму своему, ничѣмъ не отличающіеся отъ дѣтей; что съ ними дѣлать? Можно ли употреблять противъ нихъ насиліе, какъ противъ ребенка, также для избавленія ихъ отъ предстоящаго имъ тотчасъ же зла? Почему ребенку, ради его непониманія, можно оказывать противленіе для избавленія его отъ предстоящаго ему зла тотчасъ же; а когда этотъ же самый ребенокъ бросаетъ на меня ножъ, я долженъ подставить ему свою грудь?... Удивительно ли, если общества, основанныя на такихъ произвольныхъ и полныхъ противорѣчія началахъ, не могутъ существовать и распадаются почти тотчасъ послѣ своего учрежденія?...

Но еще болѣе лишается жизненной силы ученіе Іисуса Христа о непротивленіи злу, когда Гаррисонъ, Балу, а за ними и нашъ Толстой навязываютъ ему коммунистическій характеръ и на основаніи его учатъ о необходимости отрицанія права собственности. Это ученіе само способно разрушить то общество, въ основу котораго оно положено. Въ этомъ отношеніи весьма характеристичный фактъ былъ сообщенъ изъ жизни толстовцевъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" въ 1891 году [2]). Членомъ одной колоніи толстовцевъ (Андреевской) состоялъ одинъ крестьянскій парень. „Видитъ онъ, что зипунишка на немъ сталъ разваливаться, а на другихъ пиджаки и поддевки здоровые. Всталъ парень утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку и надѣлъ, а зипунишко свой бросилъ. Проснулись андреевцы и видятъ происшедшее. Хозяинъ поддевки обращается къ парню.

— Ты зачѣмъ надѣлъ *мою* поддевку?

---

[1]) Въ чемъ моя вѣра? стр. 223.

[2]) № 246.

— Потому что *моя* развалилась, а *твоя* мнѣ понравилась.

— Ну, ну, скидавай! Что̀ бобы-то разводить.

— Зачѣмъ я буду скидавать? Это поддевка *моя*.

— Скидавай, говорятъ тебѣ! А то *я самъ сниму*.

— Ну-ка, по-пробуй! Что̀ же ты вѣру свою хочешь смѣнить? Сказано: злому не противься.

Хозяинъ поддевки не зналъ, что̀ дѣлать,—стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить; мнѣ на работу нужно идти,—сказалъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще что̀ выдумалъ! Сказано, не дамъ. А если станешь снимать, такъ и тресну! Что ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя.

Женщины стали читать парню нотацію.

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя пріютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это не только ругаешься, но и бить хочешь. Неужели у тебя нѣтъ никакого стыда?

— Эка чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому что вѣра ваша такая. Сколько разъ сами говорили: голоднаго накорми, нагого одѣнь! то-то! Говорите одно, а дѣлаете другое: поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ, а если полѣзете, такъ я васъ“...

Этотъ фактъ не пригляденъ, но весьма поучителенъ и въ обществахъ толстовцевъ вовсе не представляетъ исключенія. Послушайте, что̀ говорятъ толстовцы въ своихъ собраніяхъ, и вы увидите, что они признаютъ принципъ непротивленія злу и отрицаютъ право собственности только тогда, когда говорятъ о богатыхъ землевладѣльцахъ; а какъ дѣло коснется до уплаты податей, до помощи бѣднымъ, Толстой и его ученики поютъ совсѣмъ другую пѣсню и имъ справедливо могъ бы сказать каждый, какъ сказалъ выше парень Петька: „то-то! говорите одно, а дѣлаете другое!“

Не „уговоръ замалчиванія“, а искаженіе ученія Христова и совершенный произволъ дѣлаютъ безплодными и недолговѣчными общества „непротивленцевъ“. Толстой только не захотѣлъ понять того урока, какой указали ему американцы въ судьбѣ квакеровъ, Гаррисона и Балу...

II.

Антикритика Толстого.

Вторую главу или второй параграфъ своего послѣдняго сочиненія Толстой посвящаетъ критическому разбору „сужденій о непротивленіи злу насиліемъ людей (*надъ* людьми?) вѣрующихъ и невѣрующихъ", т. е., антикритикѣ. Но предварительно онъ въ нѣсколькихъ словахъ высказываетъ свое сѣтованіе на судьбу своей книги:—„Въ чемъ моя вѣра?"—„Книга, по выходѣ ея, какъ я и ожидалъ,—говоритъ Толстой [1]),—была запрещена и по закону *должна была быть сожжена*".—Что-же, такъ и сожгли ее?—Нѣтъ.—А много ли она потеряла отъ того, что ее запретили?—Ничего. Она „распространилась, говоритъ Толстой [2]), въ большомъ количествѣ списковъ и литографныхъ оттисковъ, и въ переводахъ, напечатанныхъ заграницей".

Въ лучшемъ положеніи, по мнѣнію Толстого, находятся его противники. „Очень скоро, говоритъ онъ [3]),—на книгу появились критики, не только духовныя, но и свѣтскія, которыя правительство не только допускало, но и поощряло, такъ что даже опроверженіе книги, которая считалась (кѣмъ?) никому неизвѣстной, назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ". Но едва ли критики Толстого находились въ болѣе счастливомъ положеніи, чѣмъ и самъ Толстой. Что правительство поощряло критиковъ,—это—ложь, къ которой обращается Толстой лишь для того, чтобы подкупить читателя своимъ положеніемъ угнетаемаго и преслѣдуемаго. Далѣе,—если по цензурнымъ условіямъ запрещена была самая книга Толстого, то тѣ же самыя условія стѣсняли и критиковъ подлинными словами Толстого приводить его мнѣнія; они вынуждаемы были смягчать и облагораживать ихъ, улучшать, такъ сказать, положеніе самаго Толстого,—а чрезъ это, понятно, блѣднѣли и теряли силу ихъ собственныя работы. Но эти работы обыкновенно, по тѣмъ же самымъ причинамъ, прежде чѣмъ поступали въ печать, подвергались еще сокращеніямъ и *сглажи-*

[1]) Ч. I, стр. 45.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.

ваніямъ со стороны редакторскаго карандаша и красныхъ цензорскихъ чернилъ... Ничего подобнаго не зналъ Толстой, и въ этомъ отношеніи его положеніе для него было выгоднѣе, чѣмъ положеніе его критиковъ. Самую строгость цензуры къ своимъ сочиненіямъ Толстой, кажется, преувеличиваетъ. Правда, что онъ вообще—и по мыслямъ, и по изложенію—часто очень циниченъ, и показывать его публикѣ во всей его красѣ даже неприлично. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что нѣкоторыя изъ его сочиненій, какъ, напр., „Крейцерова Соната",—сначала ходили по рукамъ и распространялись подпольнымъ путемъ въ рукописныхъ и литографическихъ спискахъ, а потомъ появились въ печати съ разрѣшенія цензуры. Что опроверженіе его книги—„Въ чемъ моя вѣра?"—назначено было темой богословскихъ сочиненій въ академіяхъ,—это дѣло не правительства, даже не совѣта академіи, а личное дѣло—одного профессора.

Своимъ критикамъ Толстой дѣлаетъ упрекъ во 1-хъ въ томъ, что всѣ они руководствовались желаніемъ *скрыть*, *замолчать* то, что онъ старался высказать въ своей книгѣ; во 2-хъ въ томъ, что никто изъ нихъ не отвѣтилъ прямо на поставленные имъ вопросы: обязательно ли для христіанина ученіе нагорной проповѣди и *заповѣдь* о непротивленіи злу насиліемъ? Дѣйствительно ли Христосъ требовалъ отъ своихъ учениковъ исполненія того, чему онъ училъ въ нагорной проповѣди? [1])—Но чрезъ двѣ страницы [2]), вступая въ явное противорѣчіе съ самимъ собою, Толстой находитъ уже, что на поставленные имъ вопросы его критиками такъ много дано отвѣтовъ, что для удобства разсмотрѣнія ихъ онъ даже вынужденъ былъ раздѣлить ихъ на *пять* группъ. По его словамъ, *одни* изъ его критиковъ смѣло утверждали, что насиліе не противорѣчитъ ученію Христа, что оно разрѣшено и даже предписано христіанамъ Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ; *другіе* думаютъ, что „хотя дѣйствительно Христосъ училъ подставлять щеку и отдавать кафтанъ и что *это зло* (?) очень высокое нравственное требованіе, но... что есть на свѣтѣ злодѣи и если не усмирять силой этихъ зло-

[1]) Ч. I. стр. 46.
[2]) Ч. I. стр. 48.

дѣевъ, то погибнетъ весь міръ и погибнуть добрые“ [1]); *третьи* допускаютъ, что хотя заповѣдь о непротивленіи злу насиліемъ и обязательна для христіанина, когда зло направлено лично противъ него, она перестаетъ быть обязательной, когда зло направлено противъ ближнихъ и что тогда христіанинъ не только не обязанъ исполнять заповѣди, но обязанъ для защиты ближнихъ, противно заповѣди, употреблять насиліе противъ насилующихъ [2]); *четвертые* не отрицаютъ *заповѣди* непротивленія злу насиліемъ, но признаютъ ее, какъ и всякую другую, не приписывая ей особеннаго исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты [3]); наконецъ, *пятые* просто уклоняются отъ отвѣта, дѣлая видъ, что вопросъ этотъ кѣмъ-то давнымъ давно разрѣшенъ вполнѣ ясно и удовлетворительно и что говорить объ этомъ не стоитъ [4]).—Приводя эти отвѣты своихъ критиковъ, Толстой умолчалъ о *шестомъ*, о тѣхъ богословахъ, которые всѣ указанные отвѣты соединяютъ въ одно цѣлое, разсматриваютъ ученіе Спасителя не съ одной какой либой стороны, а со всѣхъ его сторонъ, а потому отвѣтъ ихъ является полнымъ и основательнымъ.

Перваго отвѣта Толстой и разбирать не хочетъ, потому что онъ „исходитъ отъ людей, находящихся на высокихъ ступеняхъ правительственной или духовной іерархіи и вслѣдствіе этого совершенно увѣренныхъ, что на ихъ утвержденія возражать *никто* (даже и Толстой въ своей подпольной литературѣ?) не посмѣетъ, а если кто и будетъ возражать, то они не услышатъ (почему?) этихъ возраженій. Люди эти,—продолжаетъ Толстой [5]),—большею частію до такой степени, *вслѣдствіе одурманенія властью*, потеряли представленіе о томъ, что есть то христіанство, во имя котораго они занимаютъ свое положеніе, что есть въ христіанствѣ христіанскаго представляется имъ сектантствомъ, все же то, что въ писаніи какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта можетъ быть перетолковано въ смыслѣ антихристіанскомъ и языческомъ, они считаютъ основаніемъ христіан-

[1]) Ч. I, стр. 49—50.
[2]) Ч. I, стр. 50—51.
[3]) Ч. I, стр. 53.
[4]) Ч. I, стр. 55.
[5]) Ч. I, стр. 48.

ства... По понятіямъ этихъ людей, христіанское правительство нисколько не обязано руководиться духомъ смиренія, прощенія обидъ и любви къ врагамъ". Вотъ все, что сказано Толстымъ, въ опроверженіе *перваго* отвѣта на поставленный имъ вопросъ. Опроверженіе ли это? Спокойное ли это разсужденіе философствующаго ума, ищущаго божественной истины?—Нѣтъ, это—слова вражды ко всѣмъ людямъ, находящимся на высокихъ ступеняхъ правительственной или духовной іерархіи. Это—огульная месть всѣмъ за слово правды, произнесенное въ Бозѣ почивающимъ архіепископомъ Никаноромъ! Не пощаженъ никто изъ стоящихъ на высокихъ ступеняхъ іерархіи, ибо всѣ они говорили „терпкое" для Толстого—особенно въ своихъ словахъ и поученіяхъ на высокоторжественные дни. И вотъ языкъ злобы и мщенія клевещетъ на нихъ, что они были *одурманены властію* и никогда не учили о смиреніи, прощеніи обидъ и любви ко врагамъ. Мы выписали здѣсь все сказанное Толстымъ для того, чтобы читатель самъ видѣлъ, какою безграничною злобою и враждою *одурманенъ* нашъ новый проповѣдникъ „истиннаго христіанства", такъ сладко говорящій о непротивленіи злу, всепрощеніи и любви ко врагамъ... Не справедливо ли было бы и ему сказать: „то-то! говоришь одно, а дѣлаешь другое!".

Второй отвѣтъ—о необходимости противленія злодѣямъ—Толстой думаетъ опровергнуть чисто софистическими изворотами. Во 1-хъ, отвѣтъ „этотъ неосновательнъ,—говоритъ онъ [1]), – потому, что если мы позволимъ себѣ признать какихъ-либо людей *злодѣями особенными* (ракà), то мы этимъ уничтожимъ весь смыслъ христіанскаго ученія, по которому *всѣ мы равны* и братья, какъ сыны одного Отца небеснаго". Такъ Толстой понимаетъ *христіанское* ученіе; но Христосъ училъ иначе. Онъ всегда ясно указывалъ на то, что между людьми, сынами Отца небеснаго, есть *добрые* и *злые* и что въ *этомъ* отношеніи полнаго равенства между людьми нѣтъ. Даже въ той самой нагорной проповѣди, на которую постоянно указываетъ Толстой, Господь полагаетъ это различіе между людьми, говоря, что Богъ „повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ *злыми* и *доб-*

[1]) Ч. 1, стр. 50.

рыми и посылаетъ дождь на *праведныхъ* и *неправедныхъ*“ (Мѳ. 5, 45). Такое же различіе между добрыми и злыми людьми Христосъ постоянно указываетъ Своимъ слушателямъ, какъ свидѣтельствуютъ Евангелія и въ другихъ мѣстахъ. „Добрый человѣкъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе,—училъ Онъ (Мѳ. 12, 35); а злой человѣкъ изъ злого сокровища выноситъ злое“ (срв. Лук. 6, 45). Злыми людьми Христосъ прямо называлъ современныхъ Ему фарисеевъ: „какъ вы можете говорить доброе, будучи злы?“ (Мѳ. 12, 34). Въ притчѣ о *злыхъ* виноградаряхъ: „*злодѣевъ сихъ* предастъ злой смерти, а виноградникъ отдастъ другимъ виноградарямъ“... (Мѳ. 21, 41; Лук. 20, 16; Марк. 12, 9). Отличаетъ Господь праведниковъ отъ грѣшниковъ и въ притчѣ о страшномъ судѣ (Мѳ. 25, 31—46) и во многихъ другихъ мѣстахъ и притчахъ. Поэтому ясно, что учитъ, будто бы христіанство не различаетъ между людьми добрыхъ и злодѣевъ, потому что „всѣ мы равны и братья, какъ сыны одного Отца небеснаго“,—значитъ—прямо „уничтожать весь смыслъ христіанскаго ученія“ и стать въ непримиримое противорѣчіе съ яснымъ и точнымъ ученіемъ Іисуса Христа.

Такимъ же софизмомъ отличается и другое основаніе, указываемое Толстымъ противъ приведеннаго имъ отвѣта. „Если бы и было разрѣшено Богомъ употреблять насиліе противъ злодѣевъ,—говоритъ Толстой [1]),—то никакъ нельзя найти того вѣрнаго и несомнѣннаго опредѣленія, по которому можно навѣрное отличать злодѣя отъ незлодѣя“.—Итакъ, Толстому трудно отличать злодѣя отъ незлодѣя! Воля Божія, ясно выраженная въ Божественномъ Откровеніи, для него не можетъ еще быть „вѣрнымъ и несомнѣннымъ опредѣленіемъ„ того, кто злодѣй, а кто—человѣкъ добродѣтельный! Христосъ въ Своемъ ученіи еще недостаточно показалъ, гдѣ добро, и гдѣ—зло! Совѣсть также не можетъ подсказать человѣку, что̀—хорошо, а что—дурно! По ученію христіанскому, для людей, знающихъ волю Божію, „закономъ познается грѣхъ“ (Рим. 3, 20); для людей, не знающихъ воли Божіей—совѣстію, „ибо когда язычники, говоритъ св. Ап. Павелъ, не имѣющіе закона, по природѣ за-

[1]) Ч. 1, Стр. 50.

конное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ: они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Рим. 2, 14, 15).

Софистичнымъ является у Толстого и послѣднее основаніе, указываемое имъ противъ приведеннаго отвѣта. „Еслибы и было возможно несомнѣнно узнавать злодѣевъ отъ незлодѣевъ,—говоритъ Толстой [1]),—то и тогда нельзя бы было въ христіанскомъ обществѣ казнить или калѣчить, или запирать въ тюрьмы этихъ злодѣевъ, потому что въ христіанскомъ обществѣ некому бы было исполнить это, такъ какъ каждому христіанину, какъ христіанину, предписано не дѣлать насилія“. Подобное разсужденіе логика называетъ *ложнымъ* умозаключеніемъ—idem per idem (то-же чрезъ то-же) и къ нему обыкновенно прибѣгаютъ уже только тогда, когда совершенно теряются и не находятъ, что можно было бы возразить еще своимъ противникамъ. Сущность разсужденія Толстого слѣдуетъ выразить такъ: „противиться злодѣямъ нельзя, потому что нельзя (запрещено) имъ противиться“. Послѣ этого противники обыкновенно говорятъ: „довольно! такъ нельзя разсуждать“. Дѣло въ томъ, что Толстому-то именно и слѣдовало доказать сначала,—*почему* нельзя противиться злодѣямъ;—а отъ этого доказательства онъ счелъ за лучшее уклониться...

Третій отвѣтъ—о необходимости противленія для защиты ближняго,—собственно говоря, заключается уже во второмъ. Противъ него Толстой указываетъ возраженіе, состоящее 1) въ томъ, что нѣтъ вѣрнаго и несомнѣннаго „опредѣленія, что считать опасностью для другого“, а во 2) въ томъ, „что никогда при употребленіи насилія противъ несовершившагося еще зла нельзя знать, какое будетъ больше—зло ли моего насилія или того, отъ котораго я хочу защищать“ [2]). Мы не вѣримъ, чтобы Толстой дѣйствительно дошелъ до той „превратности ума“ (Рим. 1, 28), при которой нельзя отличать опасности отъ безопасности, и потому не будемъ въ этомъ пунктѣ и опровергать его. Что же касается до опредѣленія того, гдѣ будетъ зло въ

[1]) Ч. 1, стр. 50.
[2]) Ч. 1, стр. 52.

защитѣ ли или въ нападеніи на ближняго, то ясно для каждаго, что въ этомъ случаѣ будетъ сдѣлано только *добро* и при томъ для всѣхъ трехъ: подвергающійся нападенію будетъ избавленъ отъ зла, которое причинилъ бы ему нападающій; нападающему будетъ сдѣлано добро чрезъ недопущеніе его къ совершенію зла ближнему; для защищающаго добро будетъ состоять уже въ его сознаніи, что онъ не допустилъ совершиться злу и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ добро для двухъ своихъ ближнихъ.

Четвертый отвѣтъ, по которому ученіе Спасителя о непротивленіи злу не отличается отъ всѣхъ другихъ заповѣдей блаженства и ему не приписывается исключительнаго значенія, какъ это дѣлаютъ сектанты, Толстой называетъ [1]) изворотомъ очень искуснымъ, сводящимъ прямое сознательное отрицаніе заповѣди къ случайному нарушенію ея. Противъ этого отвѣта Толстой возражаетъ указаніемъ на то, „что отношеніе церковныхъ учителей къ заповѣдямъ, которыя они признаютъ, и къ этой—совершенно различно“... „Никогда церковные проповѣдники,—говоритъ Толстой [2]),—не указываютъ случаевъ, когда заповѣдь противъ блуда должна бы была нарушиться, и всегда поучаютъ тому, что должно избѣгать соблазновъ, вводящихъ въ искушеніе противъ блуда. Но не то съ заповѣдью непротивленія. Всѣ церковные проповѣдники знаютъ случаи, когда заповѣдь эта можетъ быть нарушена. И такъ и учатъ людей“.

Совершенно понятно, что отвѣтъ этотъ крайне былъ непріятенъ Толстому. Вѣрный своимъ соціалистическимъ взглядамъ и стремленіямъ, Толстой много лѣтъ искажалъ все христіанское ученіе для того только, чтобы въ немъ найти для нихъ какое либо основаніе, такъ какъ всѣ философскіе доводы, за которые онъ хватался раньше,—пантеистическіе, матеріалистическіе, пессимистическіе и т. п. потеряли всякій кредитъ у здравомыслящихъ людей, а для простыхъ христіанъ обязательно только ученіе Евангельское. Такое основаніе онъ думалъ найти въ своеобразномъ пониманіи ученія Спасителя о непротивленіи злу или

[1]) Ч.1. Стр. 54.

[2]) Тамъ-же.

злому и по этой причинѣ объявилъ это ученіе *сущностью всего христіанства*. И вдругъ теперь нашлись люди, которые ему доказываютъ, что въ ученіи о непротивленіи злу вовсе не состоитъ сущность евангельскаго ученія и ключъ къ пониманію всего содержанія Евангелій. Такой смѣлый отвѣтъ поразилъ Толстого; но тѣмъ не менѣе люди, давшіе этотъ отвѣтъ, были совершенно правы.

Теперь Толстой трактуетъ „христіанство не какъ мистическое ученіе, а какъ *новое* жизнепониманіе“; теперь онъ хочетъ научить людей жить „по—христіански“ безъ—христіанскаго вѣроученія, преподаетъ имъ мораль безъ догматовъ, нагорную проповѣдь безъ никейскаго символа вѣры. Но десятъ лѣтъ тому назадъ онъ самъ говорилъ не то. Онъ утверждалъ тогда, что ученіе Христа раздѣляется на нравственное и метафизическое и что первое есть непосредственное слѣдствіе второго, такъ какъ именно метафизическое ученіе показываетъ человѣку, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе. „Ученіе Христа, говорилъ тогда Толстой [1]),—не можетъ не быть принято людьми... Метафизическое ученіе Христа не новое... Но сила ученія Христа въ приложеніи этого *метафизическаго* ученія къ жизни.“ И эта мысль совершенно вѣрна. Христосъ сказалъ: „Не противься злу!“.—Но во имя чего я долженъ это дѣлать?—Такъ училъ Христосъ.—Вѣрно. Но почему Христосъ училъ не противиться злу? На чемъ основано Его ученіе?—На эти вопросы отвѣтъ одинъ: ученіе Христа о нравственной дѣятельности человѣка, а слѣдовательно и о непротивленіи злу, непосредственно вытекаетъ изъ Его ученія о Богѣ и объ Его отношеніи къ человѣку, объ Его промышленіи и искупленіи. Зачѣмъ я долженъ совершать дѣла христіанскаго милосердія? Почему я обязанъ повиноваться Христу? На эти вопросы можетъ отвѣчать только истинный христіанинъ. Онъ знаетъ, что Христосъ искупилъ его Своею смертію, заплатилъ за него долгъ Богу,—и онъ остается Его вѣчнымъ должникомъ. Помогая нищему, христіанинъ знаетъ, что этимъ онъ не дѣлаетъ ничего особеннаго, кромѣ того, что уплачиваетъ только незначитель-

---

[1]) Въ чемъ моя вѣра? стр. 211.

ную часть своего долга Христу; не людямъ, а самому Спасителю христіанинъ отдаетъ все то доброе, что жертвуетъ для ближнихъ. Сынъ Человѣческій скажетъ нѣкогда и Самъ праведникамъ: „такъ какъ вы сдѣлали это одному изъ сихъ братьевъ Моихъ меньшихъ, то сдѣлали Мнѣ“ (Мѳ. 25, 40). Христіанинъ считаетъ себя обязаннымъ исполнять волю своего Искупителя, потому что сознаетъ себя предъ Нимъ неоплатнымъ должникомъ. Если же все нравственное ученіе Христа находится въ непосредственной зависимости отъ Его догматическаго (или, какъ говоритъ Толстой, метафизическаго) ученія, то ясно, что сущность христіанскаго ученія состоитъ не въ ученіи о непротивленіи злу, а въ томъ, откуда вытекаетъ и отъ чего зависитъ и само это ученіе о непротивленіи.

Мало того, даже въ самой области христіанской морали, или христіанскаго нравоученія ученіе о непротивленіи злу не имѣетъ какого либо особеннаго, самостоятельнаго значенія, и вовсе не составляетъ сущности христіанскаго нравоученія. Сущность христіанской морали составляетъ единственно заповѣдь о любви къ Богу и къ ближнимъ. Эта заповѣдь съ необходимостію вытекаетъ изъ самаго понятія о Богѣ и Его отношеніи къ человѣку. „Богъ есть любовь. Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умилостивленіе за грѣхи наши... Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ... И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего“ (1 Іоан. 4, 8—11; 19, 21). „На сихъ двухъ заповѣдяхъ утверждается весь законъ и пророки“ (Мѳ. 22, 40). Чтобы человѣкъ не нарушалъ этихъ заповѣдей, Богъ поставилъ для него и внѣшнія, *объективныя* преграды, предостереженія, запрещенія, или *заповѣди* въ собственномъ смыслѣ, какъ въ отношеніи къ Богу, такъ и въ отношеніи къ ближнимъ: не вреди жизни ближняго, не вреди его чести, не вреди его имуществу, не вреди ему словомъ, не вреди ему даже и своими мыслями. Но исполняя эти заповѣди, мы еще только воздерживаемся отъ нарушенія заповѣди о любви къ ближнему, но

не проявляемъ исполненія ея положительно: если мы воздержались отъ убіенія ближняго, то этимъ еще *положительнаго* добра ему не сдѣлали. Степень и размѣры нашего активнаго и положительнаго осуществленія заповѣди о любви къ ближнимъ, проявляющагося въ облегченіи его страданій, въ оказаніи помощи въ его нуждѣ и т. п., зависитъ уже не отъ внѣшнихъ побужденій, а отъ внутренняго *субъективнаго* настроенія, или степени нравственнаго усовершенствованія, усердія. Если я не отдаю изъ своего имущества ничего бѣднымъ, то,—хотя я дѣйствую и не въ духѣ Христовомъ,—я еще не совершаю положительнаго нравственнаго преступленія, какъ это дѣлаетъ берущій чужое,—воръ,—но я еще не дѣлаю и ничего хорошаго не имѣю никакой заслуги, или добродѣтели. Только съ возрастаніемъ вѣры въ Бога и въ Его безконечную любовь къ падшему человѣку мало по малу у христіанина развивается *внутренняя необходимость* не только воздержаться отъ зла, какъ того требуютъ *заповѣди*, но и дѣлать ближнимъ добро. Никакими другими внѣшними побужденіями, запрещеніями или заповѣдями нельзя вызвать у человѣка этой внутренней необходимости дѣлать ближнимъ добро, быть добродѣтельнымъ. Вотъ почему и Христосъ *не заповѣдуетъ*, а только ублажаетъ, располагаетъ людей быть милостивыми: „Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ“; человѣку, соблюдавшему всѣ заповѣди, препятствовавшія вредить ближнему, Христосъ сказалъ: *если хочешь* быть *совершеннымъ*, пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ“ (Мѳ. 19, 21). Такъ какъ дѣла христіанскаго милосердія зависятъ исключительно отъ внутренняго настроенія, отъ чисто субъективныхъ побужденій, то ихъ значеніе и достоинство также опредѣляются не внѣшнимъ ихъ проявленіемъ, не количествомъ или размѣрами, а однимъ лишь усердіемъ, степенью любви къ Богу и ближнимъ, вслѣдствіе чего двѣ лепты вдовы получаютъ большее значеніе, чѣмъ жертвы богачей, превосходящія ихъ своими размѣрами, но не усердіемъ жертвователей.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, какъ проявляется любовь къ ближнимъ *активно* въ формѣ христіанскаго милосердія. Но она можетъ выражаться и *пассивно*. Люди, наши ближніе, могутъ также посягать и на *нашу* жизнь, честь, имуще-

ство и т. п. Допустимъ, что ихъ не удержали *заповѣди прещенія*: не убей, не прелюбодѣйствуй, не крадь, не лжесвидѣтельствуй, не завидуй. Какъ мы должны отнестись тогда къ этимъ людямъ?—Мы можемъ руководствоваться справедливостію и поставить себя подъ охрану закона. „Если согрѣшитъ *противъ тебя* братъ твой, пойди и обличи его между тобою и имъ однимъ; если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата твоего; если же не послушаетъ, возьми съ собою еще одного, или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово; если же не послушаетъ ихъ, скажи церкви; а если и церкви не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Мѳ. 18, 15—17). „Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, выговори ему,—говоритъ Спаситель въ другомъ мѣстѣ (Лук. 17, 3), и *если покается*, прости ему“. Но законъ правды требуетъ устрашеній и наказаній преступникамъ. „Мы знаемъ, что законъ добръ,—пишетъ Ап. Павелъ Тимоѳею (1 Тим. 1, 8—10),—если кто законно употребляетъ его, зная, что законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокорливыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и осквернённыхъ, для оскорбителей отца и матери, для человѣкоубійцъ... лжецовъ, клятвопреступниковъ и для всего, что противно здравому ученію“. Ап. Павелъ обличалъ коринѳскихъ христіанъ за то, что они не имѣли собственныхъ судей и съ своими тяжбами обращались къ суду язычниковъ. „Неужели вы недостойны судить маловажныя дѣла?... Вы когда имѣете житейскія тяжбы, поставляете своими судьями ничего не значущихъ въ церкви. Къ стыду вашему говорю: неужели нѣтъ между вами ни одного разумнаго, который могъ-бы разсудить между братьями своими?“ (1 Кор. 6, 2—5).

Но когда человѣкъ ставитъ лично себя (а не другихъ) подъ защиту справедливости и закона, онъ не дѣлаетъ ничего дурного, но и ничего добраго, или хорошаго; ибо справедливость только уравновѣшиваетъ отношенія людей. Любовь же къ ближнимъ, при извѣстной степени нравственнаго самоусовершенствованія, называемаго *кротостію*, а въ высшей степени самоотверженіемъ можетъ поставить человѣка выше самаго закона и выше удовлетворенія требованій справедливости. „Ми-

лость превозносится надъ судомъ“ (Іак. 2, 13). На этой ступени нравственнаго совершенства человѣкъ можетъ уже относиться къ обижающему его ближнему не такъ, какъ требуетъ законъ, или справедливость, а такъ, какъ движетъ его нравственное чувство, ставшее выше закона, та сила любви къ ближнимъ, до которой онъ возвысился. „Къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ, а другихъ страхомъ спасайте“ (Іуд. I, 22—23). Ап. Павелъ, какъ мы видѣли, дозволяетъ христіанамъ имѣть своихъ судей и обращаться къ нимъ съ своими тяжебными дѣлами; но въ то же время онъ хотѣлъ бы видѣть христіанъ на степени высшаго нравственнаго совершенства, когда бы они могли прощать своихъ обидчиковъ и не прибѣгать къ защитѣ суда. „И то уже весьма унизительно для васъ, говоритъ онъ (1 Кор. 6—7),—что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?“

Итакъ, при извѣстной степени нравственнаго самоусовершенствованія, по чисто внутреннимъ и субъективнымъ побужденіямъ, христіанинъ можетъ *не противиться злому*, можетъ оставаться обиженнымъ по примѣру Христа и изъ любви къ Нему. Но такъ какъ это достигается лишь по внутреннимъ и субъективнымъ мотивамъ, въ силу извѣстной степени нравственнаго усовершенствованія, то Апостолъ этого и *не требуетъ*, а только *совѣтуетъ*, говоря: „лучше было бы“...

На самой высшей степени нравственнаго самоусовершенствованія, когда человѣкъ въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется уже одною любовію къ ближнимъ, а не заповѣдями, въ началѣ только ограждавшими его отъ поступковъ, противорѣчащихъ любви къ ближнему, онъ можетъ, по тѣмъ же внутреннимъ или субъективнымъ нравственнымъ побужденіямъ не только не противиться злу и прощать враговъ, но и платить имъ за зло добромъ: благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ и молиться за обижающихъ и гонящихъ, т. е., можетъ даже любить своихъ враговъ, жертвовать для нихъ своею жизнію, по примѣру его Спасителя, молившагося на крестѣ за своихъ распинателей: „Отче отпусти имъ“ и пр. (Лук. 23, 34).

Итакъ, изъ сказаннаго видно, что хотя непротивленіе злу,

прощеніе враговъ и дѣланіе имъ добра и входятъ въ общее понятіе о любви къ ближнимъ, какъ и заповѣди закона, но между ними есть большое различіе: заповѣди—только внѣшняя, объективная преграда, охраняющая человѣка отъ *нарушенія* любви къ ближнимъ, а непротивленіе злу есть одинъ изъ высшихъ видовъ *проявленія* любви къ ближнимъ. Заповѣди, какъ объективныя *правила*, какъ кодексъ закона, обязательны для всѣхъ и на нихъ можетъ и долженъ быть основанъ, какъ нравственный, такъ и государственный, и общественный строй жизни христіанскихъ народовъ. Непротивленіе же злу не есть *правило*, а только высшее *состояніе души* человѣка, указываемое ученіемъ о любви христіанской, обусловленное степенью нравственнаго развитія, степенью дѣятельнаго усвоенія ученія Христа о любви къ ближнимъ, и имѣетъ чисто *субъективный* характеръ. Заставить человѣка прощать врагамъ и любить ихъ нельзя, такъ какъ не будетъ дѣломъ христіанской любви то, что сдѣлано вынужденно, внѣшними требованіями, а не добровольно по внутреннимъ только побужденіямъ, вслѣдствіе внутренней борьбы съ самолюбіемъ, своекорыстіемъ, эгоизмомъ, т. е. вслѣдствіе внутренняго *подвига самоотверженія*. Поэтому ученіе Спасителя о непротивленіи злу и не должно быть даже называемо въ собственномъ смыслѣ *заповѣдію*, требованіемъ объективнымъ. Толстой былъ введенъ въ заблужденіе русскимъ переводомъ Евангелія отъ Матѳея, передавшимъ это ученіе Спасителя въ формѣ повелительнаго наклоненія: „*не противься злому*“; но правильнѣе славянскій переводъ: „*не противитися злу*“, потому что въ греческомъ Евангеліи стоитъ—ἀντιστῆναι—въ неопредѣленномъ наклоненіи аориста, а не въ повелительномъ наклоненіи настоящаго времени, какъ это сдѣлано въ русскомъ переводѣ—„не противься“. Поэтому нашъ ученый противникъ Толстого—А. Гусевъ совершенно справедливо находитъ вмѣстѣ съ профессоромъ Некрасовымъ [1]), что 39-й стихъ 5-й главы Евангелія отъ Матѳея слѣдовало бы читать такъ: „А я говорю вамъ не то, чтобы не уступить злому человѣку, а напротивъ, кто ударитъ тебя по правой твоей щекѣ, подставь

---

[1]) Основныя „религіозныя“ начала графа Л. Н. Толстого. Казань. 1893. Стр. 67.

тому и другую". Толстой, называющій ученіе о непротивленіи злу *заповѣдію* и полагающій въ ней всю сущность *христіанскаго* ученія, самъ однако-же говоритъ [1]), что „въ нагорной проповѣди выраженъ Христомъ и *вѣчный* идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, и та степень его достиженія, которая уже можетъ быть въ наше время достигнута людьми" (она достижима была и во всѣ дни христіанства). Но если нагорная проповѣдь представляетъ только идеалъ, къ которому свойственно стремиться людямъ, то и содержащееся въ ней ученіе Христа не можетъ быть понимаемо только какъ сборникъ правилъ или заповѣдей. Что непротивленіе злу не есть заповѣдь, составляющая сущность христіанскаго ученія, видно изъ того, что оно возвѣщено людямъ въ первый разъ не въ нагорной проповѣди, даже и не въ Евангеліи. Какъ вытекающее изъ внутренняго состоянія души, неразрывнаго съ любовію къ ближнему, оно было возвѣщено людямъ еще въ Ветхомъ Завѣтѣ вмѣстѣ съ заповѣдію о любви. „Не враждуй на брата твоего въ сердцѣ твоемъ,—писалъ Моусей въ Ветхомъ Завѣтѣ (Лев. 19, 17, 18),—не мсти и не имѣй злобы на сыновъ народа твоего, но люби ближняго твоего, какъ самого себя". Соломонъ наставлялъ: „Начало ссоры—какъ прорывъ воды: оставь ссору прежде, нежели разгорѣлась она" (Прит. 17, 14). „Не радуйся, когда упадетъ врагъ твой, и да не веселится сердце твое, когда онъ споткнется" (24, 17). „Не негодуй на злодѣевъ и не завидуй нечестивымъ" (ст. 19). „Не говори: какъ онъ поступилъ со мною, такъ и я поступлю съ нимъ: воздамъ человѣку по дѣламъ его" (ст. 29). „Если голоденъ врагъ твой, накорми его хлѣбомъ; и если онъ жаждетъ, напой его водою" (25, 21). У пророка Іереміи читаемъ: „Благо человѣку, когда онъ... подставляетъ ланиту свою біющему его" (Плачъ Іер. 3, 30).—Подобныхъ изреченій изъ ветхозавѣтныхъ писаній можно привести весьма много. Но ни въ Ветхомъ, ни въ Новомъ Завѣтѣ непротивленіе злу не имѣетъ даже и вида заповѣди, а преподается только какъ наставленіе, или совѣтъ, который можетъ быть принимаемъ лишь свободно, безъ внѣшняго побужденія, а по

[1]) Царство Божіе Ч. I. Стр. 144.

одному внутреннему состоянію каждаго и по степени нравственнаго совершенства. Очевидно, что этотъ совѣтъ не можетъ имѣть силы обязательнаго требованія для всѣхъ людей въ виду различія тѣхъ ступеней нравственнаго развитія, на которыхъ находятся и всегда будутъ находиться люди, а потому онъ не можетъ быть положенъ въ основаніе ни общественнаго, ни государственнаго строя человѣческой жизни.

Послѣ сказаннаго ясно, почему церковные проповѣдники не могутъ предъявлять къ людямъ такихъ же требованій при изложеніи ученія Спасителя о непротивленіи злому, какъ при изъясненіи положительныхъ заповѣдей. И мы не думаемъ, чтобы Толстой могъ этого не понимать.

Наконецъ, къ *пятому* разряду Толстой относитъ тѣхъ своихъ критиковъ, которые, по его словамъ, уклоняются отъ отвѣта, дѣлая видъ, что вопросъ этотъ (о непротивленіи злу) кѣмъ-то давнымъ давно разрѣшенъ вполнѣ ясно и удовлетворительно и что говорить объ этомъ не стоитъ [1]). Зло издѣваясь надъ этими критиками, Толстой такъ объясняетъ себѣ ихъ поведеніе: „Зная, что противорѣчіе, существующее между ученіемъ Христа, которое мы на словахъ исповѣдуемъ, и всѣмъ строемъ нашей жизни, нельзя распутать словами и, касаясь его, можно только сдѣлать его еще очевиднѣе, они съ большей или меньшей ловкостью, дѣлая видъ, что вопросъ о соединеніи христіанства съ насиліемъ уже разрѣшенъ или вовсе не существуетъ, обходятъ его“ [2]). Затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько выдержекъ изъ критики Фаррара, и выразивъ ему благодарность за то, что онъ усмотрѣлъ у нашего лжефилософа „самую благородную искренность“, Толстой продолжаетъ: „И таковы безъ исключенія всѣ критики *культурныхъ вѣрующихъ людей* и потому *понимающихъ опасность своего положенія*. Единственный выходъ изъ него для нихъ надежда на то, что, пользуясь авторитетомъ церкви, древности, святости, можно запугать читателя, отвлечь его отъ мысли самому прочесть Евангеліе и самому своимъ умомъ обдумать вопросъ. И это удается: кому въ самомъ дѣлѣ придетъ въ голову то, что все то, что съ такой увѣренностью и торжествен-

[1]) Ч. I, стр. 55.
[2]) Стр. 56.

ностью повторяется изъ вѣка въ вѣкъ всѣми этими архидіаконами, епископами, архіепископами, святѣйшими сѵнодами и папами, что все это есть *гнусная ложь и клевета*, взводимая ими на Христа для обезпеченія денегъ, которыя имъ нужны для сладкой жизни на шеяхъ другихъ людей,—*ложь и клевета* до такой степени очевидна, особенно теперь, что единственная возможность продолжать эту *ложь* состоитъ въ томъ, чтобы запугивать людей своей увѣренностью, своей *безсовѣстностью* [1]).

Въ виду этого словоизверженія Толстого, думается, что самый ярый его послѣдователь не можетъ не видѣть здѣсь явной лжи и клеветы на служителей церкви! Онъ упрекаетъ архидіаконовъ, епископовъ и архіепископовъ и Св. Сѵнодъ за то, что, изъ-за личныхъ своихъ интересовъ, они будто-бы отвлекаютъ людей отъ мысли самимъ прочесть Евангеліе. Да въ Россіи ли дѣйствительно живетъ Толстой, что онъ такъ мало знаетъ, что въ ней дѣлается?—Къ сожалѣнію, да,—онъ живетъ въ Россіи и прекрасно знаетъ, что въ ней дѣлается, знаетъ, что русскіе іерархи болѣе всего заботятся о распространеніи въ народѣ книгъ Св. Писанія на понятномъ русскомъ языкѣ, содѣйствуютъ ихъ удешевленію, желая, чтобы Евангеліе было настольною книгою въ каждой даже крестьянской семьѣ; но Толстой только дѣлаетъ видъ, что ничего этого онъ не знаетъ. Какъ же иначе ему можно было бы бросать грязью во всѣхъ и каждаго?...

Но что же въ своей этой ругани Толстой сказалъ въ опроверженіе своихъ критиковъ?—Ничего, да ничего и не могъ сказать, потому что его критики были правы. Вопросъ о томъ, какъ нужно понимать ученіе Спасителя о непротивленіи злу дѣйствительно уже рѣшенъ давнымъ давно и вполнѣ основательно. Новѣйшіе богословы только раскрываютъ его въ частностяхъ, обосновываютъ и уясняютъ. Только Толстой ложно думаетъ, что это ученіе замолчано церковными проповѣдниками и что будто бы только онъ или квакеры первые указали на него людямъ. По словамъ Толстого будто-бы въ четвертомъ вѣкѣ,

---

[1]) Стр. 59—60.

христіанская церковь совершенно исказила ученіе Христа. Но Іоаннъ Златоустъ жилъ именно въ этомъ вѣкѣ и вотъ какъ онъ объясняетъ ученіе Спасителя о непротивленіи злу. „Приведши постановленіе ветхаго закона и прочитавши оное отъ слова до слова, Спаситель, говоритъ Златоустъ [1]), — присовокупляетъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу*... Что же, скажешь ты: ужели намъ не должно противиться лукавому? Должно, но не такъ, а какъ повелѣлъ Самъ Спаситель, то есть, готовностію терпѣть зло. Симъ образомъ ты дѣйствительно побѣдишь лукаваго. Ибо не огнемъ погашаютъ огонь, а водою... Далѣе Спаситель требуетъ еще высшаго любомудрія, когда повелѣваетъ обиженному не только молчать, но и подставлять обижающему другую щеку, и такимъ образомъ еще сильнѣе поборать его своимъ великодушіемъ. И это говоритъ онъ не для того, *чтобы дать законъ, повелѣвающій переносить обиды*, но чтобы во всѣхъ другихъ случаяхъ научить насъ незлобію. Ибо какъ въ томъ случаѣ, такъ и здѣсь не только предписываетъ, чтобы мы одни заушенія переносили великодушно, но чтобы и ничѣмъ подобнымъ мы не возмущались... Предписывая же сіе, Спаситель имѣетъ въ виду пользу и біющаго и біемаго. Ибо обиженный, вооружившись тѣмъ любомудріемъ, которому научаетъ Спаситель, будетъ думать, что онъ не потерпитъ никакого зла; онъ даже не будетъ и чувствовать обиды, почитая себя ратоборцемъ, и не думая объ ударѣ. А обижающій, будучи постыженъ, не только не нанесетъ другого удара, хотя бы онъ былъ лютѣе всякаго звѣря; но и за первый будетъ крайне обвинять себя. Ибо ничто такъ не удерживаетъ обижающихъ, какъ кроткое терпѣніе обижаемыхъ. Оно не только удерживаетъ ихъ отъ дальнѣйшихъ порывовъ, но еще заставляетъ раскаяться и въ прежнихъ, и дѣлаетъ то, что они отходятъ отъ обиженныхъ, удивляясь ихъ кротости... Но мщеніе производитъ совершенно противныя слѣдствія. Оно обоихъ вводитъ въ стыдъ и дѣлаетъ худшими; а гнѣвъ еще больше воспламеняетъ... Посему Спаситель заушаемому не только запретилъ гнѣваться, но и повелѣлъ насытить желаніе ударяющаго такъ,

[1]) Бесѣды на Матѳ. Ч. I, М. 1846, стр. 369—380.

чтобы вовсе и непримѣтно было, что ты первый ударъ претерпѣлъ невольно. Ибо такимъ образомъ ты безстыднаго поразишь гораздо чувствительнѣе, нежели какъ бы ты ударилъ его рукою, и изъ безстыднаго содѣлаешь его кроткимъ. Но Спаситель хочетъ, чтобы мы показывали подобное незлобіе не только, когда насъ бьютъ, но и когда хотятъ взять отъ насъ имѣніе... Впрочемъ не просто предложилъ сіе послѣднее правило. Ибо не сказалъ: *отдай просящему срачицу*, но—*хотящему судитися съ тобою;* т. е., если онъ влечетъ тебя въ судъ и хочетъ завести съ тобою дѣло... Но если тщательнѣе разсмотримъ слова Спасителя, то увидимъ, что въ нихъ заключается новое предписаніе гораздо еще высшее. Ибо онъ не только повелѣваетъ любить враговъ, но и молиться за нихъ. Видишь ли, на какія возшелъ онъ степени, и какъ поставилъ насъ на самый верхъ добродѣтели? Смотри и исчисляй оныя, начавши съ первой: первая степень—не начинать обиды; вторая,—когда она уже причинена, не воздавать равнымъ зломъ обидѣвшему; третья—не только не дѣлать обижающему того, что ты потерпѣлъ отъ него, но и оставаться спокойнымъ; четвертая—предавать себя самаго зло страданію; пятая—отдавать болѣе, нежели сколько хочетъ взять причиняющій обиду; шестая—не ненавидѣть его; седьмая—даже любить его; осьмая—благодѣтельствовать ему; девятая—молиться о немъ Богу... Но какъ это возможно, скажешь ты? Ты видишь, что Богъ для тебя содѣлался человѣкомъ; что Онъ такъ уничижилъ Себя, и такъ много пострадалъ за тебя; и еще ли спрашиваешь и недоумѣваешь, какъ можешь ты прощать обиды равнымъ себѣ? Не слышишь ли, что говоритъ Онъ на крестѣ: *остави имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ* (Лук. XXIII, 34)?.. Когда больные, находящіеся въ сумасшествіи, наносятъ удары и обиды врачамъ своимъ; то въ сіе-то время особенно врачи жалѣютъ о нихъ и наиболѣе стараются объ ихъ излѣченіи, зная, что оная дерзость происходитъ отъ чрезмѣрной болѣзни. Подобнымъ образомъ ты имѣй такое же расположеніе духа къ злоумышляющимъ противъ тебя, и такимъ же образомъ поступай съ обижающими тебя; ибо они болѣе всѣхъ другихъ больны и терпятъ величайшее насиліе. Итакъ, освободи врага своего отъ сей жестокой напасти; заставь его бросить гнѣвъ и

избавь отъ лютаго демона—ярости. Видя бѣснующихся, мы проливаемъ слезы, а не думаемъ сами подобно имъ бѣсноваться. Будемъ поступать также и съ гнѣвающимися, ибо они подобны бѣсноватымъ, или даже несчастнѣе ихъ; потому что хотя они и бѣснуются, но еще не лишились ума".

Это объясненіе Златоуста мы привели здѣсь далеко не въ полномъ его видѣ, но лишь въ краткомъ извлеченіи со многими выпусками и сокращеніями. Тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что и изъ этого извлеченія читатель увидитъ, какъ точно, ясно, и вполнѣ согласно съ духомъ евангельскимъ Св. Іоаннъ Златоустъ изъяснилъ ученіе Христа о непротивленіи злому и родственныхъ съ нимъ добродѣтеляхъ. Что можно еще прибавить къ этому прекрасному объясненію? Что въ немъ упущено изъ виду, недоговорено, невѣрно передано или неточно изъяснено? А если такъ, то не въ правѣ ли были современные намъ критики Толстого сказать, что ученіе Христа о непротивленіи злу уже давнымъ давно разъяснено и истолковано? Мы не говоримъ уже о толкованіяхъ восточныхъ отцовъ церкви, каковы—Василія Великаго, Григорія Богослова, Исидора Пелусіота, преп. Максима Исповѣдника или Іоанна Лѣствичника; не говоримъ и объ изъясненіяхъ ученія Спасителя въ трудахъ русскихъ богослововъ—св. Димитрія Ростовскаго, митрополита московскаго Филарета, архіепископа Димитрія, архіеп. Филарета Гумилевскаго, Павла Кишиневскаго, Никанора, Макарія, еп. Ѳеофана, Анатолія, свящ. В. Нечаева, свящ. Елеонскаго, С. Соллертинскаго, Волкова, Гусева, Орфано и др. Судя по цитатамъ, приведеннымъ въ книгѣ: „Въ чемъ моя вѣра?",—можно думать, что объясненіе Златоуста могло быть извѣстно и Толстому, ибо, хотя и съ искаженіями, но онъ приводитъ нѣкоторыя мѣста изъ Бесѣдъ Златоуста на Евангеліе отъ Матѳея, въ которыхъ Святитель изглагаетъ ученіе о значеніи ветхозавѣтнаго закона и откровенія. Но Толстой умолчалъ, дѣлая видъ, будто-бы онъ не знаетъ, какъ прекрасно объяснилъ Златоустъ ученіе Спасителя о непротивленіи. Это, впрочемъ, у Толстого пріемъ обычный: промолчать о томъ, что говоритъ не въ пользу его соціалистическихъ и анархическихъ чаяній. Во всякомъ случаѣ, читатель можетъ судить о томъ, насколько честно и справед-

ливо утверждаетъ Толстой, будто-бы за все время существованія христіанства ни одинъ изъ церковныхъ проповѣдниковъ не далъ объясненія того, какъ нужно понимать ученіе Іисуса Христа о непротивленіи злу.

Отъ духовныхъ критиковъ своихъ (хотя нѣкоторые изъ этихъ, по Толстому, *духовныхъ* критиковъ имѣютъ чинъ статскаго и даже дѣйствительнаго статскаго совѣтника) Толстой переходитъ къ *свѣтскимъ*. Свѣтскихъ критиковъ своихъ Толстой раздѣляетъ на два разряда: русскихъ и иностранныхъ, съ подраздѣленіемъ каждаго разряда на два противоположныхъ лагеря: консерваторовъ и *революціонеровъ* (по Толстому, между русскими критиками будто бы есть и такіе!). Но само собою понятно, что онъ остался недоволенъ всѣми этими разрядами и лагерями своихъ критиковъ. Никто ему не угодилъ!

По адресу своихъ критиковъ Толстой прежде всего выражаетъ свое неудовольствіе на то, что они не выполнили его ожиданій. „Я ожидалъ, что *вольнодумные* писатели,—говоритъ онъ [1]),—посмотрятъ на Христа не только, какъ на установителя религіи поклоненія и личнаго спасенія (какъ Его принимаютъ церковники) а, выражаясь ихъ (?) языкомъ, и какъ на реформатора, *разрушающаго* старыя и дающаго новыя основы жизни, реформа котораго не совершилась еще, а продолжается и до сихъ поръ. Такой взглядъ на Христа и его ученіе вытекаетъ изъ моей книги. Но къ *удивленію моему* изъ числа большого количества появившихся на мою книгу критикъ, не было *ни одной*, ни русской, ни иностранной, которая бы трактовала предметъ съ той самой стороны, съ которой онъ изложенъ въ книгѣ, т. е., которая бы посмотрѣла на ученіе Христа, какъ на философское, нравственное и соціальное (говоря опять языкомъ научныхъ людей) (?) ученіе“.

Вотъ чего ждалъ Толстой отъ своихъ критиковъ! Опоздалое желаніе! Дѣйствительно было время, это—дни Бѣлинскаго, Писарева, Добролюбова,—когда на Христа русскіе критики и не хотѣли иначе смотрѣть, какъ на политическаго реформатора, соціалиста, революціонера. Какъ извѣстно, Бѣлинскій

---

[1]) Ч. I, стр. 63.

открыто издѣвался надъ ученіемъ Христа, называя его ложнымъ и невѣжественнымъ человѣколюбіемъ, осужденнымъ современною наукою и экономическими началами,—причемъ убѣждалъ своихъ слушателей даже въ томъ, что если бы Христосъ появился теперь, то Онъ бы примкнулъ непремѣнно къ соціалистамъ и пошелъ за ними [1]). Конечно, если бы въ то время Толстой проповѣдывалъ свое всеразрушающее ученіе,—его ожиданія оправдались бы,—и русскіе критики только восхваляли бы это „послѣднее слово науки". Но теперь русскіе критики смотрятъ на вещи прямѣе и благоразумнѣе. Они знаютъ, что государственные перевороты и революціи имѣютъ свои причины и своихъ проповѣдниковъ, стоящихъ внѣ всякаго отношенія къ христіанству и его ученію. Они, наконецъ, повѣрили свидѣтельству Христа, что царство Его не отъ міра сего, и не хотятъ, вмѣстѣ съ іудейскими лжесвидѣтелями и русскимъ врагомъ Христа—Толстымъ обвинять Богочеловѣка въ томъ, что Онъ—противникъ кесаря (Іоан. 19, 12) и „запрещаетъ давать подать кесарю" (Лук. 23, 2), они знаютъ, что Онъ на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ (Іоан. 18, 37). Что Толстой навязываетъ ученію Христа соціалистическій и коммунистическій характеръ,—это говоритъ только о томъ, что онъ сынъ своего времени и еще теперь продолжаетъ жить идеями, господствовавшими въ „кружкѣ" Бѣлинскаго...

Несочувствіе ему русскихъ критиковъ Толстой думаетъ объяснить себѣ тѣмъ, что онъ не угодилъ никому изъ нихъ. Такимъ образомъ, консерваторы, по его словамъ [2]), нападаютъ на его ученіе потому, что оно препятствуетъ ихъ дѣятельности противленія злу, производимому революціонерами, ихъ преслѣдованіямъ и казнямъ (?); революціонеры же потому, что оно препятствуетъ противленію злу, производимому консерваторами и ихъ ниспроверженію.—О консерваторахъ мы говорить не будемъ. Но что Толстой угодилъ революціонерамъ (только не русскимъ критикамъ, а революціонерамъ въ собственномъ смыслѣ) и что его лжеученіе имъ на руку,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. На обложкѣ женевскаго изда-

[1]) Достоевскій. Полное собраніе сочиненій 1886 г. т. 5 стр. 151.

[2]) Ч. I, стр. 65.

нія книги Толстого: „Въ чемъ моя вѣра?“ они помѣстили даже объявленіе о всѣхъ своихъ также изданныхъ за-границею книгахъ и прокламаціяхъ, причисливъ *этимъ самимъ* къ числу ихъ и книгу Толстого...

Русскимъ критикамъ за ихъ несочувствіе къ своему ученію Толстой платитъ полнѣйшимъ презрѣніемъ, уличая ихъ въ невѣжествѣ и непониманіи простыхъ вещей. „Русскіе свѣтскіе критики,—говоритъ онъ [1]),—очевидно *не зная всего того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу* и даже иногда какъ будто предполагая, что это я лично выдумалъ *правило* непротивленія злу насиліемъ нападали на самую мысль, опровергая, извращая ее и съ большимъ жаромъ выставляя аргументы *давнымъ давно уже со всѣхъ сторонъ разобранные и опровергнутые* (!), доказывали, что человѣкъ непремѣнно долженъ (насиліемъ) защищать всѣхъ обиженныхъ и угнетенныхъ и что поэтому ученіе о непротивленіи злу есть ученіе безнравственное.—Насколько мы знаемъ (а мы всегда внимательно слѣдили за всѣмъ тѣмъ, что было писано *за* и *противъ* Толстого),—Толстой искажаетъ мысли своихъ критиковъ: они нападали не на ученіе о непротивленіи злу, а на то, какъ исказилъ его Толстой, и называли безнравственнымъ не ученіе Іисуса Христа о непротивленіи злу, а лжеученіе Толстого. Толстой уличаетъ своихъ критиковъ въ томъ, что они не знаютъ *всего* того, что было сдѣлано по разработкѣ вопроса о непротивленіи злу; а самъ онъ, по его же собственному признанію [2]), *очень мало знаетъ* о томъ, что дѣлалось и было проповѣдуемо и писано въ прежнее время по вопросу о непротивленіи злу... И онъ же берется учить своихъ критиковъ... Но Толстой, конечно, долженъ знать, что бываетъ тогда, когда слѣпой ведетъ слѣпого (Мѳ. 15, 14). Не ему бы уличать другихъ въ умственномъ невѣжествѣ!..

Снисходительнѣе относится Толстой къ своимъ иностраннымъ критикамъ. Такое поведеніе Толстого нужно объяснять себѣ, конечно, съ одной стороны общепринятою, предпочтительною вѣжливостію къ *посторонним* людямъ, а съ другой—совершен-

[1]) Ч. 1, стр. 65.
[2]) Ч. 1, стр. 1.

но понятнымъ заискиваніемъ ихъ благорасположенія въ будущемъ, такъ какъ слышно, что въ непродолжительномъ времени Толстой подаритъ міръ еще однимъ своимъ произведеніемъ—о патріотизмѣ, которое онъ началъ писать по поводу франко-русскаго сближенія и котораго ждутъ—не дождутся его нѣмецкіе почитатели. Впрочемъ, сущность дѣла не измѣняется: предъ судомъ Толстого и его иностранные критики являются точно такими же умственными невѣжами, ничего не знающими, ничего не понимающими, искажающими и извращающими его ученіе, какъ и русскіе критики; въ сравненіи съ послѣдними въ своихъ иностранныхъ критикахъ Толстой усматриваетъ [1]) лишь меньше раздражительности и больше культурности. Культурнѣе или некультурнѣе иностранные критики Толстого въ сравненіи съ его русскими критиками,—мы не знаемъ; мы знаемъ только одно, что они раньше русскихъ замѣтили у Толстого „трещину во лбу“ (Золя). Этимъ словомъ лучше иной критической статьи иностранными критиками охарактеризовано все то, что выходитъ изъ-подъ пера Толстого.

Говоря объ антикритикѣ Толстого, нельзя, наконецъ, не отмѣтить и его *недобросовѣстнаго* отношенія къ своимъ противникамъ. Всѣ критики Толстого свое главное вниманіе посвятили *разбору* его ученія, *опроверженію* его взглядовъ, *доказательству* ихъ невѣрности, раскрытію ихъ лжи и несостоятельности. Большинство этимъ только и ограничивало свою задачу. Немногіе шли дальше, не только опровергая лжеученія Толстого и доказывая его несостоятельность, но и предлагая читателямъ *положительное* рѣшеніе вопросовъ, затронутыхъ Толстымъ. Какъ же поступаетъ Толстой? Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи онъ, какъ мы видѣли, останавливаетъ свое вниманіе только на томъ, какъ его критики объясняютъ ученіе Іисуса Христа о непротивленіи злу, но совершенно обходитъ молчаніемъ то, *какъ* они разбираютъ его собственное ученіе и какіе они приводятъ *противъ него* доводы и основанія. Маневръ—ловкій и хитрый; немногіе изъ древнихъ софистовъ умѣли пользоваться подобными увертками. Мы не можемъ допустить того, чтобы Толстой не

[1]) Ч. I, стр. 66.

зналъ объ *этихъ* работахъ своихъ критиковъ и не читалъ ихъ; иначе онъ ничего не зналъ бы и о томъ, какъ они съ своей стороны рѣшаютъ вопросъ о непротивленіи злу и какъ понимаютъ они ученіе Спасителя объ этомъ предметѣ.

Чѣмъ же объяснить такое поведеніе Толстого? Почему онъ не коснулся своимъ критическимъ разборомъ того, что̀ критики высказали *противъ его* ученія и приводимыхъ имъ доказательствъ? Это вѣдь было бы интереснѣе, чѣмъ его разборъ *положительнаго* толкованія критиковъ и противниковъ, о которомъ онъ съ чрезмѣрными подробностями неодобрительно отзывался еще десять лѣтъ тому назадъ въ книгѣ—„Въ чемъ моя вѣра?“ и нерѣдко повторяетъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи то, что имъ было уже сказано нѣсколько разъ раньше. На поставленные вопросы—отвѣтъ простой: для Толстого было крайне неудобно, *а для его дѣла* даже отчасти *гибельно*—считаться съ противниками на этой почвѣ. Вѣдь для людей мыслящихъ цѣль, къ которой стремится Толстой, теперь ясна, какъ Божій день,—это—разрушеніе нынѣшняго государственнаго и общественнаго строя. Всѣ его разсужденія о Богѣ, о религіи, о христіанствѣ, о непротивленіи злу; все это—только ширма, закрывающая то, что за нею происходитъ. Но этими разсужденіями были обмануты многіе такіе, которые вовсе не раздѣляютъ его соціалистическихъ, анархическихъ и коммунистическихъ стремленій. Они хотѣли бы быть только христіанами, добрыми людьми, трудолюбивыми гражданами; но по многимъ причинамъ, а въ томъ числѣ и „репутаціею Толстого, какъ писателя“ они пойманы на удочку и ихъ потихоньку тянутъ туда, куда они сами никогда бы не пожелали пойти. Критики Толстого, особенно такіе, какъ М. А. Остроумовъ, Елеонскій, Волковъ, Орфано, а больше всѣхъ Гусевъ, самымъ основательнымъ образомъ и неопровержимо раскрываютъ всю ложь въ ученіи Толстого, ясно доказываютъ, что онъ исказилъ и извратилъ все христіанское ученіе о непротивленіи злому, о негнѣвливости, о бракорасторженіи, о клятвѣ и присягѣ, о государственныхъ и общественныхъ властяхъ, о христіанской церкви, о неосужденіи ближнихъ и юридическихъ судахъ, о патріотизмѣ и войнѣ, о религіи вообще и христіанской въ частности; однимъ словомъ, они са-

мымъ основательнымъ образомъ разоблачаютъ Толстого и наглядно показываютъ его читателю такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ и куда направлены всѣ его стремленія. Толстой ясно видѣлъ, что онъ не могъ опровергнуть доводовъ своихъ противниковъ, направленныхъ противъ его ученія и потому счелъ за лучшее ихъ вовсе не касаться. Съ своей точки зрѣнія онъ былъ правъ: онъ поступилъ недобросовѣстно, но выгодно для себя. Теперь, конечно, послѣдователи Толстого не читаютъ и прежде не читали сочиненій его противниковъ, уже потому, что „тамъ пишется противъ Толстого“ и пишется, по ихъ предвзятому мнѣнію, предумышленно—невѣрно, съ искаженіями, умолчаніями, противъ убѣжденій и т. д. Но въ сочиненіи самаго Толстого они, разумѣется, прочли бы, и если бы Толстой добросовѣстно привелъ всѣ мнѣнія и возраженія своихъ противниковъ противъ его ученія даже съ своими опроверженіями ихъ, то они, конечно, съумѣли бы увидѣть, кто ихъ учитель и куда они дойдутъ съ нимъ. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ теперешнихъ толстовцевъ, особенно тѣ, которые не желаютъ быть орудіемъ безшабашнаго анархизма, съ ужасомъ отвернулись бы отъ своего идола, а тѣ, которые, дѣйствительно, „ищутъ правды“, нашли бы то, чего они ищутъ.

Толстой однако не настолько простъ, чтобы не видѣть всѣхъ этихъ невыгодныхъ для него послѣдствій. И онъ принялъ свои мѣры. Онъ мимоходомъ упомянулъ [1]) о томъ, что много было говорено о его книгѣ и его неправильномъ толкованіи Евангелія; но сейчасъ же прибавилъ, что говорились только такіе пустяки, на которые не слѣдуетъ обращать никакого вниманія... И ученики, конечно, повѣрятъ своему учителю. Говоря объ этомъ, невольно вспоминаемъ слова великаго Апостола Христова: „Будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху; и отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 4, 3—4).

---

[1]) Ч. I, стр. 47.

III.

Сужденіе Толстого о Церкви.

Главное препятствіе для распространенія своего лжеученія Толстой совершенно справедливо усматриваетъ въ томъ вліяніи, какое производитъ на людей христіанская Церковь. Послѣ этого, понятно, почему онъ съ крайнею раздраженностію, полною непримиримой вражды и безграничной злобы, говоритъ всегда о Церкви и представителяхъ церковной іерархіи. Въ это время его оставляетъ хладнокровіе; онъ выходитъ изъ себя, кощунствуетъ надъ святынями, предъ которыми благоговѣетъ весь русскій народъ, хулитъ, клевещетъ, извращаетъ самые простые и очевидные факты, становится грубымъ и нахальнымъ. Вѣрить не хочется, чтобы такъ низко могъ пасть „великій писатель земли русской“... Впрочемъ, такое противорѣчіе между ученіемъ и поведеніемъ встрѣчается нерѣдко среди тѣхъ проповѣдниковъ мнимой истины, которые отвергли истину Христову. Шопенгауэру, предъ которымъ такъ восторженно благоговѣетъ Толстой, судя по его письму къ Фету отъ 30 августа 1869 года,—проповѣдь о безстрастіи и нирванѣ не помѣшала такъ приколотить собственными руками г-жу Маркетъ, что она стала неспособною къ труду и судъ заставилъ его въ теченіе двадцати лѣтъ уплачивать ей пенсію для прожитія. Толстой также проповѣдуетъ о великихъ добродѣтеляхъ—непротивленіи злу, любви ко врагамъ и всепрощеніи...

Сначала мы кратко изложимъ сужденіе Толстого о Церкви въ послѣдовательномъ порядкѣ его мыслей; а потомъ уже разсмотримъ это сужденіе въ частностяхъ.

„1800 лѣтъ тому назадъ, среди языческаго Римскаго міра, говоритъ Толстой [1]), явилось странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, новое ученіе, *приписавшееся* человѣку Христу“... „*ученіе, отрицавшее не только всякія божества*,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ, *но и всякія человѣческія учрежденія* и всякую необходимость въ нихъ. Вмѣсто всякихъ правилъ прежнихъ исповѣданій ученіе это выставляло

[1]) Ч. I, стр. 73.

только образецъ внутренняго совершенства, истины и любви въ лицѣ Христа, и—послѣдствія этого внутренняго совершенства, достигаемаго людьми,—внѣшняго совершенства, предсказаннаго пророками—царства Божія, при которомъ всѣ люди разучатся враждовать, будутъ всѣ научены *Богомъ* (?) и соединены любовью, и левъ будетъ лежать съ ягненкомъ..." [1]). „Нѣтъ по этому ученію поступковъ, которые бы могли оправдать человѣка, сдѣлать его праведнымъ..." „Больше или меньше благо человѣка зависитъ по этому ученію не отъ той степени совершенства, до котораго онъ достигаетъ, а отъ большаго или меньшаго ускоренія движенія..." [2]). Но „*съ самыхъ первыхъ временъ христіанства* появились люди, начавшіе утверждать про себя, что тотъ смыслъ, который они придаютъ ученію, есть единый истинный, и что доказательствомъ этого служатъ сверхъестественныя явленія, подтверждающія справедливость ихъ пониманія. Это то и было главной причиной сначала непониманія ученія, а потомъ и полнаго извращенія его" [3]). По словамъ Толстого [4]), началось это апостолами на іерусалимскомъ соборѣ, на которомъ были произнесены „въ первый разъ долженствовавшія внѣшнимъ образомъ *утвердить* справедливость извѣстныхъ *утвержденій* эти *страшныя, надълавшія столько зла*, слова: „угодно Святому Духу и намъ", т. е., утверждалось,—говоритъ Толстой [5]),—что справедливость того, что они постановили, засвидѣтельствована чудеснымъ участіемъ въ этомъ рѣшеніи Святаго Духа, т. е. Бога. Но утвержденіе о томъ, что Св. Духъ, т. е., Богъ говорилъ чрезъ апостоловъ,—продолжаетъ Толстой [6]),—опять надо было доказать. И вотъ понадобилось для этого утверждать то, что въ Пятидесятницу Святой Духъ въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на тѣхъ, которые утверждали это... Но и сошествіе Святаго Духа надо было подтвердить для тѣхъ, которые не видали огненныхъ языковъ... и понадобились еще чудеса и измѣненія (?), воскресенія, умерщевленія

[1]) Стр. 74.
[2]) Стр. 75.
[3]) Стр. 77.
[4]) Стр. 80.
[5]) Ч. I, стр. 80.
[6]) Тамъ-же.

и всѣ тѣ *соблазнительныя* (?) чудеса, которыми наполнены Дѣянія..." Такимъ образомъ, по словамъ Толстого [1]), уже ко времени Константина *все пониманіе ученія* свелось къ резюме—къ символу вѣры, въ которомъ значится: вѣрую въ то-то, то-то и то-то и подъ конецъ—въ единую, святую, соборную и апостольскую церковь, т. е., непогрѣшимость тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя церковью, такъ что все свелось къ тому, что человѣкъ вѣритъ уже не Богу, не Христу, какъ они открылись ему, а тому, чему велитъ вѣрить церковь". „Но Христосъ никакъ не могъ основать церковь... То, что люди назвали то, что сложилось потомъ, тѣмъ же словомъ, которое Христосъ употреблялъ *о чемъ то другомъ* (?), никакъ не даетъ имъ права утверждать того, что Христосъ основалъ единую истинную церковь" [2]). Мысль, что Христосъ основалъ церковь, по мнѣнію Толстого, опровергается уже тѣмъ, что существуютъ многія церкви—католическая, православная и протестантская, изъ которыхъ каждая только себя считаетъ истинною, а всѣ другія объявляетъ ложными. Затѣмъ,—рядомъ съ церквами существовали и существуютъ еще такъ называемыя ереси.—Конечно, Толстой становится на сторону послѣднихъ, признавая за ними положительное превосходство предъ церковію. „Въ томъ, что называлось ересью,—говоритъ онъ [3])—и было именно *истинное* движеніе, т. е. *истинное* христіанство, и только тогда переставало быть имъ, когда оно въ этихъ ересяхъ останавливалось въ своемъ движеніи и также закрѣплялось въ неподвижныя формы церкви". Въ доказательство своего мнѣнія Толстой ссылается даже на авторитеты „ученаго (?) историка христіанства E. de Pressensé въ его „Histoire du Dogme и Готфрида Арнольда—Unpartheyische Kirchen und Ketzer-Historie 1729.

Но признавъ истинное христіанство только въ *сектахъ* и *ересяхъ* и—даже не въ одной какой либо опредѣленной ереси, но въ *ересяхъ* вообще,—Толстой, конечно, долженъ былъ отрицать его въ церкви. Такъ онъ и дѣлаетъ. Но мало этого,—онъ идетъ по тому же направленію еще далѣе и, наконецъ,

[1]) Стр. 81.
[2]) Ч. I, стр. 83.
[3]) Ч. I, стр. 90.

приходитъ къ заключенію, что христіанская церковь есть самое враждебное христіанству учрежденіе и что ничто такъ много зла не дѣлаетъ людямъ, какъ церковь. „Какъ ни странно это кажется,—говоритъ онъ [1]),—церкви, какъ церкви, всегда были и не могутъ не быть учрежденіями не только чуждыми, но прямо враждебными ученію Христа... Церкви, какъ церкви, какъ собранія, утверждающія свою непогрѣшимость, суть учрежденія противухристіанскія. Между церквами, какъ церквами, и христіанствомъ не только нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени, но это два совершенно противоположныя и враждебныя другъ другу начала... Церковь, кромѣ зла, ничего болѣе людямъ не приноситъ. „Оба Франциска d' Assise и de Sales, нашъ Тихонъ Задонскій, Ѳома Кемпійскій и др. были, говоритъ Толстой [2]),—добрые люди, не смотря на то, что они служили дѣлу, враждебному христіанству, но они были бы еще добрѣе и достойнѣе, еслибы не подпали тому заблужденію, которому служили".

Послѣ этого Толстой переходитъ въ частности къ сужденію о дѣятельности русской церкви. „Дѣятельность этой церкви, говоритъ онъ [3]), состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить 100 милліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжитыя, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда—то исповѣдовали чуждые нашему народу люди, въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ ложныхъ вѣрованій. Внушеніе народу этихъ чуждыхъ ему, отжилыхъ и не имѣющихъ уже никакого смысла для людей нашего времени формулъ византійскаго духовенства о Троицѣ, о Божіей матери, о таинствахъ, о благодареніи (?) и т. п. составляетъ одну часть дѣятельности русской церкви; другую часть ея дѣятельности составляетъ дѣятельность поддержанія идолопоклонства въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова: почитанія святыхъ мощей, иконъ, принесенія имъ жертвъ и ожиданія отъ нихъ исполненія желаній". Затѣмъ, изобразивъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ совершеніе всѣхъ христіанскихъ

[1]) Ч. I, стр. 98.
[2]) Ч. I, стр. 101.
[3]) Ч. I, стр. 102.

таинствъ и обрядовъ, Толстой дѣлаетъ [1]) слѣдующее заключеніе: „Если человѣкъ можетъ спастись искупленіемъ, таинствами, молитвой, то добрыя дѣла уже не нужны ему. Нагорная проповѣдь,—или символъ вѣры. Нельзя вѣрить и тому и другому. И церковниками выбрано послѣднее; символъ вѣры учится и читается, какъ молитва, и въ церквахъ, а нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, прихожане не услышатъ ее. Да и не можетъ быть иначе, люди, вѣрующіе въ злого и безразсуднаго Бога—проклявшаго родъ человѣческій и обрекшаго Своего Сына на жертву и часть людей на вѣчное мученіе, не могутъ вѣрить въ Бога любви. Человѣкъ, вѣрующій въ Бога,—Христа паки грядущаго со славою судить и казнить живыхъ и мертвыхъ, не можетъ вѣрить въ Христа, повелѣвающаго подставлять щеку обидчику, не судить, прощать и любить враговъ“ и т. д.

Представивъ также въ каррикатурномъ видѣ ученіе церкви „о томъ, что Богъ сотворилъ міръ въ шесть дней:—свѣтъ прежде солнца, что Ной засунулъ всѣхъ звѣрей въ свой ковчегъ и т. п.; что Іисусъ есть тоже Богъ—Сынъ, который творилъ все до времени; что этотъ Богъ сошелъ на землю за грѣхъ Адама; что онъ воскресъ, вознесся и сидитъ одесную Отца и придетъ на облакахъ судить міръ и т. п.“, Толстой думаетъ [2]), что въ такое ученіе не можетъ вѣровать „не только образованный, но самый простой человѣкъ нашего времени, набравшійся носящихся въ воздухѣ понятій о геологіи, физикѣ, химіи, космографіи, исторіи“,—и потому приходитъ къ слѣдующему общему заключенію [3]): „въ наше время только человѣкъ, совершенно невѣжественный или совершенно равнодушный къ вопросамъ жизни, освѣщаемымъ религіей, можетъ оставаться въ церковной вѣрѣ“.

Наконецъ, самое главное зло въ дѣятельности церкви христіанской Толстой усматриваетъ въ ея вліяніи на религіозно-

[1]) Ч. I, стр. 108.
[2]) Ч. I, стр. 115.
[3]) Ч. I, стр. 117.

нравственное воспитаніе дѣтей. „Главная и *наизловреднѣйшая* дѣятельность церквей,—говоритъ онъ [1]),—есть та, которая направлена на обманъ дѣтей, тѣхъ самыхъ дѣтей, про которыхъ Христосъ сказалъ, что горе тому, кто соблазнитъ единаго изъ малыхъ сихъ".

„Вотъ эта то дѣятельность церквей, внушающая людямъ ложное пониманіе ученія Христа,—такъ заключаетъ Толстой [2]) 2-ю главу или параграфъ своего сочиненія,—и служитъ препятствіемъ пониманія его (въ духѣ Толстого) для большинства людей, такъ называемыхъ вѣрующихъ".

Изложивъ кратко, но по преимуществу почти подлинными словами Толстого его сужденіе о христіанской церкви, мы невольно поражаемся тѣмъ, какъ искажено и извращено въ немъ все христіанское ученіе. Иногда думается даже, что Толстой говоритъ о чемъ-то другомъ, а не объ ученіи Іисуса Христа. И все это дѣлается безъ всякихъ основаній, голословно, произвольно, даже съ презрѣніемъ къ несомнѣннымъ историческимъ фактамъ, историческимъ свидѣтельствамъ и памятникамъ, требованіямъ здраваго разума и научной совѣсти...

Странное ученіе, явившееся 1800 лѣтъ тому назадъ, по словамъ Толстого, было приписано *человѣку* Христу. Все представленіе объ Іисусѣ Христѣ, какое выработалъ себѣ Толстой и какое онъ ясно изложилъ еще въ предисловіи къ своему лжеевангелію, состоитъ въ слѣдующемъ: „1800 лѣтъ тому назадъ явился какой-то нищій и что-то говорилъ; его высѣкли и повѣсили". Вотъ и все! Толстому нѣтъ никакого дѣла до того, что Христосъ Самъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ и приписывалъ Себѣ свойства, которыя могутъ принадлежать только одному Богу (Мѳ. 22, 43. 45; Мар. 12, 37; Лук. 20, 42. 44; Іоан. 8, 58; Матѳ. 18, 11. 20; 9, 6; 11, 27, 26, 64; 24, 30 и мн. др.), онъ не придаетъ никакого значенія свидѣтельству Іоанна Крестителя, который, говоря объ Іисусѣ Христѣ и о бывшемъ при Его крещеніи, „свидѣтельствовалъ, что Сей есть Сынъ Божій" (Іоан. 1, 34); для него не важны принятыя Іисусомъ Христомъ свидѣтельства отъ Наѳанаила: „Равви! Ты Сынъ

[1]) Ч. I, стр. 119.
[2]) Ч. I. стр. 121.

Божій“ (Іоан. 1, 49), отъ ап. Петра: „Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Матѳ. 16, 16). „Къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни: и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога Живаго“ (Іоан. 6, 68. 69); народъ неоднократно свидѣтельствовалъ Христу: „истинно Ты Сынъ Божій“ (Матѳ. 14, 33). И Онъ не отвергъ ни одного изъ этихъ свидѣтельствъ. Даже враги Христа, невѣрующіе іудеи, у самаго креста на Голгоѳѣ, издѣваясь надъ ужасными страданіями Распятаго, свидѣтельствовали: „Онъ сказалъ: Я Божій Сынъ“ [1]). Даже римскіе язычники—„сотникъ и тѣ, которые съ нимъ стерегли Іисуса, видя землетрясеніе и все бывшее, устрашились весьма и говорили: воистину Онъ былъ Сынъ Божій“ (Матѳ. 27, 54). Жизнь, ученіе и дѣла Іисуса Христа, Его страданія, смерть и воскресеніе суть такія неопровержимыя доказательства божественности Іисуса Христа, что уже съ самаго начала распространенія ученія христіанскаго было ясно для всѣхъ, что нельзя, не вѣруя въ божество Христа, быть христіаниномъ. Въ апостольскихъ посланіяхъ, о существованіи которыхъ въ первомъ вѣкѣ знаютъ не только христіанскіе писатели, но и враги христіанскіе— еретики, и которыя, какъ предназначенныя для первенствующихъ христіанъ, конечно, были писаны на совершенно понятномъ для нихъ языкѣ, Іисусъ Христосъ постоянно называется Сыномъ Божіимъ. (2 Петр. 1, 17; 1 Іоан. 1, 3. 7; 2, 22. 23. 24; 3, 8. 24; 4, 9. 10. 14. 15; 5, 5. 9. 10. 11. 12. 13. 20, 2 Іоан. 1, 3. 9; Римл. 1, 3. 4. 9; 5, 10; 8, 3. 29. 32; 1 Кор. 1, 9; 15, 28; 2 Кор. 1, 19; Гал. 1, 16; 2, 20; 4, 4. 6; Ефес. 4, 13; 1 Сол. 1, 10; Евр. 1, 5; 4, 14; 6, 6; 10, 29), Богомъ (1 Сол. 3, 11; 2 Сол. 2, 16; Тит. 2, 13; Іуды 1, 4 и др.), Спасителемъ нашимъ, Спасителемъ міра, Спасителемъ всѣхъ человѣковъ (1 Іоан. 4, 14; Іуды 1, 25; 2 Петр. 1, 1; 11; 2, 20; 3, 2. 18; Ефес. 5, 23; Филип. 3, 20; 1 Тим. 2, 3; 4, 10; 2 Тим. 1, 9. 10. 1; Тит. 1, 3. 4; 2, 10. 13; 3, 4. 6), Господомъ (Іак. 1, 1; 2, 1; 1 Петр. 1, 3; 2 Петр. 1, 2. 8. 11. 14. 16; 2 Іоан. 1, 3; Іуды 1, 4. 17. 25; Римл. 1, 4. 7; 4, 24; 5, 1. 11. 21; 6, 11, 23; 7, 25; 8, 39; 13, 14; 15, 6; 30; 16,

[1]) Матѳ. 26, 43.

18. 20. 24. 1 Кор. 1, 3. 7. 8. 10; 2, 8 и мн. др.), единымъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ (1 Тим. 2, 5), великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ (Тит. 2, 13), единымъ Владыкою Богомъ (Іуды 1, 4), Праведнымъ Судіею (Рим. 14, 10; 2 Кор. 5, 10; 2 Тим. 4, 8) и Ему приписываются всѣ божескія свойства. Въ виду этого не можетъ подлежать никакому сомнѣнію истинность свидѣтельства, принадлежащаго перу языческаго администратора Плинія Младшаго, по которому уже въ его время въ самыхъ различныхъ и отдаленныхъ частяхъ Римской имперіи, какъ у бывшихъ іудеевъ, такъ и у бывшихъ язычниковъ, составившихъ новое религіозное общество, совершенно отличное отъ іудейства, „воспѣвали Ему (т. е. Іисусу Христу), *какъ Богу*, хвалебныя пѣсни“. Ясно, что не вѣровать въ божество Іисуса Христа можетъ только тотъ, кто отвергаетъ подлинность *всѣхъ* новозавѣтныхъ писаній, и для кого не имѣетъ никакого смысла свидѣтельство исторіи.

Какое же основаніе указываетъ Толстой для того, чтобы признавать Іисуса Христа только *человѣкомъ?* Въ разбираемомъ нами сочиненіи онъ прямо не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; но десять лѣтъ тому назадъ въ предисловіи къ своему лже-евангелію онъ могъ сказать лишь слѣдующее: „Ученіе Бога, сошедшаго на землю, чтобы научить людей, по самой цѣли сошествія Бога на землю, не можетъ быть понимаемо различно. Если Богъ сошелъ на землю, чтобы открыть истину людямъ, то наименьшее, что Онъ могъ сдѣлать, это то, чтобы открыть истину такъ, чтобы всѣ ее поняли; если же Онъ этого не сдѣлалъ, то Онъ не былъ Богъ“... „Для меня совершенно все равно, Богъ или не Богъ былъ Іисусъ Христосъ“... Кажется, что, высказывая эти странныя мысли, Толстой какъ-бы, шутя, издѣвается надъ законами человѣческаго мышленія: онъ выводитъ заключеніе совершенно противоположное тому, какого требуютъ имъ же самимъ указанныя посылки. Возвышенность ученія Іисуса Христа болѣе всего свидѣтельствуетъ о его божественности. Если произведенія болѣе совершеннаго человѣческаго ума не всегда бываютъ доступны для одинаковаго пониманія людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ умственнаго развитія, то что же слѣдуетъ сказать объ откровеніи мудрости

Божественной? Для ограниченнаго и несовершеннаго человѣческаго ума непостижимо ученіе, возвѣщающее истины ума всесовершеннаго и не ограниченнаго. Іисусъ Христосъ изъяснялъ свое ученіе въ самой простой и наглядной формѣ—притчахъ, для которыхъ бралъ всѣмъ доступные и понятные образы пастыря, сѣятеля, виноградаря, распутнаго сына, заимодавца; кромѣ того, Онъ открывалъ Своимъ слушателямъ божественныя истины въ строгой послѣдовательности и постепенности, переходя постоянно отъ легкаго къ болѣе трудному, и это Онъ дѣлалъ именно потому, что признавалъ трудность для слушателей—ограниченнымъ умомъ усвоить Его ученіе, откровеніе безконечнаго Божественнаго Духа,—и все таки въ прощальной бесѣдѣ съ учениками Онъ долженъ былъ сказать: „Еще многое имѣю сказать вамъ; но вы теперь не можете вмѣстить. Когда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, то наставитъ васъ на всякую истину... Утѣшитель, Духъ Святый, Котораго пошлетъ Отецъ во имя Мое, научитъ васъ всему и напомнитъ вамъ все, что Я говорилъ вамъ“. (Іоан. 16, 12. 13; 14, 26). Что ученіе Спасителя не будетъ воспринято и понято всѣми одинаково, объ этомъ ученики знали еще вначалѣ общественнаго служенія Іисуса Христа: „вамъ дано знать тайны Царствія, а имъ не дано... потому что они видя не видятъ, и слыша не слышатъ, и не разумѣютъ“ (Матѳ. 13, 11. 13). Для пониманія ученія Іисуса Христа мало развитія одного ума, для этого требовалась еще и чистота (неогрубѣлость) сердца (Матѳ. 13, 15), что не всегда требуется для пониманія человѣческой мудрости. Поэтому нужно сказать совершенно противоположное тому, что сказалъ Толстой: возвышенность ученія Іисуса Христа и неодинаковость пониманія его со стороны людей, сами по себѣ, служатъ однимъ изъ доказательствъ того, что преподавшій его былъ болѣе, чѣмъ человѣкъ, а ученіе его болѣе, чѣмъ ученіе человѣческое. Самъ Іисусъ Христосъ прямо называлъ его ученіемъ, происходящимъ отъ Бога. „Отвергающій Меня и не принимающій словъ Моихъ,—говорилъ Онъ (Іоан. 12, 48. 50), имѣетъ судію себѣ: слово, которое Я говорилъ, оно будетъ судить его въ послѣдній день. Ибо Я говорилъ не отъ Себя, но Пославшій Меня Отецъ, Онъ далъ Мнѣ заповѣдь, что сказать

и что говоритъ. И Я знаю, что заповѣдь Его есть жизнь вѣчная. И такъ, что Я говорю, говорю, какъ сказалъ Мнѣ Отецъ". „Развѣ ты не вѣришь, что Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ? Слова, которыя говорю Я вамъ, говорю не отъ Себя: Отецъ, пребывающій во Мнѣ, Онъ творитъ дѣла" (Іоан. 1, 4, 10). „Пославшій Меня есть истиненъ, и что Я слышалъ отъ Него, то и говорю міру" (Іоан. 8, 26). „Ничего не дѣлаю отъ Себя, но какъ научилъ Меня Отецъ, такъ и говорю" (Іоан. 8, 28). „Мое ученіе не Мое, но Пославшаго Меня" (Іоан. 7, 16). „Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ, слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшаго Меня Отца" (Іоан. 14, 24).

Самъ Толстой, безъ сомнѣнія, сознаетъ, что христіанское ученіе не могло быть произведеніемъ обыкновеннаго человѣческаго ума. Въ своеобразной передачѣ онъ приводитъ изреченіе Іоан. VII, 17: „Кто хочетъ узнать объ этомъ ученіи—*отъ Бога ли оно,* пусть исполняетъ его" (Подлинное изреченіе гласитъ такъ: „Кто хочетъ творить волю Его (Бога), тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно, или Я Самъ отъ Себя говорю"). По этой же причинѣ въ разбираемомъ сочиненіи [1]) Толстой не говоритъ, что это ученіе *преподалъ человѣкъ* Христосъ, а называетъ его только „*приписывавшимся человѣку* Христу". Кто же его *приписывалъ?* Почему оно было приписываемо именно человѣку *Христу*, а не кому либо другому? На эти вопросы Толстой не отвѣчаетъ; они для него какъ-бы вовсе не существуютъ. Но этого мало; какъ отвергнуть длинный рядъ историческихъ свидѣтельствъ, принадлежащихъ евангелистамъ, апостоламъ, ученикамъ апостольскимъ, христіанскимъ апологетамъ и писателямъ первыхъ вѣковъ, еретикамъ и литературнымъ врагамъ христіанства, евреямъ-талмудистамъ и даже языческимъ римскимъ писателямъ перваго и начала второго вѣка—Тациту, Свѣтонію и Плинію Младшему, по единодушному утвержденію которыхъ никто другой, а именно Іисусъ Христосъ, распятый при Понтіѣ Пилатѣ, *начальникъ вѣры* христіанской, преподалъ людямъ особенное ученіе и учредилъ религіозное

[1]) Ч. I. стр. 73.

общество, извѣстное подъ Его именемъ?—Ясно, что утвержденіе Толстого голословно, безосновательно и несогласно съ несомнѣнными историческими свидѣтельствами.

Не признавая Іисуса Христа виновникомъ новаго ученія, Толстой съ своей стороны не указываетъ намъ опредѣленно и того, кто именно возвѣстилъ людямъ это ученіе. Онъ говоритъ „1800 лѣтъ тому назадъ среди языческаго Римскаго міра *явилось* странное, не похожее ни на какое изъ прежнихъ, *новое ученіе*, приписывавшееся человѣку Христу“. Но *какъ-же* оно явилось?—Само собою? дѣйствіе оказалось безъ причины?—Но такимъ отвѣтомъ удовлетвориться нельзя. 1800 лѣтъ назадъ—эпоха историческая. Отъ этой эпохи до насъ дошло много письменныхъ памятниковъ. Палестина была хорошо извѣстна и грекамъ, и римлянамъ, и персамъ, и сирійцамъ. Относительно такой эпохи и такой страны нельзя ограничиваться неопредѣленными отвѣтами; разсудокъ человѣческій требуетъ, чтобы каждое историческое явленіе было уяснено по закону достаточнаго основанія и чтобы каждому дѣйствію была указана его причина. Но Толстой, повидимому, ничего не хочетъ знать объ этихъ разумныхъ требованіяхъ.

Но что же это за ученіе, странное и новое, которое, по Толстому, явилось 1800 лѣтъ тому назадъ и приписывавшееся человѣку Христу?—На этотъ вопросъ Толстой, какъ мы видѣли, отвѣчаетъ [1]) такъ: „ученіе, отрицавшее не только всякія *божества*,—всякій страхъ передъ ними, всякія гаданія и вѣру въ нихъ, но и всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ“. Итакъ, сущность христіанскаго ученія, если только здѣсь о немъ идетъ рѣчь, Толстой полагаетъ въ самомъ грубомъ *нигилизмѣ*—въ отрицаніи *всякихъ* божествъ и въ отрицаніи *всякихъ* человѣческихъ учрежденій. Это разсужденіе Толстого какъ-то совѣстно даже опровергать; такъ оно для каждаго здравомыслящаго человѣка до очевидности ложно...

Ученіе, отрицающее бытіе Божіе,—атеизмъ,—не можетъ быть названо *новымъ* ученіемъ даже и для эпохи, бывшей 1800 лѣтъ тому назадъ. Оно было уже извѣстно Давиду, наз-

[1]) Ст. 73.

вавшему, какъ мы знаемъ, всѣхъ атеистовъ безумцами. Правда, римскіе язычники называли безбожниками и христіанъ, потому что, почитая богами своими видимыхъ идоловъ, они не могли понять христіанскаго ученія о бытіи Бога невидимаго и непостижимаго, Бога, какъ всесовершеннаго духа, и потому полагали, что христіане вообще отвергаютъ бытіе Бога. Толстой могъ-бы понять это ученіе, еслибы ему не препятствовало уже напередъ усвоенное имъ чрезъ Шопенгауэра школьно—философское пантеистическое міровоззрѣніе. Для каждаго, хотя сколько-нибудь знакомаго съ содержаніемъ нашихъ каноническихъ евангелій, ясно, что называть христіанское ученіе атеистическимъ, отвергающимъ *всякія* божества, т. е., и бытіе истиннаго Бога, просто нелѣпо. Раскрытіе истиннаго понятія о Богѣ и объ отношеніи Бога къ міру и человѣку—это главный и основной предметъ всего ученія евангельскаго. Кто же, какъ не Христосъ возвѣстилъ людямъ, что „Богъ есть духъ“ (Іоан. 4, 24) и при томъ—духъ личный, самосознающій, любящій и дѣйствующій единственно по Своей волѣ, правдѣ и благости,—что Онъ всемогущъ (Матѳ. 19, 26; Марк. 10, 27; 18, 27), что Онъ невидимъ и непостижимъ (Іоан. 1, 18), что Онъ вѣченъ (Матѳ. 22, 32; Марк. 12, 26, 27; 20, 38), благъ (Матѳ. 19, 17; Марк. 10, 18; 18, 19), милосердъ и всесовершенъ (Матѳ. 5, 45. 48), всевѣдущъ (Матѳ. 6, 6), что онъ такъ возлюбилъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную. (Іоан. 3, 16). Толстому, очевидно, хотѣлось бы выдать христіанское ученіе за атеистическое только для оправданія своего собственнаго міровоззрѣнія. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о Богѣ *только для другихъ*, чтобы не оттолкнуть отъ себя своимъ безбожіемъ многихъ изъ своихъ послѣдователей, которые, по совершенно непонятному недоразумѣнію, признаютъ его даже *религіознымъ* человѣкомъ. (Къ немалому удивленію нашему, таковымъ признаетъ его даже *Страховъ*) [1]). Но самъ Толстой въ бытіе личнаго Бога вовсе не вѣруетъ, и подъ словомъ *Богъ*,

---

[1]) А. Гусевъ. Основныя „религіозныя“ начала графа Л. Толстого. К. 1893. Стр. 274—275.

которое онъ часто употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, онъ разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ другіе люди, иногда—*истину*, иногда—вообще отвлеченное пантеистическое понятіе. Въ его *письмѣ къ* NN по этому поводу мы встрѣчаемъ слѣдующее весьма характеристическое разсужденіе: „Всѣ говорятъ, что значеніе христіанства въ томъ, чтобы любить *Бога* и ближняго, какъ самого себя. Но *что такое Богъ?* Что такое любить? Что такое любить *что-то непонятное—Бога?* Что такое ближній? Что такое самъ я? Слова эти *для меня* имѣютъ такое значеніе: *любить Бога значитъ любить истину*... Такъ это *для меня*. Но мнѣ ясно, что *эти ничего неопредѣляющія слова* могутъ быть понимаемы иначе... Какъ это—люби *какого-то Бога*, котораго каждый понимаетъ по-своему, а другіе, и вовсе не признаютъ“... Конечно, Толстой, на основаніи своего пантеистическаго міровоззрѣнія, можетъ отрицать бытіе личнаго Бога, сколько ему угодно; но навязывать атеистическій характеръ христіанскому ученію, отрицающему только ложныхъ, языческихъ боговъ, но небытіе единаго истиннаго Бога, онъ не имѣетъ никакого основанія и даже извращаетъ этимъ самую сущность христіанства. Христіанское ученіе о любви къ Богу въ вышеупомянутомъ письмѣ къ NN—онъ называетъ „просто глупымъ“; но этимъ словомъ было бы справедливо назвать только одно его разсужденіе о христіанскомъ ученіи.

Совершенно неосновательно утверждаетъ Толстой также и то, будто бы новое ученіе, явившееся 1800 лѣтъ тому назадъ (думаемъ, что рѣчь идетъ о христіанскомъ ученіи), отрицаетъ всякія человѣческія учрежденія и всякую необходимость въ нихъ. Въ той же самой нагорной проповѣди, на которую такъ часто ссылается Толстой и которую онъ считаетъ несомнѣнно подлинною, Іисусъ Христосъ признаетъ учрежденія судебныя: „всякій, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ *суду*“ (Матѳ. 5, 22); тамъ же признаетъ Онъ значеніе синедріона: „кто скажетъ брату своему: „рака“, подлежитъ синедріону“. Кромѣ того Христосъ, какъ мы видѣли уже, признаетъ обязательнымъ платить государственныя и общественныя подати (Матѳ. 22, 17; Марк. 12, 14; Лук. 20, 22); правда, обвиняя предъ Пилатомъ Іисуса Христа, іудеи говорили: „Онъ раз-

вращаетъ нашъ народъ и запрещаетъ давать подать кесарю“ (Лук. 23, 2); но и Пилатъ увидѣлъ, что это была ложь и клевета. Спаситель признавалъ всѣ учрежденія, установленныя ветхозавѣтнымъ закономъ (храмъ, праздники, крещеніе Іоанна, путешествія въ Іерусалимъ) и даже благочестивые обычаи народные (Матѳ. 26, 12; Марк. 14, 8), не отвергъ значенія синагогъ и т. п. Толстому, очевидно, хочется навязать христіанскому ученію тотъ соціалистическій, или даже анархическій характеръ, какой имѣютъ его собственныя убѣжденія, заимствованныя изъ источниковъ, стоящихъ не только вдали, но и въ явномъ противорѣчіи съ ученіемъ Іисуса Христа.

Весьма трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ Толстой могъ допустить предположеніе, что христіанское ученіе было искажаемо съ самаго начала его появленія въ мірѣ, и что искажали и извращали его именно св. апостолы, непосредственные ученики Іисуса Христа. Но изъ какихъ источниковъ самъ Толстой получилъ свои свѣдѣнія объ *истинномъ* христіанскомъ ученіи?—По его словамъ,—будто-бы изъ Евангелій, написанныхъ апостолами. А гдѣ встрѣтилъ онъ это ученіе уже искаженнымъ будто-бы апостолами?—Въ писаніяхъ тѣхъ же самихъ апостоловъ?... Такимъ образомъ, по Толстому, выходитъ, что одни и тѣ же апостолы въ одно и то же время, въ однихъ и тѣхъ же писаніяхъ предложили своимъ читателямъ и *истинное* христіанское ученіе, и въ искаженномъ ими видѣ!... Можно-ли подобныя заключенія признавать согласными съ требованіями здравой логики?

Но еще болѣе страннымъ представляется разсужденіе Толстого о томъ, что справедливость своего *искаженнаго* христіанскаго ученія апостолы будто бы старались утвердить самыми недостойными и безнравственными средствами—*ложью* и *обманомъ*, что для этого они сначала выдумали „эти страшныя, надѣлавшія столько зла. слова: „угодно Святому Духу и намъ“, а потомъ для подтвержденія этихъ страшныхъ словъ они будто бы придумали разсказъ о сошествіи Св. Духа на нихъ въ видѣ огненныхъ языковъ и о другихъ *соблазнительныхъ* для Толстого чудесахъ,—которыми наполнена книга Дѣяній св. Апостоловъ... Такимъ образомъ, по мнѣнію Толстого, ученики Іисуса Христа, которые ради воз-

вѣщенія людямъ евангельскаго ученія, отказались отъ всѣхъ благъ міра, терпѣли голодъ и жажду, и наготу и побои, скитались и трудились, работая своими руками, были злословимы, гонимы (1 Кор. 4, 11—13); эти ученики отвсюду притѣсняемые (2 Кор. 4, 8), ужасными страданіями и мученическою смертію запечатлѣвшіе истину проповѣдуемаго ученія, эти апостолы были будто-бы лишь *обманщиками и лжецами*! Что нужно сказать о человѣкѣ, который дерзнулъ бросить грязью и запятнать высоконравственный и безукоризненный характеръ св. апостоловъ, первыхъ проповѣдниковъ возвѣщенной Іисусомъ Христомъ божественной истины? Ликъ учениковъ Христовыхъ Толстой думаетъ обратить въ шайку сознательныхъ обманщиковъ и лгуновъ! Дѣло распространенія христіанства онъ хочетъ приписать простому обману и пустымъ вымысламъ, относительно которыхъ предварительно состоялся преднамѣренный уговоръ между галилейскими рыбаками. Можетъ ли здравый смыслъ допустить подобныя предположенія? Очевидно, Толстой рѣшилъ не пренебрегать никакими средствами для достиженія своей цѣли.

По мнѣнію Толстого [1]), Іисусъ Христосъ не только не намѣренъ былъ учреждать церкви на землѣ, но даже и „не могъ основать“ ее. Какъ же послѣ этого понимать слова Христа: „Я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея“ (Мѳ. 16, 18)? или о судѣ церкви: „скажи церкви; а если и церкви (согрѣшившій братъ) не послушаетъ, то да будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“ (Матѳ. 18, 17)? На эти вопросы Толстой отвѣчаетъ [2]), что въ этихъ мѣстахъ слово „церковь“ „Христосъ употреблялъ *о чемъ-то другомъ*“. Но о чемъ-же именно?—На этотъ вопросъ онъ не даетъ никакого отвѣта. Очевидно, что онъ еще не придумалъ, какъ исказить эти евангельскія мѣста, это изреченія Самого Спасителя о Его намѣреніи основать церковь и о предоставленномъ ей судѣ надъ согрѣшившими членами. Толстой требуетъ, чтобы просто на слово повѣрили ему, что въ этихъ изреченіяхъ Христосъ разумѣетъ подъ словомъ „церковь“ не церковь, а „*что-то другое*“. Но онъ выпу-

[1]) Ч. I, стр. 82.
[2]) Ч. I, стр. 83.

стилъ изъ виду, что въ Евангеліяхъ кромѣ самаго слова „церковь“ есть еще прямыя указанія на существенные признаки церкви, таковы: избраніе апостоловъ, данная имъ власть учить и совершать таинства, производить судъ (Матѳ. 10, 1; Марк. 3, 33—14; Лук. 6, 12—13; Матѳ. 28, 19—20; 16, 19; 18, 17; Іоан. 20, 23 и др.). Толстой не обратилъ вниманія своихъ читателей и на то, что кромѣ Евангелій, *написанныхъ апостолами*, и во многихъ мѣстахъ апостольскихъ посланій ясно говорится о томъ, что церковь на землѣ основана именно Іисусомъ Христомъ, освящена Его страданіями и смертію. Вотъ важнѣйшія изъ этихъ изреченій: „Иныхъ Богъ поставилъ въ церкви во-первыхъ апостолами, во-вторыхъ пророками, въ-третьихъ учителями; далѣе, инымъ далъ силы чудодѣйственныя, также дары исцѣленій, вспоможенія, управленія“ (1 Кор. 12, 28). Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто слова *Богъ* говорится *Христосъ*. „Христосъ поставилъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, къ совершенію святыхъ, на дѣло служенія, для созиданія Тѣла Христова, доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова“ (Ефес. 4, 11—13). „Христосъ возлюбилъ церковь и предалъ Себя за нее, чтобы освятить ее, очистивъ банею водною, посредствомъ слова; чтобы представить ее Себѣ славною церковью, не имѣющею пятна, или порока, или чего-либо подобнаго, но дабы она была свята и непорочна“ (Ефес. 5, 25—27). Въ книгахъ Св. Писанія Новаго Завѣта слово „церковь“ употреблено въ 98 мѣстахъ. И по Толстому выходитъ, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ подъ „церковью“ нужно разумѣть не церковь, а *„что-то другое“*...

Толстой, повидимому, не находитъ достаточнаго количества словъ на русскомъ языкѣ для того, чтобы выразить всю свою враждебность къ христіанской церкви и потому обращается за помощію даже къ Вольтеру, вмѣстѣ съ которымъ обзываетъ [1]) церковь еще и французскимъ словомъ—l'infame (безчестною). По его словамъ, церковь есть источникъ зла и лжи, она мо-

[1]) Ч. I, стр. 98.;

жетъ будто бы причинять одни злодѣянія, и—ничего хорошаго, такъ что Тихонъ Задонскій былъ бы добрѣе и достойнѣе, еслибы не принадлежалъ къ христіанской церкви [1]). Истина, по Толстому, заключается не въ церкви, а въ ересяхъ, потому что главнымъ признакомъ церкви служитъ ея неподвижность, застой, безжизненность, а существенный признакъ ересей—движеніе, истина же, какъ и истинное христіанство, состоятъ лишь въ безостановочномъ движеніи [2]).—Но въ какомъ движеніи—впередъ или назадъ? прямо или въ сторону? Повидимому, Толстой имѣетъ въ виду *первое* движеніе, т. е., впередъ и прямо. Но такое движеніе есть и въ церкви. Правда, божественныя истины, хранимыя въ церкви, какъ истины вѣчныя, *сами по себѣ*, неподвижны, *сами по себѣ*, не имѣютъ нужды ни въ какомъ дальнѣйшемъ движеніи или раскрытіи, выводахъ или добавленіяхъ. Но человѣчество, воспринимая ихъ въ себя и становясь подъ ихъ руководство, находится въ безостановочномъ движеніи; члены церкви постигаютъ эти истины не сразу, но постепенно, достигая и въ жизни все большаго и большаго осуществленія ихъ. 300—400 лѣтъ тому назадъ члены христіанской церкви не имѣли такихъ точныхъ, ясныхъ, основательныхъ познаній въ области христіанской религіи, какія имѣютъ многія изъ членовъ церкви въ настоящее время; религіозное сознаніе у людей взрослыхъ стоитъ на высшей степени развитія, чѣмъ у дѣтей. Такимъ образомъ, въ церкви, хотя богооткровенныя истины всегда однѣ и тѣ же, какъ вѣчныя и разъ навсегда данныя, но въ нихъ заключаются начала безпрерывнаго, безостановочнаго и безконечнаго развитія человѣчества, начинаемаго на землѣ и имѣющаго продолжаться въ будущей жизни. Эти-то божественныя истины въ своемъ чистомъ и неповрежденномъ видѣ и могутъ быть находимы только въ церкви, которая хранитъ ихъ какъ самую драгоцѣнную святыню. Не то въ ересяхъ. Тамъ есть движеніе религіознаго сознанія, но только безъ надлежащей зависимости отъ богооткровенныхъ истинъ; оно уклоняется отъ нихъ и потому всегда искажаетъ или отри-

---

[1]) Ч. I, стр. 101.

[2]) Ч. I, стр. 76—77; 90—98.

цаетъ ихъ. Тамъ не религіозное сознаніе развивается въ зависимости отъ догматическаго ученія, а совершенно наоборотъ: догматическое ученіе становится въ зависимость отъ религіознаго сознанія и вмѣстѣ съ нимъ постоянно измѣняется, а вслѣдствіе этого оно никогда не можетъ заключать въ себѣ твердыхъ и непреложныхъ истинъ, такъ какъ содержаніе его, завися отъ направленія развитія еретиковъ, всегда будетъ имѣть временный или случайный и разнообразный характеръ и его движеніе будетъ не прямое, а круговращательное.—Истинное христіанство, по словамъ Толстого [1]), состоитъ лишь въ безпрестанномъ движеніи впередъ, а не въ неподвижности церкви. Но къ чему стремится самъ Толстой? Онъ, повидимому, стремится не впередъ, а назадъ,—къ возстановленію того истиннаго христіанства, которое явилось въ міръ 1800 лѣтъ тому назадъ, къ тѣмъ истинамъ, которыя, по его словамъ, были „приписаны человѣку Христу“. Не вступаетъ ли чрезъ это самое Толстой въ противорѣчіе съ самимъ собою? Если истина въ ересяхъ,—зачѣмъ ему возвращаться такъ далеко, а отчего не обратиться къ ересямъ, нынѣ во множествѣ распространеннымъ и постоянно умножающимся?

Движенію церковной жизни, по мнѣнію Толстого, предѣлъ положенъ Никейскимъ символомъ вѣры. Но какъ же объяснить то, что движеніе въ церкви, какъ признаетъ Толстой, было во 2-мъ и 3-мъ вѣкѣ, когда также существовали разные символы—помѣстныхъ церквей и отдѣльныхъ отцевъ церкви и даже символъ апостольскій. На этотъ вопросъ у Толстого нѣтъ никакого отвѣта.

Толстой такъ враждебно относится къ Никейскому символу вѣры, что даже выставляетъ [2]) слѣдующее категорическое положеніе: „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Нельзя вѣрить и тому и другому“. Но что такое символъ вѣры? По Толстому, Никейскій символъ вѣры есть ни что иное, какъ „резюме споровъ, происходившихъ на соборѣ“ [3]). Но это опредѣленіе совершенно невѣрно. Символъ вѣры есть краткое, но точное

[1]) Ч. I, стр. 75 и дал.
[2]) Ч. I, стр. 108.
[3]) Ч. I, стр. 81.

изложеніе того вѣроученія, которое содержится въ книгахъ Св. Писанія Новаго Завѣта; отцы собора не только ничего не внесли въ него своего, но даже не употребили ни одного своего выраженія. Символъ вѣры весь изложенъ словами Новозавѣтныхъ писаній. Для доказательства этого мы приводимъ его здѣсь съ точнымъ указаніемъ цитатъ или тѣхъ мѣстъ Св. Писанія, изъ которыхъ отцы собора заимствовали выраженія при составленіи символа вѣры. Желающіе могутъ провѣрить насъ. Вотъ самый текстъ Никейскаго символа вѣры. „*Вѣруемъ во единаго Бога Отца* (ср. Іоан. 14, 1; 17, 3; Іак. 2, 19; Евр. 11, 6; Рим. 3, 30; 1 Кор. 8, 6; Гал. 3, 20; Ефес. 4, 6; 1 Тим. 2, 5 и др.), *Вседержителя* (2 Кор. 6, 18; Апок. 1, 8; 4, 8; 11, 17; 15, 3; 16, 7; 14; 19, 6; 21, 22), *Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ* (Матѳ. 19, 4; Марк. 10, 6; Рим. 1, 25; Ефес. 3, 4; Колос. 1, 16). *И во единаго Господа Іисуса Христа* (1 Кор. 8, 6; Іоан. 13, 13. 14; 1 Кор. 12, 3; Филип. 2, 11), *Сына Божія* (Мато. 3, 17; Марк. 1, 11; Лук. 3, 22; Іоан. 5, 37, Матѳ. 17, 5; Марк. 9, 7; 2 Петр. 1, 17; Матѳ. 16, 16. 20; 14, 33; Іоан. 6, 69; 1 Іоан. 1, 7; 2, 22; 23; 24; 3, 8. 23; 4, 9. 10. 14. 15; 5, 5. 10. 11. 12. 13. 20; 2 Іоан. 1, 3. 9; Апок. 1, 13; 2, 18; Рим. 1, 3. 4. 9; 5, 10; 8, 3. 29. 32; 1 Кор. 1, 9; 15, 28; 2 Кор. 1, 19; Гал. 1, 16; 2, 20; 4, 4. 6; Ефес. 4, 13; 1 Сол. 1, 10; Евр. 1, 2. 5; 4, 14; 6, 6; 10, 29 и др.), *Единороднаго* (Іоан. 3, 16; 1 Іоан. 4, 9; Гал. 4, 4;) *иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ* (1 Іоан. 5, 1; Евр. 1, 5; 5, 5), *Свѣта отъ Свѣта* (Іоан. 8, 12; 9, 5; 1 Іоан. 1, 5.), *Бога истинна отъ Бога истинна* (Іоан. 3, 33; 1 Іоан. 5, 20; Рим. 3, 4; 1 Сол. 1, 9; Евр. 9, 14), *рожденна, не сотворенна* (Евр. 5, 5; 1, 5; 1 Іоан. 5, 1), *единосущна Отцу* (Іоан. 14, 11; 17, 10; 10, 30. 36. 38), *Имже вся быша* (Іоан. 1, 3; Колос. 1, 16; Ефес. 3, 9; Евр. 1, 2). *Насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія* (Іоан. 3, 16, 17; Матѳ. 26, 28; Лук. 22, 19, 20; Марк. 14, 24; 1 Кор. 11, 24; Матѳ. 20, 28; Марк. 10, 45; Іоан. 11, 51; 52; 10, 16; 1 Кор. 8, 11; 15, 3, Рим. 5, 18; 1 Тим. 2, 5, 4, 10; Тит. 2, 11; 1 Сол. 5, 9; 2 Сол. 2, 13; Евр. 1, 14; 2, 10; 1 Петр. 2, 2;) *сшедшаго съ небесъ* (Іоан. 3, 13; 6, 62; Матѳ. 26, 64; Іоан. 16, 27. 28;

Ефес. 4, 10); *и воплотившагося отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчшася* (Матѳ. 1, 18. 20; Лук. 1, 35; Іоанн. 1, 14;), *Распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ и страдавша и погребенна* (Матѳ. 27, 26; 60; Марк. 15, 15. 45—46; Лук. 23, 24—25. 52—53; Іоан. 19, 16. 42; 1 Кор. 1, 23; 2, 2. 8; Галат. 3, 1; Апок. 11, 8 и др. 1 Петр. 2, 21; 23; 3, 18; 4, 1; 2 Кор. 1, 5: Евр. 9, 26; 1 Тим. 6, 13; 1 Кор. 15, 4); *И воскресшаго въ третій день по писаніемъ* (1 Кор. 15, 3—4); *И возшедшаго на небеса* (Марк. 16, 19; Лук. 24, 51; Дѣян. 1, 9; Іоан. 3, 13; 6, 62; Матѳ. 26, 64; Ефес. 4, 10; 1 Петр. 3, 22); *и сидящаго одесную Отца* (Марк. 16, 19; Матѳ. 26, 64; 1 Петр. 3, 22; Колос. 3, 1; Евр. 1, 3. 13; 8, 1; 10, 12; 12, 2). *И паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ* (Матѳ. 25, 31—46; 13, 49; 16, 27; Дѣян. 1, 11. 10, 42. 1 Сол. 1, 10; Іак. 5, 7; 8; 2 Петр. 1, 16; 3, 4. 10; 12; 1 Кор. 4. 5; 15, 23; 2 Кор. 7, 7; 1 Сол. 2, 19; 3, 13; 4, 15; 5, 2. 23; 2 Сол. 2, 1. 8; Матѳ. 24, 44; Апок. 3, 11; 4, 8; 22, 12. 20), *Его царствію не будетъ конца* (Лук. 1, 33); *И въ Духа Святаго* (Матѳ. 28, 19; 3, 16; Марк. 1, 10; Лук. 3, 21; Іоан. 1, 32; Матѳ. 1, 18. 20; 12, 28. 32; Марк. 3, 28. Лук. 12, 10. Матѳ. 10, 20. Лук. 12, 12; Іоан. 14, 16. 17. 26; 15, 26; 16, 7—15; 20, 22; 1 Петр. 1, 12; 4, 14; 2 Петр. 1, 21; 1 Іоан. 3, 24, 4, 13; 5, 6. 7; Іуд. 1, 20; Апок. 2. 7, 12. 17. 29; 3, 6. 13. 22; 14. 13; Дѣян. 1, 2. 5. 8. 16; 2, 4. 17. 33. 38; 4, 8. 25. 31; 5, 32; 6, 3. 5. 10; 7, 51, 55; 8, 15—19. 39; 9, 17. 31; 10, 19. 38. 44. 45. 47; 11, 12. 15. 16. 24. 28; 13, 2. 4. 9. 52; 15, 8. 28; 16, 6. 7; 19, 2. 6; 20, 23. 28; 21, 11; 28, 25; Рим. 5, 5; 8. 9. 11. 14. 26; 9, 1; 14, 17; 15, 13. 16. 19; 1 Кор. 2, 10. 11. 12. 13. 14; 3, 16; 6, 11. 17. 19; 7, 40; 8, 6; 12, 3. 8. 9. 11. 13; 14, 2; 2 Кор. 3, 3; 5, 5; 6, 6; 13, 13; Галат. 3, 5; 4, 6; Ефес. 3, 5; 4, 4; 30; Филип. 1, 19. 27; 1 Сол. 4, 8; 1 Тим. 3, 16; 4, 1; Тит. 3, 5; Евр. 2, 4; 3, 7; 6, 4; 9, 14; 10, 15), *Господа животворящаго* (2 Кор. 3, 17; Дѣян. 5, 3. 4; Рим. 4, 17; 8, 11; 1 Кор. 15, 45), *Иже отъ Отца исходящаго* (Іоан. 15), *Иже со Отцемъ и Сыномъ спокланяема и славима* (Матѳ. 28, 19; 1 Іоан. 5, 7; Матѳ. 3, 16—17), *глаголавшаго пророки* (2 Петр. 1, 21;

1 Петр. 1, 10. 11). *Во едину святую, соборную и апостольскую церковь* (Матѳ. 16, 18; 18, 17; 1 Пет. 2, 4—8; 1 Кор. 3, 10—12; 12, 28; 14, 4. 12; Ефес. 1, 22; 5, 23. 25—27; 4, 10—13; 2 Кор. 6, 16; 8, 1.; Филип. 3, 6; Колос. 1. 18. 24; 2 Сол. 2, 4; 1 Тим. 3, 15 и др.)... *Исповѣдуемъ едино крещеніе во оставленіе грѣховъ* (Іоан. 3, 3. 4; Матѳ. 28, 19; Марк. 16, 16; Дѣян. 2, 38; 10, 47. 48; Ефес. 4, 5; 1 Петр. 3, 21; Рим. 6, 3. 4; 1 Кор. 12, 13; Галат. 3, 27; Колос. 2, 12). *Чаемъ воскресенія мертвыхъ* (Матѳ. 22, 32: Марк. 12, 26; Лук. 20, 37; Іоан. 5, 25; 28, 11, 25—26.; 6, 40, 54; Рим. 6, 5; 1 Кор. 15, 12. 13. 21. 42; Филип. 3, 11; Евр. 6, 2; 11, 19, 35) *и жизни будущаго вѣка* (Іоан. 3, 16; 36; 4, 14; Ефес. 1, 21; 2, 7; Евр. 6, 5; Рим. 2, 7. 5, 21; 6, 2; 7, 10; Гал. 6, 8; 1 Тим. 4, 8; Евр. 7, 16; 1 Іоан. 1, 2; 2, 25; 3, 14; 5, 11; 13, 20 и мн. др.).

Провѣривъ указанныя нами цитаты, читатель, конечно, самъ увидитъ, что Никейскій символъ вѣры не только вполнѣ согласенъ съ ученіемъ новозавѣтнаго Откровенія, но даже изложенъ словами и изреченіями новозавѣтныхъ писаній; поэтому, когда Толстой утверждаетъ, что нагорная проповѣдь несоединима съ Никейскимъ символомъ вѣры, то этимъ онъ утверждаетъ уже и то, что нагорная проповѣдь Спасителя находится въ непримиримомъ противорѣчіи со всѣмъ новозавѣтнымъ Откровеніемъ, съ ученіемъ Іисуса Христа и апостоловъ. Отвергнуть Никейскій символъ вѣры это то-же, что отвергнуть *всѣ* книги Св. Писанія Новаго Завѣта. Толстой, конечно, и самъ это прекрасно сознаетъ; но ему нужно было во что бы то ни стало отрицать истинность вѣроученія, содержащагося въ Никейскомъ символѣ вѣры, потому что онъ, еще раньше знакомства съ христіанскимъ вѣроученіемъ, усвоилъ себѣ ложное школьно-философское міровоззрѣніе (пантеистическое или матеріалистическое—все равно), которое находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ вѣроученіемъ христіанскимъ. Еще раньше своихъ нападокъ на Никейскій символъ вѣры, онъ, конечно, уже не вѣровалъ ни въ бытіе личнаго Бога, ни въ богочеловѣческое достоинство Іисуса Христа, ни въ бытіе Святаго Духа, ни въ церковь, ни въ таинства, ни въ загробную личную жизнь. Его

нападки на христіанское вѣроученіе суть только слѣдствіе его ложнаго школьно-философскаго міровоззрѣнія, но вовсе—не результатъ серьезнаго изученія книгъ Св. Писанія. Эта-то предвзятость и дѣлаетъ его крайне раздражительнымъ, враждебнымъ и фанатичнымъ, потому что на каждомъ шагу въ божественномъ Откровеніи ему приходится наталкиваться на неустранимыя препятствія и возраженія его собственному міровоззрѣнію, заимствованному изъ враждебнаго христіанству источника. Не умѣя устранить эти возраженія, онъ все больше и больше запутывается въ безвыходномъ для него кругу противорѣчій и, сознавая всю непоправимость своего положенія, съ отчаяніемъ бросается въ разныя стороны, ищетъ помощи въ искаженіяхъ и извращеніяхъ прямого смысла совершенно яснаго евангельскаго текста, готовъ разумѣть подъ самымъ простымъ и понятнымъ словомъ все что угодно, но только не то, что оно значитъ на самомъ дѣлѣ, но видя свою неудачу, онъ раздражается, выходитъ изъ себя и унижается до того, что даже начинаетъ лгать и клеветать...

Изъ безчисленнаго количества примѣровъ, которые ясно доказываютъ справедливость только-что сказаннаго нами, рѣшаемся остановить вниманіе читателя еще на одномъ и,—къ сожалѣнію, далеко не послѣднемъ. „Передъ церквами, говоритъ Толстой [1]), стоитъ дилемма: нагорная проповѣдь или Никейскій символъ—одно исключаетъ другое: если человѣкъ искренно повѣритъ въ нагорную проповѣдь, Никейскій символъ неизбѣжно потеряетъ для него смыслъ и значеніе и вмѣстѣ съ нимъ церковь и ея представители; если же человѣкъ повѣритъ въ Никейскій символъ, т. е., въ церковь, т. е., въ тѣхъ, которые называютъ себя представителями ея, то нагорная проповѣдь станетъ для него лишняя. И потому церквамъ нельзя не употреблять всѣхъ возможныхъ усилій для затемненія смысла нагорной проповѣди и для привлеченія къ себѣ людей“. Эту же мысль высказываетъ Толстой и въ другомъ мѣстѣ [2]): „Нагорная проповѣдь или символъ вѣры. Нельзя повѣрить и тому и другому. И церковниками выбрано послѣднее: символъ вѣры учится и

[1]) Ч. I, стр. 120.
[2]) Ч. I, стр. 108.

читается, какъ молитва и въ церквахъ, а *нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ, такъ что въ церквахъ никогда*, кромѣ какъ въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе, *прихожане не услышатъ ее*". Да неужели это правда?—можетъ спросить изумленный читатель. Неужели нагорная проповѣдь Спасителя исключена духовенствомъ изъ евангельскихъ чтеній въ церквахъ? Неужели наше православное духовенство скрываетъ отъ своихъ прихожанъ ученіе Спасителя, содержащееся въ нагорной проповѣди?—Къ счастію, ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности, да никогда и быть не могло. Все это обычная у Толстого ложь и клевета, къ которымъ онъ такъ часто прибѣгаетъ для оправданія своего ложнаго и предвзятаго школьно-философскаго взгляда. Если, какъ признаетъ и самъ Толстой, нагорная проповѣдь во всемъ своемъ объемѣ читается только въ тѣ дни, когда читается все Евангеліе (т. е. въ первые дни страстной седьмицы и у гроба умершихъ епископовъ и священниковъ), то по какимъ бы побужденіямъ духовенство скрывало ее отъ прихожанъ въ другое время? Что нагорная проповѣдь изучается въ школахъ на ряду съ символомъ вѣры, въ этомъ читателя можетъ убѣдить любая школьная программа и любой учебникъ по св. исторіи Новаго Завѣта. Что часть нагорной проповѣди (Матѳ. 5, 3–12) ежедневно въ церквахъ не только читается, но и поется на литургіи (на маломъ входѣ) или на великопостныхъ часахъ (изреченія о блаженствахъ) въ этомъ также убѣдиться нетрудно каждому. Но нетрудно разоблачить ложь Толстого и относительно того, будто-бы нагорная проповѣдь исключена даже изъ чтеній евангельскихъ въ церквахъ. Для этого достаточно только взглянуть въ прилагаемый въ концѣ русской Библіи (печатаемой въ сунодальной типографіи) и каждой Библіи славянской—„Указатель евангельскихъ и апостольскихъ чтеній на всѣ дни года". Изъ этого „указателя" видно, что нагорная проповѣдь, по уставу Православной церкви, раздѣленная на зачала, какъ и все Евангеліе вообще, читается въ церквахъ на Божественной литургіи нерѣдко, а именно: въ 8-ю недѣлю по Пасхѣ, т. е., въ недѣлю Пятидесятницы или Сошествія Св. Духа на Апостоловъ (она-же—Троицкая); во вторникъ—Матѳ. 4, 25; 5, 1—

13; въ среду—Матѳ. 5, 20—26; въ четвергъ—Матѳ. 5, 27—32; въ пятницу—Матѳ. 5, 33—41 (о непротивленіи злу); въ субботу—Матѳ. 5, 42—48; на слѣдующей недѣлѣ, которая называется обыкновенно недѣлею всѣхъ святыхъ: въ понедѣльникъ—Матѳ. 6, 31—34; 7, 9—11; во вторникъ 7, 15—21; въ среду—7, 21—23; въ субботу—Матѳ. 7, 1—8; въ слѣдующую недѣлю (2-я недѣля по всѣхъ святыхъ)—въ субботу—Матѳ. 7, 24—8, 4; въ недѣлю мясопустную: въ субботу—Матѳ. 6, 1—13; въ недѣлю сыропустную—въ воскресенье—Матѳ. 6, 14—21; во всѣ дни, посвященные памяти святителей: Матѳ. 5, 14—19; во время безведрія, о умиреніи и соединеніи православной вѣры, за творящихъ милостыню и, наконецъ, на всякое прошеніе—Матѳ. 7, 7—11. Эти и даже болѣе подробныя свѣдѣнія Толстой, конечно, могъ бы позаимствовать изъ любого календаря; но онъ не захотѣлъ этого сдѣлать, потому что для него это было бы невыгодно и стѣснило бы его въ достиженіи цѣли—унизить православную церковь, хотя бы явною клеветою и ложью.

Также односторонне судитъ Толстой и о дѣятельности православной церкви. Подъ церковію онъ всегда понимаетъ только одно духовенство; о мірянахъ, наибольшей части церкви, онъ преднамѣренно умалчиваетъ, какъ будто міряне не принимаютъ совершенно никакого участія въ дѣятельности церкви. Но такое понятіе о церкви совершенно невѣрно. По словамъ Толстого [1]), православный катихизисъ (будто-бы) такъ опредѣляетъ понятіе церкви: „Церковь есть основанное Іисусомъ Христомъ общество (?), соединенное между собою въ одно цѣлое однимъ божественнымъ ученіемъ и таинствами подъ управленіемъ и руководствомъ Богоустановленной іерархіи“. Хотя Толстой положительно выдаетъ это опредѣленіе за опредѣленіе православнаго катихизиса и даже отмѣчаетъ его знаками, употребляющимися для обозначенія чужихъ словъ; но въ православномъ катихизисѣ предлагается нѣсколько иное опредѣленіе; а именно въ православномъ катихизисѣ мы читаемъ слѣдующее: „Церковь есть *отъ Бога* установленное общество *человѣковъ*, соединенныхъ *Православною вѣрою*, *закономъ Божіимъ*, *священноначаліемъ*

[1]) Ч. I, стр. 84.

чаліемъ и Таинствами“ [1]). Хотя Толстой, какъ видитъ читатель, и значительно измѣнилъ православное опредѣленіе; но мы не придаемъ этому особеннаго значенія. Достаточно отмѣтить только, какъ легкомысленно онъ относится къ передачѣ чужихъ опредѣленій. Но и изъ приведеннаго имъ опредѣленія ему, повидимому, *можно* было бы усмотрѣть, что церковь состоитъ не изъ одной іерархіи, что къ ней принадлежатъ и міряне, свѣтскіе люди, а если бы онъ справился даже только съ одною исторіею отечественной церкви, то онъ увидѣлъ бы что голосъ мірянъ въ церкви имѣетъ немаловажное значеніе и иногда бывалъ даже рѣшающимъ, отмѣняя распоряженіе іерарха всей церкви,—о чемъ ясно свидѣтельствуетъ, напр., извѣстная исторія лжемитрополита Исидора съ принятіемъ флорентійской уніи, а также и исторія нашихъ юго-западныхъ братствъ, дѣятельность князя Острожскаго и т. п.

Признавъ церковь, вслѣдствіе ея неподвижности, неспособною произвести что либо доброе и полезное для жизни и отожествивъ ее съ духовенствомъ, Толстой не пожалѣлъ красокъ и приложилъ все свое умѣнье и старанье къ тому, чтобы какъ можно болѣе каррикатурно представить „дѣятельность православной церкви“. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу [2]). „Дѣятельность этой церкви состоитъ въ томъ, чтобы всѣми возможными мѣрами внушить 100 милліонной массѣ русскаго народа тѣ отсталыя, отжитыя, не имѣющія теперь никакого оправданія вѣрованія, которыя когда-то исповѣдывали чуждые нашему народу люди, въ которыя почти никто уже не вѣритъ, часто даже и тѣ, на обязанности которыхъ лежитъ распространеніе этихъ *ложныхъ* вѣрованій... Чему старательно, неупустительно, напряженно, вездѣ одинаково учатъ народъ? Чего отъ него требуютъ, въ силу, такъ называемой, христіанской вѣры? Начну (продолжаетъ Толстой) съ *начала рожденія* (не съ конца рожденія, а съ начала?) ребенка: при рожденіи ребенка учатъ тому, что надо надъ ребенкомъ и матерью прочитать молитву, чтобы очистить ихъ, такъ какъ безъ молитвы этой родившая

[1]) Простр. Христ. Катихизисъ Православныя Каѳолическія Восточныя Церкви. М. 1889, ст. 41.

[2]) Ч. 1, стр. 102 и дал.

мать *погана* (?). Для этого передъ изображеніями святыхъ, называемыхъ народомъ (?) прямо богами, священникъ беретъ въ руки ребенка и читаетъ *заклинательныя* (?) слова и этимъ (?) очищаетъ мать. Потомъ внушается родителямъ и даже требуется отъ нихъ подъ страхомъ наказанія за неисполненіе, чтобы ребенокъ былъ непремѣнно крещенъ, т. е. обмокнутъ священникомъ три раза въ воду, при чемъ читаются *никому непонятныя слова* (?) и совершаются *еще менѣе понятныя* дѣйствія— мазанія масломъ разныхъ частей тѣла, стрижка волосъ и дутья и плеванья воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Все это (?) должно очистить ребенка и сдѣлать его христіаниномъ. Потомъ внушается родителямъ, что ребенка надо причастить, т. е., дать ему подъ видомъ хлѣба и вина съѣсть *частицу тѣла Христова* (это новорожденному ребенку-то?), вслѣдствіе чего ребенокъ приметъ въ себя благодать Христа и т. д. Потомъ внушается, что этого ребенка, по мѣрѣ возраста, надо выучить молиться. Молиться—значитъ становиться прямо передъ *досками*, на которыхъ нарисованы лица Христа, Богородицы, Святыхъ и кланяться головой, всѣмъ тѣломъ, а правой рукой со сложенными извѣстнымъ образомъ пальцами дотрогиваться до лба, плечъ, живота и произносить славянскія слова, изъ которыхъ самыя употребительныя и всѣмъ дѣтямъ внушаемыя: Богородица, дѣва радуйся и т. д. Потомъ внушается *воспитываемому*, что при видѣ всякой церкви и иконы надо дѣлать опять то же, т. е., креститься; потомъ внушается, что въ праздники (праздники, поясняетъ Толстой, это дни, въ которые (?) Христосъ родился, хотя *никто* не знаетъ, когда это было, дни, въ которые (?) онъ обрѣзался, въ который умерла Богородица, въ который принесенъ крестъ, въ который внесена (?) икона, въ который юродивый видѣлъ видѣніе и т. п.), въ праздники надо одѣться въ лучшія одежды и идти въ церковь и покупать и ставить тамъ свѣчи передъ изображеніями святыхъ, подавать записочки и поминанія и хлѣбцы для вырѣзыванія въ нихъ треугольниковъ и потомъ молиться *много разъ за здоровье и благоденствіе царя* и архіереевъ, и за себя и за свои дѣла и потомъ цѣловать крестъ и руку священника. Кромѣ этой молитвы внушается еще, что надо каждый годъ, по крайней мѣрѣ одинъ

разъ, говѣть. Говѣть значитъ, пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ, и потомъ *съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ*, что еще болѣе очищаетъ. Потомъ внушается, что если мущина и женщина хотятъ, чтобы ихъ плотское общеніе было свято, то они должны придти въ церковь, надѣть на себя металлическія короны, выпить *питья* (?), обойти подъ звуки пѣнія три раза вокругъ стола, и что тогда плотское общеніе мужчины и женщины сдѣлается святымъ и совсѣмъ особеннымъ отъ всякихъ другихъ. Въ жизни же внушается, что надо соблюдать слѣдующія правила: не ѣсть мяса и молока въ извѣстные дни, еще въ другіе извѣстные дни (?) служить молебны и панихиды по умершимъ, въ праздники принимать священника и *давать ему деньги* и нѣсколько разъ въ году брать изъ церкви *доски* съ изображеніями и носить ихъ на полотенцахъ по полямъ и домамъ. Передъ смертью же внушается, что человѣкъ долженъ непремѣнно *съѣсть съ ложечки хлѣба съ виномъ*, а еще лучше, если успѣетъ помазаться масломъ. Это обезпечиваетъ ему благо въ будущей жизни. Послѣ же смерти внушается роднымъ его, что для спасенія души умершаго полезно положить ему въ руки печатную бумагу съ молитвой; полезно еще, чтобы надъ мертвымъ тѣломъ прочли извѣстную книгу (?) и чтобы въ церкви въ извѣстное время произносили бы имя умершаго. Въ этомъ считается обязательная вѣра для каждаго. Но если кто особенно хочетъ позаботиться о своей душѣ, то по этой вѣрѣ внушается, что наибольшее обезпеченіе блаженства души на томъ свѣтѣ достигается еще тѣмъ, чтобы жертвовать деньги на церкви и монастыри, *обязывая* (?) этимъ святыхъ людей молиться *за себя* (?). Спасительны еще, по этой вѣрѣ, для души хожденія по монастырямъ, цѣлованіе явленныхъ иконъ и мощей. По этой вѣрѣ явленныя иконы и мощи сосредоточиваютъ въ себѣ особенную святость, силу и благодать и близость къ этимъ предметамъ: прикосновеніе, цѣлованіе, становленіе свѣчъ къ нимъ, подлѣзаніе подъ нихъ, много содѣйствуетъ спасенію, равно и молебны, заказываемые передъ этими святынями. И вотъ эта то вѣра (дѣлаетъ Толстой заключеніе изъ сказаннаго), и никакая дру-

гая называется православной, т. е., настоящей вѣрой, подъ видомъ христіанской всѣми силами въ продолженіи многихъ вѣковъ и съ особеннымъ напряженіемъ теперь внушается народу... Все это, и поклоненіе мощамъ, и иконамъ, внесено въ богословіе, въ катехизиса; этому старательно учатъ народъ теоретически и практически всѣми средствами торжественности, блеска, авторитета, насилія; гипнотизируя его, заставляютъ его вѣрить въ это и ревниво оберегаютъ эту вѣру отъ каждой попытки освобожденія народа отъ этихъ дикихъ суевѣрій. На моихъ глазахъ, какъ я говорилъ по случаю моей книги, въ продолженіи многихъ лѣтъ ученіе Христа и его собственныя слова о непротивленіи злу были предметомъ насмѣшекъ (?), балаганныхъ шутокъ (!?) и не только церковники не противились этому, но поощряли (?) это кощунство; но попробуйте сказать непочтительное слово о *безобразномъ идолѣ, кощунственно развозимомъ по Москвѣ пьяными людьми подъ именемъ Иверской* [1]), и поднимется стонъ негодованія этихъ самыхъ православныхъ церковниковъ"...

Какими же средствами, по мнѣнію Толстого, эта, повидимому, столь странная вѣра распространяется и поддерживается въ народѣ?—Первое и главное средство—это обманъ и притомъ—обманъ огульный, сознательный и наглый. „Меня часто поражало, говоритъ Толстой [2]), это комическое, если бы послѣдствія его не были такъ ужасны, наблюденіе о томъ, какъ люди, сцѣпившись кругомъ, обманываютъ другъ друга, и не могутъ выйти изъ этого заколдованнаго круга... Архіереи, митрополиты и всѣ высокопоставленные люди прикладываются къ мощамъ и чудотворнымъ иконамъ. Спросить у архіереевъ и высокопоставленныхъ лицъ, зачѣмъ они это дѣлаютъ, *они скажутъ, что дѣлаютъ для народа (?)*, а народъ прикладывается потому, что архіерей и высокопоставленныя лица это дѣлаютъ".

Другимъ, не менѣе же важнымъ, средствомъ распространенія

---

[1]) Съ величайшимъ прискорбіемъ мы воспроизводимъ это кощунственное выраженіе Толстого въ виду того, что его повторяютъ и толстовцы-крестьяне, о которыхъ трудно было до сего времени сказать, гдѣ они научились богохульствовать и кощунствовать такимъ образомъ...

[2]) Ч. I, стр. 111.

вѣры Толстой признаетъ [1]) „то, что теперь называется гипнотизаціей". „Пускаются въ дѣло,—говоритъ онъ [2]),—всѣ искусства отъ архитектуры до поэзіи для воздѣйствія на души людей и для одуренія ихъ, и воздѣйствіе это происходитъ непереставающее".

Этими-то средствами, по словамъ Толстого [3]), духовенство пользуется съ удивительною хитростію и усиліями для того, чтобы „продолжать строить церкви, служить обѣдни, проповѣдовать, учить, обращать, и, *главное, получать за это огромное содержаніе* (?), какъ всѣ эти священники, пастыри, интенденты, суперинтенденты, аббаты, архидіаконы, епископы и архіепископы".

Итакъ, Толстой высказалъ такое же сужденіе о Православной Церкви, ея сущности и дѣятельности, какое приходится иногда выслушивать только отъ самыхъ непримиримыхъ враговъ Христовой Церкви,—явныхъ безбожниковъ, нѣкоторыхъ евреевъ и фанатичныхъ сектантовъ, въ числѣ которыхъ въ настоящее время не послѣднее мѣсто занимаютъ именно толстовцы, ученики вполнѣ достойные своего учителя. И приведенное сужденіе Толстого насъ нисколько не удивило: ничего другого отъ него нельзя было бы и ожидать. Мы думаемъ, что и нами и болѣе насъ компетентными людьми уже достаточно доказано, что хотя Толстой и употребляетъ такія слова, какъ: Богъ, Христосъ, христіанство, но для него это—безсодержательныя слова, или, какъ онъ самъ выражается, *„ничего не опредѣляющія слова"*, которыми однако-же онъ охотно любитъ пользоваться, чтобы маскировать свои дѣйствительныя убѣжденія и ловить въ свои сѣти людей вѣрующихъ, но не утвержденныхъ еще въ истинахъ христіанской вѣры. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Толстой такой же безбожникъ, какъ и всѣ другіе безбожники, а по своей враждебности къ христіанской церкви онъ превосходитъ, конечно, всякаго еврея, всякаго сектанта, всякаго фанатика. Вотъ почему мы и говоримъ, что отъ Толстого мы никогда и не ожидали иного сужденія о Право-

[1]) Ч. I, стр. 118.
[2]) Тамъ-же.
[3]) Тамъ-же.

славной Церкви, кромѣ того, какое имъ высказано и какое приведено нами выше.

Что это сужденіе крайне злостно, односторонне, а потому и ложно, что оно вышло изъ человѣческаго сердца, отравленнаго ядомъ самой непримиримой и безграничной вражды,—это должно быть ясно и очевидно для каждаго, кто рѣшится безпристрастно отнестись къ нему. Въ самомъ дѣлѣ, когда и какой архіерей говорилъ Толстому, что онъ прикладывается къ чудотворному образу, не по благоговѣнію своему къ святынѣ, т. е. не по убѣжденію своему, а изъ одного лицемѣрія, для народа? А о чемъ говорятъ тѣ гнусныя оскорбительныя для религіознаго чувства, грубыя, кощунственныя выраженія, которыя употребляетъ Толстой, говоря о святѣйшемъ таинствѣ Евхаристіи и о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери, высоко чтимой святынѣ всего русскаго народа? „Великій писатель земли русской“ не имѣетъ въ своемъ запасѣ приличныхъ выраженій, не можетъ говорить о народной святынѣ, не оскорбляя народнаго чувства!... Вотъ что дѣлаетъ съ нимъ овладѣвшее имъ чувство безграничной вражды и злобы!... Но не будемъ объ этомъ много говорить. Въ этомъ отношеніи Толстой самъ „отъ словъ своихъ осуждается“ (Матѳ. 12, 37). Ибо „исходящее изъ устъ—изъ сердца исходитъ; сіе оскверняетъ человѣка“ (Матѳ. 15, 18). Языкъ—небольшой членъ, но много дѣлаетъ. Языкъ—огонь, прикраса неправды; языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геенны; ибо всякое естество звѣрей и птицъ пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ, а языкъ укротить никто изъ людей не можетъ; это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда (Іак. 3, 5—8)...

Какъ мы видѣли, сущность и дѣятельность Православной Церкви Толстой ограничиваетъ лишь молитвословіями и требоисправленіями и потому считаетъ эту дѣятельность Церкви не только пустою, ничтожною, безполезною, но и вредною. Это сужденіе само по себѣ ложно, но *для Толстого* оно совершенно естественно.

Толстой не вѣруетъ въ бытіе личнаго Бога. Въ своемъ пи-

сьмѣ къ NN на вопросъ: „что такое Богъ?“ онъ прямо отвѣчаетъ, что Богъ—это „ничего неопредѣляющее слово“, „что-то непонятное...“ Какой же смыслъ послѣ этого можетъ имѣть для него молитва?—Очевидно,—никакого. Но совершенно иное значеніе имѣетъ молитва для христіанина, вѣрующаго въ бытіе личнаго Бога, Творца, Промыслителя и Искупителя,—Бога, Который возлюбилъ родъ человѣческій несравненно болѣе, чѣмъ родной отецъ любитъ своихъ дѣтей. Христіанинъ вѣруетъ словамъ своего Господа и Спасителя, сказаннымъ въ нагорной проповѣди, (о которой такъ много говоритъ Толстой): „Просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете; стучите, и отворятъ вамъ... Если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него“ (Матѳ. 7, 7, 11). Христіанинъ знаетъ, что и въ прощальной бесѣдѣ Своей съ учениками, Сынъ Божій говорилъ имъ: „если чего попросите у Отца во имя Мое, то сдѣлаю“ (Іоан. 14, 13). „Если пребудете во Мнѣ, и слова Мои въ васъ пребудутъ; то, чего ни пожелаете, просите, и будетъ вамъ“ (Іоан. 15, 7) „Истинно, истинно говорю вамъ: о чемъ ни попросите Отца во имя Мое, дастъ вамъ“ (Іоан. 16, 23; срв. 14, 14). Но нерѣдко Господь говорилъ о значеніи молитвы во время Своего общественнаго служенія и кромѣ нагорной проповѣди, и задолго до прощальной бесѣды: „все, чего ни будете просить въ молитвѣ, вѣрьте, что получите; и будетъ вамъ“ (Марк. 11, 24). Христіанинъ знаетъ, какое благотворное дѣйствіе произвела молитва смиреннаго мытаря, или увѣровавшаго на крестѣ разбойника (Лук. 18, 14; 23, 43). Онъ помнитъ наставленія Спасителя: „Молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ“ (Матѳ. 5, 44 въ нагорной проповѣди); „если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то, чего бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего Небеснаго“ (Матѳ. 18, 19); „все, чего ни попросите въ молитвѣ съ вѣрою, получите“ (Матѳ. 21, 22). Господь сказалъ даже особую „притчу о томъ, что должно *всегда* молиться и не унывать“, которую Онъ закончилъ словами: „Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, *вопіющихъ къ Нему день и ночь*, хотя и медлитъ защищать ихъ? Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ“ (Лук.

18, 1—8). Кромѣ вышеприведенныхъ, наставленія Спасителя о молитвѣ можно находить еще и во многихъ другихъ мѣстахъ, напр. Матѳ. 6, 5—7; 17, 21; 24, 20; 26, 41; Марк. 9, 29; 13, 19; 14, 38; Лук. 11, 1—4; 21, 36; 6, 28; 22, 40, 46 и др. Кромѣ того, христіанинъ знаетъ, что Самъ Господь часто молился и нерѣдко въ молитвѣ проводилъ цѣлыя ночи (срв. напр. Матѳ. 14, 23; Марк. 6, 46; Лук. 5, 16 и мн. др.), что въ молитвѣ Онъ искалъ для Себя облегченія и предъ наступленіемъ Своихъ страданій, что Онъ молился даже и на крестѣ Своемъ. По примѣру Христа постоянно пребывали въ молитвѣ Его апостолы и другіе послѣдователи (Лук. 24, 53; Дѣян. 1, 14. 24; 2, 42). При этомъ апостолы молились не за себя только, но и за другихъ христіанъ. Такъ ап. Павелъ пишетъ къ Ефесянамъ: „непрестанно благодарю за васъ Бога, воспоминая о васъ въ молитвахъ моихъ, чтобы Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, далъ вамъ Духа премудрости и откровенія къ познанію Его“ (Ефес. 1, 16, 17); Филиппійцамъ: „Благодарю Бога моего при всякомъ воспоминаніи о васъ, всегда во всякой молитвѣ моей за всѣхъ васъ принося съ радостью молитву мою“ (Филип. 1, 3, 4); Колосянамъ: „Привѣтствуетъ васъ Епафрасъ вашъ, рабъ Іисуса Христа, всегда подвизающійся за васъ въ молитвахъ, чтобы вы пребыли совершенны и исполнены всѣмъ, что́ угодно Богу“ (Колос. 4, 12); Ѳессалоникійцамъ: „всегда благодаримъ Бога за всѣхъ васъ, воспоминая о васъ въ молитвахъ нашихъ“ (1 Сол. 1, 2); Тимоѳею: „Благодарю Бога, Которому служу отъ прародителей съ чистою совѣстью, что непрестанно воспоминаю о тебѣ въ молитвахъ моихъ днемъ и ночью“ (2 Тим. 1, 3); Филимону: „Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебѣ въ молитвахъ моихъ“ (Филим. 1, 4). Подобное же ап. Павелъ пишетъ Рим. 1, 10; 2 Кор. 13, 7. 9; Филип. 1, 9; Колос. 1, 3, 9; 1 Сол. 3, 10; 2 Сол. 1, 11; св. Апостолъ Іоаннъ Богословъ пишетъ старцу Гаію: „возлюбленный! молюсь, чтобы ты здравствовалъ и преуспѣвалъ во всемъ, какъ преуспѣваетъ душа твоя“ (3 Іоан. 1, 2). Съ другой стороны, возвѣщая христіанамъ, что „много можетъ усиленная молитва праведнаго“ апостолы наставляли ихъ: „молитесь другъ за друга, чтобы исцѣлиться“ (Іак. 5, 16). „Если

кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь“ (1 Іоан. 5, 16). „Прежде всего прошу совершать молитвы, прошенія, моленія, благодаренія за всѣхъ человѣковъ, за царей и за всѣхъ начальствующихъ“ (1 Тим. 2, 1, 2); „Боленъ ли кто изъ васъ, пусть призоветъ пресвитеровъ Церкви, и пусть помолятся надъ нимъ, помазавши его елеемъ во имя Господне. И молитва вѣры исцѣлитъ болящаго, и возставитъ его Господь; и если онъ содѣлалъ грѣхи, простятся ему“ (Іак. 5, 14, 15). Мало этого, апостолы просили у христіанъ взаимной молитвы даже и за себя. „Братія! молитесь и о насъ“ (1 Сол. 5, 25). „Молитесь за насъ, братія, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось“ (2 Сол. 3, 1). „Молитесь о насъ... Особенно же прошу дѣлать это, дабы я скорѣе возвращенъ былъ вамъ“ (Евр. 13, 18, 19). „Умоляю васъ, братія, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и любовью Духа, подвизаться со мною въ молитвахъ за меня къ Богу, чтобы избавиться мнѣ отъ невѣрующихъ въ Іудеѣ, и чтобы служеніе мое для Іерусалима было благопріятно святымъ“ (Рим. 15, 30, 31). Что же касается молитвы каждаго за самого себя, то апостолы дали намъ наставленіе—молиться непрестанно (1 Сол. 5, 17), молиться во всякое время (Ефес. 6, 18), молиться день и ночь (1 Тим. 5, 5), молиться духомъ и умомъ (1 Кор. 14, 15). Основаніе для христіанской молитвы апостолы прямо указывали въ обѣтованіи Спасителя. „Вотъ какое дерзновеніе мы имѣемъ къ Нему, что, когда просимъ чего *по волѣ Его*, Онъ слушаетъ насъ; а когда мы знаемъ, что Онъ слушаетъ насъ во всемъ, чего бы мы ни просили,—знаемъ и то, что получаемъ просимое отъ Него (1 Іоан. 5, 14. 15)“. Кромѣ приведенныхъ мѣстъ наставленія св. Апостоловъ о христіанской молитвѣ можно читать еще и въ слѣдующихъ: Іак. 5, 13—18; 1 Петр. 3, 7; 12; 4, 7; Іуд. 1, 20; Рим. 8, 26; 10, 1; 12, 12; 1 Кор. 7, 5; 11, 4—13; 14, 13—15; 2 Кор. 1, 11; 9, 14; Ефес. 6, 18; Филип. 4, 6; Колос. 4, 2. 3; 1 Тим. 2, 8; 4, 5; Филим. 1, 22; Евр. 5, 7; Апок. 5, 8; 8, 3. 4.

Послѣ сказаннаго понятно, почему для истинно вѣрующаго христіанина, для котораго ученіе и примѣръ Господа нашего Іисуса Христа и Его Апостоловъ имѣетъ нравственно обяза-

тельную силу, молитва получаетъ не только глубокій смыслъ, но и становится внутреннею необходимостью всей его жизни. Безъ молитвы христіаниномъ нельзя быть. Бесѣда любящаго сына съ отцемъ послѣ продолжительной ихъ разлуки представляетъ только незначительную тѣнь того внутренняго блаженства, которое испытываетъ истинный христіанинъ отъ своей искренней и пламенной молитвы къ Богу, которую учители церкви справедливо называютъ и бесѣдою души человѣческой съ Богомъ. Уже созерцаніе и прославленіе въ молитвѣ безконечныхъ совершенствъ Божіихъ доставляетъ христіанину такое блаженство, о которомъ человѣкъ невѣрующій никогда не будетъ въ состояніи составить себѣ хотя нѣкоторое понятіе и потому неудивительно, если онъ, не понимая его, и отрицаетъ. Пріятно быть въ присутствіи какого-либо знаменитаго ученаго или высоконравственнаго человѣка и восторгаться его добродѣтелями и достоинствами; его свѣтлымъ умомъ, его обширными познаніями, его прекрасною рѣчью, его нравственными свойствами; но что сказать о томъ блаженствѣ, которое испытываетъ истинный христіанинъ отъ присутствія и бесѣды съ Существомъ всесовершеннымъ—вѣчнымъ, всемогущимъ, премудрымъ, всевѣдущимъ, всеблагимъ, вездѣсущимъ, вседовольнымъ, всеблаженнымъ?... Счастье, радость, жизненныя удачи также влекутъ истиннаго христіанина къ молитвѣ, чтобы возблагодарить всещедраго Отца Небеснаго за Его любовь и милости; и съ чувствомъ благодарности въ неразрывной связи находится смиреніе, удерживающее человѣка отъ нравственнаго паденія и во время счастія: онъ не возгордится имъ, не будетъ превозноситься предъ другими, потому что смиреніе подскажетъ ему всегда, что онъ всѣмъ обязанъ благости Отца Небеснаго, а не своимъ личнымъ достоинствамъ или заслугамъ. Постигнетъ человѣка тяжкое горе, когда люди уже не въ состояніи помочь ему,—невѣрующій впадаетъ въ молодушіе и, не имѣя возможности возложить на кого либо надежду, приходитъ къ отчаянію и часто оканчиваетъ дѣло самоубійствомъ. Иначе ведетъ себя истинный христіанинъ: для него нѣтъ горя, котораго бы онъ не могъ перенести, нѣтъ борьбы, передъ которою бы онъ отступилъ. Онъ знаетъ, что у него есть всемо-

гущій Отецъ Небесный, Который не можетъ послать ему испытаній такихъ, которыхъ бы онъ былъ не въ состояніи перенести; онъ обращается къ Нему съ теплою молитвою и проситъ, по примѣру Іисуса Христа, чтобы миновала его чаша предстоящихъ страданій, если это возможно; если же невозможно, онъ не возстаетъ противъ воли Божіей, будучи увѣренъ, что Богъ любви не можетъ не вести его къ благой цѣли. „Да будетъ воля Твоя!“ Вотъ почему молитва христіанъ оканчивается, какъ и Геѳсиманская молитва Спасителя, тѣмъ, что самихъ себя, другъ друга и всю жизнь свою они вручаютъ волѣ Божіей,—Христу Богу. Понятно послѣ этого, отчего, помолившись, христіанинъ выходитъ изъ храма ободреннымъ, примиреннымъ, съ новыми свѣжими силами, готовымъ вступить въ борьбу съ предстоящимъ ему горемъ... Невѣрующій въ бытіе личнаго Бога никогда не пойметъ того великаго духовнаго наслажденія, которое доставляетъ христіанину молитва, а потому не пойметъ и самого значенія молитвы. Мы не говоримъ уже о томъ, когда человѣкъ получаетъ отъ Бога просимое въ молитвѣ явно чудеснымъ образомъ; христіане знаютъ это и сами, а толстовцы *не захотятъ* насъ понять...

Въ молитвѣ надъ новорожденнымъ младенцемъ Толстой усматриваетъ только какія-то непонятныя *заклинательныя слова* и потому осмѣиваетъ ее. Совершенно иное впечатлѣніе получаетъ въ дѣйствительности мать, слушая молитву, читаемую въ храмѣ при воцерковленіи младенца (полагаемъ, что ее разумѣетъ Толстой говоря о *младенцѣ*). Новорожденный сынъ сталъ отнынѣ предметомъ всей ея горячей, материнской любви, предметомъ всѣхъ ея заботъ, ея надеждъ и чаяній въ будущемъ... Но какая судьба постигнетъ ея дитя? Выростетъ ли оно ей на радость, или на горе? Будетъ ли оно благословлять или проклинать день своего рожденія?... Но вотъ отдаетъ она въ храмѣ въ руки священника дарованное ей дитя, ея счастье, ея сокровище. Посмотрите, съ какимъ глубокимъ чувствомъ умиленія и преданности волѣ Божіей она прислушивается къ молитвѣ. Прочтите, что написано въ ея глазахъ, когда она повторяетъ за священникомъ слова молитвы: „Господи Боже Вседержителю... Тебѣ молимся, и Тебе просимъ, Твоею волею

спаслъ еси рабу Твою, очисти отъ всякаго грѣха, и отъ всякія скверны, приходящую ко святѣй Твоей церкви, да неосужденно сподобится причаститися святыхъ Твоихъ Тайнъ, и отъ нея рожденное отроча благослови, возрасти, освяти, вразуми, уцѣломудри, удобромудрстви: яко Ты привелъ еси е, и показалъ еси ему свѣтъ чувственный, да и умнаго сподобится свѣта, во время еже опредѣлилъ еси: и сопричтется святому Твоему стаду... Принесеннаго сего младенца, явитися Тебѣ всѣхъ Творцу, благослови, и на всякое дѣло благое и Тебѣ благоугодное возрасти... да сподобився святаго крещенія, получитъ часть избранныхъ царствія Твоего...“ Эти для Толстого „непонятныя заклинательныя“ слова слишкомъ близки сердцу матери новорожденнаго младенца и потому не только совершенно понятны ей, но и вливаютъ радость и успокоеніе въ ея душу... Съ свѣтлымъ и радостнымъ лицомъ она оставляетъ храмъ Божій...

Такое же великое утѣшеніе, не достигаемое никакими другими средствами, получаютъ отъ христіанской молитвы всѣ труждающіеся и обремененные, всѣ страждущіе тяжкими недугами, потерпѣвшіе въ жизни неудачи, обиженные и оскорбленные, лишающіеся близкихъ сердцу людей, скорбящіе, угнетенные, умирающіе... А потому заслуга Церкви для человѣчества неоцѣнима, еслибы она удовлетворяла даже только одной этой потребности человѣческаго духа,—молитвѣ.

Не вѣруя въ бытіе личнаго Бога и признавая Іисуса Христа только обыкновеннымъ человѣкомъ, Толстой не вѣруетъ и въ благодать Св. Духа, даруемую въ христіанскихъ таинствахъ, а потому онъ не приписываетъ никакого важнаго значенія и этимъ церковнымъ священнодѣйствіямъ. Такъ, сущность крещенія, по его мнѣнію, состоитъ только въ томъ, что священникъ три раза обмакнетъ ребенка въ воду, при чемъ прочитаетъ *никому непонятныя слова* и совершаетъ *еще менѣе понятныя дѣйствія*—маханія масломъ разныхъ частей тѣла, стрижки волосъ и дутья и плеванья воспріемниковъ на воображаемаго дьявола. Охотно допускаемъ, что для Толстого, какъ человѣка невѣрующаго, въ таинствѣ крещенія совершенно непонятны ни слова произносимыхъ молитвъ, ни совершаемыя дѣйствія. Неблагоразумно онъ поступаетъ только въ томъ от-

ношеніи, что берется судить о томъ, чего онъ самъ, по его собственному сознанію, не понимаетъ, и отвергаетъ это *непонимаемое* имъ только потому, что оно непонятно для него. Иное значеніе имѣетъ таинство крещенія для христіанина, вѣрующаго въ Бога и признающаго для себя обязательнымъ какъ ученіе, такъ и примѣръ Господа нашего Іисуса Христа. Для христіанина крещеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій, при троекратномъ погруженіи тѣла въ воду, съ призываніемъ Бога Отца, и Сына, и Святаго Духа, умираетъ для жизни плотской, грѣховной, и возраждается отъ Духа Святаго въ жизнь духовную, святую. Христіанинъ знаетъ, что это таинство установлено не людьми, даже не Церковію, а самимъ Іисусомъ Христомъ, что безъ него нельзя спастись и нельзя войти въ царствіе Божіе, какъ ясно училъ объ этомъ самъ Спаситель. „Если кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе“ (Іоан. 3, 5). „Кто будетъ вѣровать и креститься, спасенъ будетъ“ (Марк. 16, 16). „Идите, научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“ (Матѳ. 28, 19). „Покайтесь, и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ; и получите даръ Святаго Духа“ (Дѣян. 2, 38). Желающіе могутъ находить наставленіе о таинствѣ крещенія и въ слѣдующихъ мѣстахъ новозавѣтныхъ писаній: Дѣян. 1, 5; 10. 47. 48; 2, 41; 8, 13. 16. 36. 38. 39; 9, 18; 11, 16; 16, 15. 33; 18, 8; 19, 3—5; Матѳ. 3, 11; Марк. 1, 8; Лук. 3, 17; Іоан. 1, 26; 1 Петр. 3, 21; Ефес. 4, 5; Рим. 6, 3. 4; 1 Кор. 12, 13; Галат. 3. 27; Колос. 2, 12.—Наконецъ, христіанину извѣстно, что Самъ Іисусъ Христосъ Своимъ примѣромъ освятилъ крещеніе, принявъ крещеніе отъ Іоанна. Для того, чтобы отвергнуть значеніе таинства крещенія или исказить сопровождающія его дѣйствія церкви, нужно отвергнуть все то, что сказано объ этомъ таинствѣ въ книгахъ Св. Писанія новаго завѣта; а это можетъ сдѣлать только учитель, подобный Толстому. Значеніе таинства покаянія Толстой полагаетъ лишь въ томъ, чтобы „пойти въ церковь и сказать священнику свои грѣхи, предполагая, что это сообщеніе своихъ грѣховъ чужому человѣку совершенно очищаетъ отъ грѣховъ“. Какое легкомысленное сужденіе! Ка-

кимъ легкимъ дѣломъ здѣсь представляется покаяніе! Но оно представляется такимъ только Толстому. Въ дѣйствительности оно вовсе не таково и не такъ легко совершается христіаниномъ. Въ дѣйствительности покаяніе есть одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ подвиговъ христіанскихъ! Оно есть дѣло самосужденія и самобичеванія! Въ немъ христіанинъ достигаетъ побѣды не только надъ міромъ, но и надъ самимъ собою. Оно, какъ второе крещеніе, есть нравственное возрожденіе и, потому, какъ и крещеніе, предполагаетъ не только собственное усиліе со стороны человѣка, но и непремѣнное дѣйствіе благодати Божіей. Послѣдняго, конечно, ни Толстой, ни толстовцы не захотятъ понять, потому что, не вѣруя въ Бога, они не могутъ вѣровать и въ получаемую отъ Бога благодать. Но они должны понять, по крайней мѣрѣ, естественное, психологическое значеніе таинства покаянія, которое, даже съ этой стороны, много содѣйствуетъ нравственному возрожденію человѣка. Гордость, источникъ всякаго зла и всѣхъ несчастій для человѣка, заставляетъ насъ обыкновенно скрывать свои недостатки, пороки, преступленія и грѣхи не только отъ другихъ людей, но даже и отъ себя; она побуждаетъ насъ не только предъ другими, но и предъ собою казаться лучшими, чѣмъ каковы мы на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ обижается, когда другіе назовутъ его воромъ, хотя бы онъ на самомъ дѣлѣ былъ воръ; человѣкъ обижается, когда другіе называютъ его развратнымъ, безчестнымъ, обидчикомъ, лгуномъ и т. п., хотя бы онъ и дѣйствительно былъ таковымъ. Чего же требуетъ отъ него священникъ въ таинствѣ покаянія?—Вотъ первыя слова его къ кающемуся христіанину: „Се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ, пріемля исповѣданіе твое, не усрамися, ниже убойся, и да не скрыеши что отъ мене: но не обинуяся рцы вся, елика содѣлалъ еси, да пріимеши оставленіе отъ Господа нашего Іисуса Христа. Се и икона Его предъ нами: азъ же точно свидѣтель есмь, да свидѣтельствую предъ Нимъ вся, елика речеши мнѣ. Аще ли что скрыеши отъ мене, сугубъ грѣхъ имаши. Внемли убо: понеже бо пришелъ еси во врачебницу, да не исцѣленъ отъидеши“. И истинно кающійся грѣшникъ начинаетъ раскрывать *предъ чужимъ человѣкомъ* всю свою душу, всѣ свои грѣхи,

начинаетъ уже самъ называть себя тѣми словами, за которыя прежде оскорблялся на другихъ, начинаетъ самъ осуждать себя за свою дурную, не христіанскую жизнь, самъ бичуетъ себя, самъ „оплевываетъ“ себя, самъ распинаетъ свои страсти и похоти, самъ побѣждаетъ себя; ибо все прежнее, грѣховное и гадкое только теперь стало для него таковымъ: гадкимъ и отвратительнымъ. Только теперь онъ открывается предъ духовникомъ, кто онъ такой и на какія дурныя дѣйствія онъ способенъ. Вотъ что приблизительно онъ говоритъ: „До сихъ поръ, ты и другіе, меня считали добрымъ христіаниномъ: благочестивымъ, вѣрующимъ, добродѣтельнымъ, милосерднымъ, честнымъ, образцовымъ семьянином. Но на самомъ дѣлѣ я вовсе не такой: я величайшій грѣшникъ, который не достоинъ даже называться и именемъ христіанина; я былъ почти невѣрующимъ и кощунствовалъ, я гордъ, тщеславенъ, высокомѣренъ, властолюбивъ; я не только никому не помогалъ, но я обкрадывалъ нищихъ, служа въ благотворительныхъ учрежденіяхъ, я разбогатѣлъ чрезъ то, что отравилъ ядомъ своего благодѣтеля, я обидѣлъ многихъ сиротъ и бѣдняковъ и заставилъ ихъ цѣлый вѣкъ плакаться на меня, я развратникъ, для меня нѣтъ ничего святаго“... Какой внутренней борьбы, тяжелой и продолжительной, стоило человѣку такое чистосердечное раскаяніе! Но этого мало, осудивъ свою грѣховную жизнь, кающійся долженъ высказать предъ священникомъ твердое и рѣшительное намѣреніе оставить эту жизнь и начать новую, согласную съ волею Христа. Наконецъ, онъ долженъ высказать еще и свою живую, пламенную вѣру въ безграничное милосердіе Божіе... Въ душѣ истинно кающагося человѣка, уже нѣтъ мѣста ни для гордости, ни для самонадѣянности; у него есть только одно *смиреніе*, открывшее къ его сердцу путь царствію Божію чрезъ принесенное раскаяніе; ему даровано драгоцѣннѣйшее сокровище—вѣра въ любвеобильнаго Бога Отца, раскрывающаго объятія блудному сыну,—вѣра, не допустившая его до отчаянія и погибели и вселившая въ него надежду на безконечное милосердіе Божіе. Хотя онъ и величайшій грѣшникъ, но Христосъ умеръ и за его грѣхи; любовь Божія обильнѣе грѣховъ не только его, но и всего рода человѣческаго. Онъ вѣруетъ, что проститъ его Спаситель—другъ

мытарей и грѣшниковъ, любвеобильно прощавшій блудниковъ и блудницъ, молившійся за Своихъ распинателей и отверзшій разбойнику двери Царствія Небеснаго. И какъ благотворно для кающагося грѣшника въ этотъ моментъ услышать подтвержденіе своей вѣры въ милосердіе Божіе отъ непосредственнаго свидѣтеля своего раскаянія—его духовника, которому также, въ числѣ всѣхъ пастырей стада Христова, дана власть отпущать грѣхи кающимся: „что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ“ (Матѳ. 16, 19; 18, 18; Іоан. 20, 23). Примиренный съ Богомъ и своею совѣстію, очищенный и возрожденный, христіанинъ оставляетъ своего духовника. И пусть не говорятъ, что духовникъ здѣсь излишенъ, какъ чужой человѣкъ, что можно каяться предъ Богомъ и въ глубинѣ своей души. Это говоритъ языкъ лжи и гордости, а не проповѣдникъ Христовой истины. Богъ какъ всевѣдующій, и безъ насъ знаетъ, какіе мы грѣшники; но здѣсь нѣтъ съ нашей стороны того подвига, какой требуется Православною Церковію отъ кающагося, нѣтъ благодатнаго разрѣшенія грѣховъ, а потому нѣтъ и плодовъ истиннаго покаянія. Ясно, что для человѣчества незамѣнимо значеніе Православной Церкви также и въ ея содѣйствіи нравственному возрожденію людей чрезъ таинство покаянія.

Сущность таинства причащенія Толстой кощунственно полагаетъ въ томъ, чтобы „съѣсть съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ“. Конечно, для человѣка невѣрующаго въ бытіе личнаго Бога, не признающаго Христа истиннымъ Сыномъ Божіимъ и Искупителемъ падшаго человѣчества, это величайшее христіанское таинство другого значенія и имѣть не можетъ. Но не такъ относится къ нему истинный христіанинъ. Для него причащеніе есть таинство, въ которомъ вѣрующій, подъ видомъ хлѣба и вина, вкушаетъ самаго Тѣла и Крови Христовой для вѣчной жизни. Сила этого таинства для него ясно выражена въ собственныхъ словахъ Христа: „Я есмь хлѣбъ жизни... Ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во-вѣкъ; хлѣбъ же, который Я дамъ, есть Плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра... Истинно, истинно говорю вамъ: если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть

въ себѣ жизни. Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища и Кровь Моя истинно есть питіе. Ядущій Мою Плоть и піющій Мою Кровь пребываетъ во Мнѣ, и Я въ немъ" (Іоан. 6. 48. 51. 53—56). Христіанинъ знаетъ, что таинство причащенія установлено не людьми и не Церковію, а самимъ Іисусомъ Христомъ, на тайной вечери, когда Онъ „въ ту ночь, въ которую преданъ былъ, взялъ хлѣбъ и, возблагадаривъ, преломилъ и сказалъ: пріимитѣ, ядите, сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое; сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ вечери, и сказалъ: сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей Крови; сіе творите, когда только будете пить, въ Мое воспоминаніе" (1 Кор. 11, 23—25; Мато. 26, 26—28; Марк. 14, 22—24; Лук. 22, 19—20). Христіанину извѣстно, что, по ученію ап. Павла, всѣ мы составляемъ единое тѣло Христово, единую церковь, потому что всѣ причащаемые отъ одного хлѣба (1 Кор. 10, 17). Кто „ѣсть только съ ложечки кусочекъ хлѣба съ виномъ", не разсуждая Тѣла Христова, тотъ не только не получаетъ дѣйствительно никакой пользы для себя, но,—напротивъ, еще впадаетъ въ тяжкій грѣхъ и осужденіе. Истинный христіанинъ сначала долженъ покончить съ своею прежнею грѣховною жизнію чрезъ таинство покаянія, чтобы затѣмъ въ таинствѣ причащія возсоединиться со Христомъ и начать новую и святую жизнь. „Кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней. Да испытываетъ же себя человѣкъ, и такимъ образомъ пусть ѣстъ отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей. Ибо кто ѣстъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣстъ и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ. Оттого многіе изъ васъ немощны и больны, и не мало умираетъ" (1 Кор. 11, 27—30). Послѣ сказаннаго ясно, на сколько Толстой въ своемъ сужденіи извратилъ христіанское ученіе (а слѣдовательно, и ученіе Православной церкви) о таинствѣ причащенія.

О значеніи поста, св. мощей, чудотворныхъ иконъ, молитвъ за умершихъ и нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ (напр. крестнаго знаменія, поклоновъ) мы говорить не будемъ; каждый

можетъ найти основательныя разсужденія объ этомъ въ любой брошюрѣ, раскрывающей ложь штундизма, въ любомъ учебникѣ по обличительному богословію; но мы въ особенности рекомендуемъ Догматическое Богословіе Еп. Сильвестра.

Итакъ, еслибы даже дѣятельность Православной Церкви ограничивалась, какъ того хочетъ Толстой, только молитвословіями и совершеніемъ таинствъ, то и тогда ея значеніе было бы весьма велико и благотворно для христіанскаго міра. Но дѣло въ томъ, что одною этою стороною дѣятельность Православной церкви вовсе не можетъ быть ограничиваемой. И по свидѣтельству безпристрастной исторіи, и по свидѣтельству ежедневнаго опыта, Православная Церковь оказываетъ свое благотворное вліяніе на всѣ стороны народной жизни. По свидѣтельству нашей отечественной исторіи, Православная Церковь принесла къ намъ начало духовнаго просвѣщенія и письменность; содѣйствовала открытію школъ, благотворно вліяла на государственное законодательство, учрежденіе благотворительныхъ заведеній — богадѣленъ, больницъ, пріютовъ, энергично боролась противъ грубости нравовъ, разбоевъ, воровства, жестокаго обращенія, многоженства, установила новыя начала для семейной жизни; монастыри воспитывали доблестныхъ архипастырей, проповѣдниковъ, писателей, переводчиковъ, лѣтописцевъ; архипастыри примиряли враждовавшихъ удѣльныхъ князей, содѣйствовали объединенію русскаго государства, были мудрыми совѣтниками великаго князя, печаловались за неправильно осужденныхъ, въ тяжелое и смутное время грамотами и проповѣдями возбуждали патріотическое чувство соотечественниковъ. И въ настоящее время дѣятельность русскаго духовенства все болѣе и болѣе расширяется: кромѣ священнослуженія оно усердно трудится на поприщѣ церковнаго проповѣдничества, духовной литературы, учительства въ церковно-приходскихъ и иныхъ школахъ, общественной благотворительности, распространенія христіанства среди язычниковъ, миссіонерства среди сектантовъ и раскольниковъ. Многочисленныя братства и общества, основанныя православнымъ духовенствомъ, оказываютъ значительную помощь нуждающимся, спасаютъ населеніе отъ нищеты и порока пьянства; къ той же цѣли стре-

мятся и церковно-приходскія попечительства. Церковно-приходскія школы, содѣйствуя истинному просвѣщенію русскаго простого народа, быстро распространяются и все болѣе и болѣе начинаютъ пріобрѣтать довѣріе къ себѣ. На помощь голодающимъ духовенство шло не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ и самъ Толстой. Участіе духовенства въ борьбѣ съ холерой только еще болѣе сблизило его съ народомъ и усилило его вліяніе. Къ совѣтамъ священниковъ сельскіе прихожане нерѣдко прибѣгаютъ даже и въ житейскихъ своихъ дѣлахъ. Мы отмѣчаемъ эту дѣятельность православнаго духовенства не для восхваленія его, а единственно для того, чтобы показать читателю, на сколько Толстой былъ неправъ, умолчавъ о ней въ своемъ сужденіи о Православной Церкви.

Въ заключеніе, мы не можемъ не обратить вниманія читателей еще на одно странное обстоятельство. Какимъ образомъ Толстой не могъ замѣтить того, что онъ запутался въ противорѣчія, изъ которыхъ ему мудрено выбраться? Дѣятельность Православной Церкви, по его словамъ, пуста и ничтожна: она поддерживается только искусственными средствами и необъяснимымъ обманомъ людей, которые, „сцѣпившись кругомъ, обманываютъ другъ друга и не могутъ выйти изъ этого заколдованнаго круга“ [1]). Но, спрашивается: какимъ же образомъ эта пустая и ничтожная дѣятельность Православной Церкви можетъ быть главнымъ, если не единственнымъ, препятствіемъ распространенію ученія Толстого, этого „истиннаго пониманія христіанства“, какъ называетъ его самъ Толстой? Если эта дѣятельность такъ ничтожна и пуста,—зачѣмъ же онъ такъ много тратитъ времени и такъ напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы подорвать къ ней довѣріе и унизить ее? Зачѣмъ онъ нерѣдко прямо клевещетъ на нее?—Ясно, что дѣло находится не въ такомъ положеніи, какъ онъ представилъ его. Но Толстой, не замѣчая своихъ противорѣчій, продолжаетъ идти далѣе и наконецъ приходитъ даже къ той мысли, что дѣятельность Православной Церкви весьма обширна и могущественна. По словамъ его [2]), Православная Церковь даже „покорила“

[1]) Ч. I, стр. 111.
[2]) Ч. I, стр. 113.

себѣ правительство. „И потому участіе власти въ развращеніи народа въ Россіи самое сильное“. Правительство помогаетъ церкви совершить ея одуряющее и развращающее дѣйствіе въ Россіи“ [1]) „У насъ въ Россіи (кромѣ всѣхъ другихъ) употребляется простое, грубое насиліе покорной церкви власти. Людей, отступающихъ отъ внѣшняго выраженія вѣры и высказывающихъ это, или прямо наказываютъ, или лишаютъ правъ; людей же, строго держащихся внѣшнихъ формъ вѣры, награждаютъ, даютъ права“ [2]). Итакъ, Толстой, этотъ врагъ и противникъ всякихъ наградъ и правъ, теперь толкуетъ о правахъ и наградахъ! Чѣмъ объяснить такое странное поведеніе?—Объясняется оно легко. Толстой прибѣгаетъ здѣсь къ помощи іезуитскаго пріема—„раздѣляй и властвуй!“ Онъ думаетъ, что среди правительственныхъ лицъ еще и въ настоящее время есть такіе люди, которые станутъ играть въ пустой либерализмъ. И вотъ онъ хочетъ, такъ сказать, „задѣть ихъ самолюбіе“. Авось де повѣрятъ и, своими враждебными дѣйствіями по отношенію къ Православной Церкви, станутъ доказывать, что Толстой ошибся... Къ подобнымъ пріемамъ, хотя и нѣсколько въ другомъ родѣ, Толстой прибѣгалъ уже и раньше. Десять лѣтъ тому назадъ онъ писалъ [3]) слѣдующее: „Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, *но только не на церкви*... Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна“...

Толстому однако же тогда не повѣрили; не повѣрятъ ему, конечно, и теперь. Но занятое имъ нынѣ положеніе во всякомъ случаѣ таково: врагъ правительства лицемѣрно объявляетъ себя его другомъ и указываетъ ему какъ на общаго врага—на церковь, для того, чтобы чрезъ ослабленіе ея дѣятельности парализовать и дѣятельность правительства...

Безграничная враждебность Толстого къ Православной Церкви, безъ сомнѣнія,—явленіе грустное и весьма прискорбное

[1]) Ч. I, стр. 112.

[2]) Стр. 118.

[3]) „Въ чемъ моя вѣра?“ женевское изданіе. Стр. 197.

для каждаго, истинно вѣрующаго христіанина. Но такіе враги Христовой Церкви всегда были и всегда будутъ. Объ этомъ ясно предсказывалъ Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ и Его св. Апостолы. „Многіе лжепророки возстанутъ, говорилъ Спаситель, и прельстятъ многихъ“ (Мато. 24, 11). „Берегитесь, чтобы кто не прельстилъ васъ, ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ, и будутъ говорить: это Я; и многихъ прельстятъ“ (Марк. 13, 5—6). „Знаю, что, по отшествіи моемъ,—говорилъ ап. Павелъ ефесскимъ пресвитерамъ (Дѣян. 20, 29, 30), войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь учениковъ за собою“. „Умоляю васъ, братія, писалъ онъ римскимъ христіанамъ (Рим. 16, 17, 18),—остерегайтесь производящихъ раздѣленія и соблазны, вопреки ученію, которому вы научились, и уклоняйтесь отъ нихъ; ибо такіе люди служатъ не Господу нашему Іисусу Христу, а своему чреву, и ласкательствомъ и краснорѣчіемъ обольщаютъ сердца простодушныхъ“.—„Боюсь, писалъ онъ коринѳянамъ,—чтобы, какъ змѣй хитростью своею прельстилъ Еву, такъ и ваши умы не повредились, уклонившись отъ простоты во Христѣ. Ибо если-бы кто пришедъ началъ проповѣдывать другаго Іисуса, котораго мы проповѣдывали, то вы были бы очень снисходительны къ тому. Ибо таковые лжеапостолы, лукавые дѣлатели, принимаютъ видъ Апостоловъ Христовыхъ. И не удивительно: потому что самъ сатана принимаетъ видъ Ангела свѣта, а потому не великое дѣло, если и служители его принимаютъ видъ служителей правды; но конецъ ихъ будетъ по дѣламъ ихъ“ (2 Кор. 11, 3. 4. 13—15). Галатамъ ап. Павелъ говоритъ: „Ревнуютъ по васъ нечисто, а хотятъ васъ отлучить, чтобы вы ревновали по нихъ. О, еслибы удалены были возмущающіе васъ!“ (Гал. 4, 17; 5, 12). Ефесянамъ: „Никто да не обольщаетъ васъ пустыми словами, ибо за это приходитъ гнѣвъ Божій на сыновъ противленія; итакъ, не будьте сообщниками ихъ“ (Ефес. 5, 6, 7). Филиппійцамъ: „Берегитесь псовъ, берегитесь злыхъ дѣлателей. Ибо многіе, о которыхъ я часто говорилъ вамъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ какъ враги креста Христова; ихъ конецъ—погибель, ихъ богъ—чрево, и слава ихъ

въ срамѣ: они мыслятъ о земномъ“ (Филип. 3, 2. 18. 19). Колоссянамъ: „Это говорю я для того, чтобы кто-нибудь не прельстилъ васъ вкрадчивыми словами. Смотрите, братія, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христу“. (Колос. 2, 4. 8). „Духъ ясно говоритъ,—пишетъ ап. Павелъ Тимоѳею,—что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ, чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ, сожженныхъ въ совѣсти своей, запрещающихъ вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ. Ибо всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ, потому что освящается Словомъ Божіимъ и молитвою“ (1 Тим. 4, 1—5; Срав. 1, 5—7; 18—20; 6, 3—5; 2 Тим. 2, 16—18. 23; 3, 6—9. 13; 4, 3—4. 14—15; Тит. 1, 10, 11; 3, 10). „Дѣти!“—говоритъ Іоаннъ Богословъ: „какъ вы слышали, что придетъ антихристъ, и теперь появилось много антихристовъ... Они вышли отъ насъ, но не были наши; ибо еслибы они были наши, то остались бы съ нами; но они вышли, и чрезъ то открылось, что не всѣ наши. Кто лжецъ, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это—антихристъ, отвергающій Отца и Сына. Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ (1 Іоан. 2, 18—19. 22; 4, 1; срв. 2 Іоанъ. 1, 7—11). „Какъ Содомъ и Гоморра и окрестные города подобно имъ блудодѣйствовавшіе и ходившіе за иною плотію, подвергшись казни огня вѣчнаго, поставлены въ примѣръ,—говоритъ св. Апостолъ Іуда,—такъ точно будетъ и съ сими мечтателями, которые оскверняютъ плоть, отвергаютъ начальства и злословятъ высокія власти“ (Іуд. 1, 7—8).

IV.

Сужденіе Толстого объ отношеніи науки къ христіанству.

Сужденія Толстого о наукѣ, ученыхъ и ихъ отношеніи къ христіанству вообще смутны, неопредѣленны и невѣрны. Трудно даже сказать, кого собственно разумѣетъ Толстой подъ „людьми науки“, „научными людьми“,—ученыхъ ли спеціалистовъ по разнымъ наукамъ, людей ли научно и всесторонне образованныхъ, или философовъ. Иногда, говоря о „людяхъ науки“ и ихъ мнѣніяхъ, онъ прямо называетъ позитивистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ [1]); иногда сонмъ ученыхъ людей всего міра и всѣхъ пережитыхъ міромъ вѣковъ онъ ограничиваетъ лишь именами Канта, Страуса, Спенсера и Ренана [2]). Но что этими именами не исчерпывается понятіе о людяхъ науки,—это ясно для каждаго; что усвоить себѣ поверхностное и не глубокомысленное ученіе позитивистовъ, соціалистовъ или коммунистовъ еще не значитъ быть человѣкомъ науки,—этого, кажется, не надо и доказывать... Нѣтъ даже надобности утруждать себя чтеніемъ шеститомнаго сочиненія Огюста Конта—„*Курсъ позитивной философіи*“, сочиненій Гольбаха, Сенъ-Симона, Лассаля и т. п., чтобы быть позитивистомъ, соціалистомъ, или коммунистомъ, потомъ утверждать, что „человѣкъ есть то, что онъ есть“ или что „собственность есть кража“ и чтобы наконецъ не имѣть совершенно никакого отношенія къ наукѣ вообще и даже отрицать ея значеніе. Для достиженія всего этого въ настоящее время достаточно только научиться читать по-русски и, не имѣя никакихъ твердыхъ и осмысленныхъ убѣжденій, прочитать послѣднее сочиненіе Толстого—„Царство Божіе внутри васъ“. Подтвержденіе сказаннаго легко видѣть среди крестьянъ, которые, будучи вовсе неграмотными, и только слушая чтеніе разныхъ Толстовскихъ книжекъ подпольнаго изданія, отлично усвояютъ его коммунистическія, соціалистическія, атеистическія и анархическія разсужденія.

Далѣе нельзя не обратить вниманія на то, что въ разбираемомъ сочиненіи Толстой представляетъ себѣ ученыхъ въ

[1]) Ч. I, стр. 152 и др.

[2]) Тамъ-же стр. 130.

видѣ какой-то опредѣленной, замкнутой касты, или группы людей съ совершенно одинаковыми взглядами, убѣжденіями, вѣрованіями, понятіями и ошибками. Такъ, напр., въ самомъ началѣ своего разсужденія объ отношеніи людей науки къ христіанству [1]) онъ, не дѣлая никакого исключенія, категорически утверждаетъ слѣдующее: „*Люди науки* считаютъ христіанствомъ только то, что исповѣдывали и исповѣдуютъ различныя церкви, и, предполагая, что исповѣданія эти исчерпываютъ все значеніе христіанства, признаютъ его отжившимъ свое время религіознымъ ученіемъ“. Не споримъ, *есть* люди и-даже люди ученые, которые смотрятъ на христіанство именно такъ, какъ говоритъ Толстой. Но въ дѣйствительности нѣтъ такого единенія или согласія между людьми учеными во взглядѣ на христіанство, какъ предполагается Толстымъ. Напротивъ люди науки высказываютъ такъ много самыхъ разнообразныхъ взглядовъ на христіанство, что не малый бы трудъ принялъ на себя тотъ, кто захотѣлъ бы сгруппировать вмѣстѣ всѣ эти взгляды. Если гдѣ, то именно здѣсь справедливо сказать: „сколько головъ—столько и умовъ“. Каждый ученый, если только онъ не принадлежитъ, по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ къ членамъ какой либо христіанской церкви, непремѣнно имѣетъ свой собственный, *оригинальный* взглядъ на христіанство, оригинальность котораго и состоитъ только въ томъ, что онъ отличается отъ ученія о христіанствѣ, предлагаемаго тѣмъ или другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіемъ. Штрауса Толстой признаетъ „человѣкомъ науки“; но Штраусъ, какъ извѣстно, понималъ христіанство вовсе не въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ ему протестанты; Ренанъ имѣлъ совершенно иной взглядъ на христіанство, чѣмъ какой навязываетъ ему католичество и т. д.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить и здѣсь, что Толстой съ чрезмѣрнымъ, безграничнымъ высокомѣріемъ говоритъ даже и о „людяхъ науки“: эти „люди науки“, какъ онъ самъ называетъ ихъ, представляются у него до невозможными наивными, простыми, ничего не понимающими, высказывающими только одни ложныя мнѣнія и предположенія, не знающими самыхъ про-

[1]) Ч. I, стр. 122.

стыхъ и элементарныхъ вещей. Во всемъ мірѣ (не въ одной только Россіи) нѣтъ ни одного ученаго, которому бы Толстой не находилъ нужнымъ разъяснить и сообщать самыя пустыя, ходячія и общеизвѣстныя тенденціи. Хотя американцы—меноніты, гернгутеры, квакеры, Гаррисонъ, Даймондъ, Балу,—кажется, документально убѣдили Толстого въ томъ, что онъ ложно считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, открывшимъ невѣдомыя міру истины; но урокъ этотъ имъ, повидимому, былъ скоро забытъ; въ сужденіи объ отношеніи ученыхъ людей къ христіанству онъ опять только одного себя во всемъ мірѣ представляетъ человѣкомъ непогрѣшимымъ, незаблуждающимся и единственнымъ хранителемъ истины, невѣдомой никому изъ людей науки. Въ виду этого онъ беретъ на себя не легкій трудъ—раскрыть предъ учеными всю ложь ихъ воззрѣній и научить ихъ истинѣ. Эту трудную задачу онъ разрѣшаетъ однако-же весьма легко на 30-ти страницахъ маленькаго формата и весьма крупнаго шрифта. Но разрѣшить эту задачу для него было безусловно необходимо, такъ какъ „*ложныя*“ воззрѣнія, усвоенныя „людьми науки“, послѣ христіанской Церкви, являются, по его совершенно вѣрному заключенію, главнѣйшимъ препятствіемъ къ распространенію его собственнаго лжеученія или, какъ онъ самъ говоритъ [1]), „мѣшающими *истинному* пониманію христіанства“.

Первое и основное „ложное мнѣніе научныхъ людей“, по словамъ Толстого [2]), состоитъ въ томъ „что ученіе о сверхъестественномъ составляетъ сущность христіанскаго ученія“. Въ противоположность этому „ложному мнѣнію научныхъ людей“, толстой старается доказать ту мысль, что христіанство, какъ религія, не заключаетъ въ себѣ никакого ученія о сверхъестественномъ, т. е., что оно ничего не знаетъ ни о Богѣ, ни объ отношеніи Его къ человѣку, ни о безсмертіи души человѣческой, ни о вѣчной загробной жизни. Какъ религія, христіанство, по его мнѣнію, даже не должно и не можетъ заключать въ себѣ никакихъ твердыхъ, вѣчныхъ и неизмѣнныхъ истинъ; его смыслъ и значеніе постоянно должны будтобы измѣняться

[1]) Ч. I, стр. 122.
[2]) Ч. I, стр. 155.

съ каждымъ новымъ поколѣніемъ въ человѣческомъ родѣ. Христіанство, какъ религія, по ученію Толстого, есть только извѣстная форма пониманія жизни. „И какъ отдѣльный человѣкъ, вступая въ новый возрастъ, неизбѣжно измѣняетъ свое пониманіе жизни,—говоритъ онъ [1]),—и взрослый человѣкъ видитъ смыслъ ея въ иномъ, чѣмъ ребенокъ, такъ точно и совокупность людей, народы, неизбѣжно соотвѣтственно возрасту своему измѣняютъ свое пониманіе жизни и вытекающую изъ этого пониманія дѣятельность". Послѣ этого Толстому уже нетрудно было разъяснить „людямъ науки", что такое, собственно, религія. „Установленіе этого свойственнаго человѣчеству въ тѣхъ новыхъ условіяхъ, въ которыя оно вступаетъ, жизнепониманія и вытекающей изъ него дѣятельности и есть,—говоритъ онъ [2]), то, что называется *религія*". А въ чемъ состоитъ сущность религіи? „Сущность всякаго религіознаго ученія,—по словамъ Толстого [3]),—не въ желаніи символическаго выраженія силъ природы, не въ страхѣ передъ силами природы, не въ потребности къ чудесному и не во внѣшнихъ формахъ ея проявленія, *какъ это думаютъ люди науки*. Сущность религіи—въ свойствѣ людей пророчески предвидѣть и указывать тотъ путь жизни, по которому должно идти человѣчество: въ иномъ, чѣмъ прежнее опредѣленіи смысла жизни, изъ котораго вытекаетъ и иная, чѣмъ прежняя, вся будущая дѣятельность человѣчества. Это свойство провидѣнія того пути, по которому должно идти человѣчество, въ большей или меньшей степени обще всѣмъ людямъ; но всегда, во всѣ времена были люди, въ которыхъ это свойство проявлялось съ особенной силой, и люди эти ясно и точно выражали то, что смутно чувствовали всѣ люди, и устанавливали новое пониманіе жизни, изъ котораго вытекала и иная, чѣмъ прежняя, дѣятельность на многія сотни и тысячи лѣтъ". Изъ этого разсужденія ясно, что „люди науки", по Толстому, должны понять, что Христосъ такъ-же не выдѣляется изъ ряда указателей новаго пониманія жизни, какъ и самъ Л. Н. Толстой.

---

1) Ч. I, стр. 123.
2) Ч. I, стр. 124.
3) Стр. 125.

Мы не будемъ касаться здѣсь внутренняго противорѣчія во взглядѣ Толстого на христіанство и второстепенныхъ странностей его разсужденій. Мы выдѣлимъ только ту основную мысль, какую высказалъ Толстой „людямъ науки“ и на нее главнымъ образомъ обратимъ свое вниманіе.

Христіанство, по Толстому, есть только извѣстная форма пониманія жизни; въ этомъ отношеніи оно, очевидно, не по существу, а только по степени и временнымъ условіямъ своего появленія въ мірѣ, отличается отъ всѣхъ другихъ религій—языческихъ, магометанской и іудейской. Но этого мало,—оно оказывается даже и не религіею. По понятію, усвоенному всѣми людьми, жившими до нашего времени, самымъ существеннымъ признакомъ религіи является ея указаніе на то или другое отношеніе Бога къ человѣку; но христіанство будтобы не содержитъ никакого ученія о сверхъестественномъ или сверхъчувственномъ. Оно есть только пониманіе жизни, т. е., есть знаніе естественное, вытекающее изъ естественнаго источника,—простая философія; потому что и философія, какъ свидѣтельствуетъ ея исторія, всегда имѣла своимъ предметомъ уясненіе смысла жизни. Такимъ образомъ Толстой, очевидно, стремится къ тому, чтобы религію замѣнить философіею.

Неужели до сего времени „люди науки“ не слыхали ничего подобнаго? Неужели мысль о томъ, что христіанская религія только степенью отличается (будтобы) отъ другихъ религій, раньше Толстого никѣмъ не была высказываема и составляетъ для человѣчества совершенно новое *открытіе?* Неужели предъ „людьми науки“ Толстой первый заговорилъ о томъ, чтобы религію замѣнить философіею, простымъ знаніемъ, устранивъ изъ нея ученіе о сверхъестественномъ? Конечно, нѣтъ; все это было высказываемо многими мыслителями уже нѣсколько разъ; все это „учеными людьми“ было внимательно обсуждаемо и отвергнуто, какъ ложное и противорѣчащее основнымъ требованіямъ духа человѣческаго. Не споримъ, *для Толстого,* можетъ быть, и есть въ этихъ мысляхъ что-либо новое, такъ какъ философскими познаніями онъ не богатъ, и сталъ интересоваться философіею недавно; но истинные ученые могутъ только удивляться тому, что эти отвергнутыя предположенія онъ выта-

щилъ изъ архива человѣческой мысли и выдаетъ теперь за нѣчто новое и никому неизвѣстное.

Эти предположенія были высказываемы еще древними философами [1]); изъ мыслителей новѣйшаго времени ихъ повторилъ Гегель, смотрѣвшій на религію, какъ на низшую ступень откровенія человѣческаго духа, какъ на знаніе въ формѣ представленія (философія, по его мнѣнію, есть знаніе въ формѣ понятія). Мысль Гегеля раскрывалъ впослѣдствіи Фейербахъ. Теперь эту же самую мысль только въ другой формѣ нашъ Толстой разъясняетъ „людямъ науки", подъ которыми онъ, какъ мы видѣли, разумѣетъ главнымъ образомъ *позитивистовъ*, соціалистовъ и матеріалистовъ. Но Толстой выпустилъ изъ виду (намѣренно или ненамѣренно,— утверждать не будемъ), что больше всего *позитивисты и матеріалисты*, вслѣдъ за виновникомъ свего міровоззрѣнія—Огюстомъ Контомъ (Cours de philosophie positive, Paris, 1839—1842, 2 éd. 1864), а также повторяя мысли его ближайшихъ послѣдователей Литтре (Littré), Стюарта Милля (John Stuart Mill) и др.,—себѣ именно приписываютъ честь *открытія* той мысли, что на религію будтобы слѣдуетъ смотрѣть какъ на извѣстную степень пониманія жизни, какъ на „одинъ изъ способовъ философствовать". Во всякомъ случаѣ, позитивисты и матеріалисты имѣютъ полное право по этому поводу предъявить къ Толстому такія же претензіи, какія предъявили уже къ нему американскіе квакеры относительно ученія о непротивленіи злу. Странно, впрочемъ, и само по себѣ, что Толстой рѣшился поучать позитивистовъ тому, что онъ самъ у нихъ именно позаимствовалъ.

Но можно ли религію замѣнить философіею? Можно ли изъ религіи устранить все сверхъестественное и оставить только естественное?—Толстой, какъ мы видимъ, старается доказать, сдѣлать это будтобы возможно; но что̀ выходитъ и что̀ выйдетъ еще изъ этой попытки его?.. Повидимому, содержаніе религіи и философія (въ лучшемъ смыслѣ) если и не одно и тоже, то въ важнѣйшихъ пунктахъ касаются однихъ и тѣхъ же предметовъ: философія, какъ и религія, не можетъ не касаться

[1]) Протагоромъ, Аристиппою, Тимономъ, Энезидемомъ Кносскимъ, Секстомъ и др.

первопричины всего существующаго—Бога, духовной природы человѣка, послѣдней цѣли бытія и мотивовъ нравственной дѣятельности человѣка. Но это сходство только формальное и внѣшнее. Въ дѣйствительности религія и философія суть области совершенно различныя и самостоятельныя. И какъ невѣрно мнѣніе нѣкоторыхъ мыслителей, что при богооткровенной религіи излишня и безполезна философія, такъ ложно и противоположное ему мнѣніе, разбираемое нами, будтобы религіозное вѣдѣніе можно замѣнить философскимъ знаніемъ. Истинная философія не можетъ остановиться на полъ-пути, не можетъ удовлетвориться указаніемъ только конечныхъ или естественныхъ причинъ бытія, и потому не можетъ ограничиться поверхностнымъ, чисто атеистическимъ отрицаніемъ бытія Бога. Это было бы противно самымъ естественнымъ требованіямъ человѣческаго разума. Такихъ людей Давидъ совершенно справедливо называетъ *безумцами*, т. е, людьми не мыслящими по законамъ здраваго разума. Но всякое только *раціональное* познаніе Бога, не основывающееся на Божественномъ Откровеніи, (на откровеніи со стороны Бога *Самаго Себя* человѣку), вслѣдствіе естественной ограниченности человѣческаго разума, будетъ неудовлетворительно и ложно; философъ будетъ представлять себѣ Бога не такимъ, какъ Онъ есть, а такимъ какимъ Онъ можетъ быть только по соображеніямъ одного ограниченнаго человѣческаго разума. Исторія философіи представляетъ много самыхъ неопровержимыхъ доказательствъ сказаннаго нами; достаточно вспомнить о религіозно-философскихъ міросозерцаніяхъ древнихъ восточныхъ народовъ—гностиковъ, неоплатониковъ,—затѣмъ—Іакова Бёма и мистиковъ вообще, а съ другой стороны о всѣхъ такъ называемыхъ пантеистическихъ системахъ, въ которыхъ на мѣсто живого личнаго Бога ставится какое либо мертвое, безжизненное, отвлеченное, ничего неопредѣляющее абсолютное начало: абсолютная субстанція, абсолютная идея, абсолютное Я или абсолютная воля.

Философія имѣетъ своимъ источникомъ ограниченный человѣческій разумъ, отъ котораго исключительно зависитъ ея характеръ, направленіе и степень достовѣрности, истинности возвѣщаемаго его ученія; но такъ какъ разумъ человѣческій

въ своемъ развитіи постоянно измѣняется, то вмѣстѣ съ нимъ измѣняется и философія. Исторія философіи представляетъ намъ длинный рядъ самыхъ разнообразныхъ философскихъ міровоззрѣній, изъ которыхъ одно заступало мѣсто другаго, опровергая его почти по всѣмъ важнѣйшимъ пунктамъ ученія. Натурализмъ или философія природы, іонійская философія, элеатская философія, философія Гераклита, Пиѳагора, Эмпедокла, Анаксагора, Протагора, Сократа, циниковъ, Эвклида, Платона, Аристотеля, стоицизмъ, эвдемонизмъ, скептицизмъ, эклектизмъ, неоплатонизмъ, номинализмъ, реализмъ, мистицизмъ, традиціонализмъ, деизмъ, пантеизмъ, дуализмъ, философія здраваго смысла, философія непосредственнаго чувства, матеріализмъ, идеализмъ, утилитаризмъ, соціализмъ, коммунизмъ, нигилизмъ, сенсуализмъ, раціонализмъ, дарвинизмъ и т. д. и т. д. Сколько самыхъ разнообразныхъ системъ, ученій, міровоззрѣній! И всѣ они непримиримо противорѣчатъ одно другому, опровергаютъ одно другое; каждое, претендуя на истину, всѣ остальныя объявляетъ ложными, неистинными. Каждое изъ этихъ философскихъ міровоззрѣній предлагаетъ своимъ послѣдователямъ усвоить только имъ указываемое „пониманіе жизни“, какъ единственно истинное, и не принимать отъ другихъ, такъ какъ другія философскія системы сами не имѣютъ *истиннаго* „пониманія жизни“. Какой же философской системѣ нужно отдать преимущество? Какая изъ нихъ дѣйствительно содержитъ въ себѣ непреложную истину?—Очевидно, что безусловной истины не содержитъ ни одна изъ философскихъ системъ; ни одна изъ нихъ не представила и окончательнаго рѣшенія тѣхъ высшихъ вопросовъ знанія и жизни, которыхъ не можетъ не затронуть ни одинъ мыслящій человѣкъ. Философскія системы, находясь только въ процессѣ непрерывнаго развитія, уже поэтому никогда не могли быть устойчивыми и неизмѣнными; онѣ, при самыхъ лучшихъ условіяхъ, только въ извѣстной степени приближаются къ безусловной истинѣ, оставляя по себѣ только частныя ея черты, но не достигаютъ ея вполнѣ. Такой судъ надъ философіею произнесенъ ея исторіею.

Религія имѣетъ своимъ непосредственнымъ и единственнымъ источникомъ Божественное Откровеніе. Поэтому ея истины

вѣчны и неизмѣнны, если почерпнуты изъ дѣйствительнаго Откровенія. Во всѣ вѣка онѣ оставались всегда однѣми и тѣми же, при постоянномъ измѣненіи философскихъ міровоззрѣній. Люди могли погрѣшать при усвоеніи этихъ истинъ; могли являться и дѣйствительно являлись различныя исповѣданія этихъ истинъ; но сами истины отъ этого ничего не теряли,—онѣ всегда оставались и остаются такими же, какими онѣ даны непосредственно въ Божественномъ Откровеніи. Самыя погрѣшности человѣческаго исповѣданія всегда возможно исправить: для этого слѣдуетъ только безпристрастно провѣрить ихъ по истинамъ самаго Откровенія. Появленіе различныхъ вѣроисповѣданій, сектъ и даже ересей объясняется не тѣмъ, что Божественное Откровеніе утратило характеръ вѣчной и непреложной истины, а тѣмъ, что нѣкоторыя изъ его истинъ невѣрно восприняты нѣкоторыми людьми. Нѣтъ ни одной секты, которая бы не оправдывала своего ученія Божественнымъ Откровеніемъ. Но истину слѣдуетъ искать не въ сектахъ, а въ самомъ Божественномъ Откровеніи, согласіемъ съ которымъ опредѣляется и истинность религіознаго ученія вообще.

Философія, какъ достояніе только одного человѣческаго разума, представляетъ истины большею частію только теоретическія, отвлеченныя, доступныя далеко не всѣмъ, а только нѣкоторымъ людямъ, истины, которыя въ большинствѣ и ограничиваются только одною разсудочною дѣятельностію человѣка, содѣйствуя лишь развитію его ума; но оставаясь чуждыми въ отношеніи къ его жизни и дѣятельности.

Религія напротивъ объемлетъ всѣ стороны человѣческой жизни,—умственную, нравственную и практическую. Человѣка, который обладаетъ обширными богословскими познаніями, но живетъ не по волѣ Божіей, никто не назоветъ *религіознымъ*. Только религія вмѣстѣ съ возвѣщаемыми ею истинами можетъ сообщить человѣку живыя и дѣйственныя убѣжденія, только ея истины содержатъ въ себѣ ту жизненную силу, которая даетъ направленіе всей жизни и дѣятельности человѣка. Въ древней Греціи философія процвѣтала, отвергая религію и вмѣсто нея, такъ сказать, замѣняя ее, хотѣла научить людей добродѣтели. Но ничего изъ этого не вышло: міръ погрязалъ

въ порокахъ и развратѣ. Достигшее ужасныхъ размѣровъ нравственное паденіе языческаго міра ясно доказывало, что даже самая лучшая философія безсильна нравственно возродить человѣчество. Разсудокъ человѣческій прекрасно знаетъ, гдѣ добро, а гдѣ зло, и даже умѣетъ восхвалять первое и порицать послѣднее; но у человѣка нѣтъ силъ, вслѣдствіе испорченности его природы, осуществить свое знаніе въ жизни, и онъ, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, поступаетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говоритъ ему его разсудокъ, его философія. „Не понимаю, что дѣлаю,—говоритъ Ап. Павелъ (Рим. 7, 15. 18—19),—потому что не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю". Для того, чтобы жить такъ нравственно, какъ говоритъ нашъ умъ, просвѣщенный даже знаніемъ истины, философіи, очевидно, недостаточно; для этого необходимо еще то, что даетъ религія,—благодать Божія, сила Божія. Еслибы мы даже и допустили,—чего допустить однако-же нельзя,—что для нѣкоторыхъ людей, именно для философовъ, философія можетъ замѣнить религію, что эти люди будтобы могутъ удовлетвориться религіею, чуждою всего сверхъестественнаго, чуждою даже ученія о бытіи Божіемъ: то что нужно сказать о всѣхъ тѣхъ людяхъ, для которыхъ чуждою останется навсегда сама философія? Неужели для нихъ ненужно пониманіе жизни? Неужели жизнь ихъ должна пріостановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока они станутъ способными къ усвоенію философскихъ ученій всякаго рода? Но, какъ свидѣтельствуютъ и опытъ, и исторія, для самыхъ философовъ матеріалистическаго направленія философія не могла замѣнить религіи. *Локкъ* и его послѣдователи—матеріалисты: *D. Hartley* и *I. Priestley*,—не могли ограничиться одною философіею; они признавали религію такою же необходмою областію въ жизни человѣческой, какъ и философія. Вольтеръ, на котораго часто ссылается Толстой, никогда не допускалъ мысли о томъ, что философія можетъ когда либо замѣнить религію; напротивъ онъ приписывалъ религіи весьма важное значеніе въ жизни человѣчества; ему принадлежитъ исто-

рическая фраза: „если бы Бога не было, то Его нужно было бы выдумать“. Гербартъ—атомистъ; но философія не замѣнила ему религіи,—онъ вѣровалъ въ Бога и былъ человѣкомъ весьма религіознымъ.—Итакъ ясно, что „люди науки“ вовсе не ошибаются, признавая за религіею самостоятельное значеніе, потому что ни въ теоретическомъ, ни въ практическомъ отношеніи философія не можетъ замѣнить собою религіи. Напротивъ Толстой, желая низвести религію только на степень простого „пониманія жизни“, т. е., на степень простого знанія, впадаетъ въ заблужденіе, уже давно осужденное исторіею философской мысли.

Далѣе Толстой находитъ необходимымъ уяснить „людямъ науки“, „которые не понимаютъ самыхъ простыхъ вещей“, истинный смыслъ жизни человѣческой. Признавъ религію только „пониманіемъ жизни“, Толстой говоритъ [1]): „Такихъ пониманій жизни мы знаемъ три: два уже пережитыхъ человѣчествомъ и третье, которое мы теперь переживаемъ въ христіанствѣ... Три жизнепониманія эти слѣдующія: первое—личное или животное, второе—общественное или языческое и третье—всемірное или божеское. По первому жизнепониманію жизнь человѣка заключается въ одной его личности; цѣль жизни—въ удовлетвореніи воли этой личности. По второму жизнепониманію жизнь человѣка заключается не въ одной его личности, а въ совокупности и послѣдовательности личностей: въ племени, семьѣ, родѣ, государствѣ; цѣль жизни заключается въ удовлетвореніи воли этой совокупности личностей. По третьему жизнепониманію жизнь человѣка заключается и не въ совокупности и послѣдовательности личностей, а—въ началѣ и источникѣ жизни—въ Богѣ. Эти три жизнепониманія служатъ *основой всѣхъ существовавшихъ и существующихъ религій*... Вся жизнь историческая человѣчества есть ничто иное, какъ постепенный переходъ отъ жизнепониманія личнаго, животнаго, къ жизнепониманію общественному, и отъ жизнепониманія общественнаго къ жизнепониманію божескому. Вся исторія древнихъ народовъ, продолжавшаяся тысячелѣтія и заканчивающаяся исторіей Рима, есть исторія замѣны животнаго, личнаго жизнепониманія

---

[1]) Ч. I, стр. 126.

общественнымъ и государственнымъ. Вся исторія со времени императорскаго Рима и появленія христіанства есть переживаемая нами и теперь исторія замѣны государственнаго жизнепониманія божескимъ. Вотъ это-то послѣднее жизнепониманіе и *основанное на немъ христіанское ученіе*, руководящее всей нашей жизнью и лежащее въ основѣ всей нашей дѣятельности, какъ практической такъ и научной, *люди мнимой науки*, разсматривая его только по его внѣшнимъ признакамъ, признаютъ чѣмъ-то отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія".

Итакъ христіанство, которое Толстой назвалъ сначала жизнепониманіемъ, теперь уже не есть жизнепониманіе; оно уже есть нѣчто отдѣльное отъ него; оно только *основано на немъ*, т. е., есть лишь практической выводъ изъ него, какъ и наша научная дѣятельность... Какая путаница понятій! Какая масса противорѣчій!

Толстой, конечно, еще самъ недостаточно уяснилъ себѣ ту мысль, которую онъ выдаетъ за неприложную истину и которую, въ качествѣ новаго открытія, онъ возвѣщаетъ теперь „людямъ науки". Простыя слѣдствія онъ принялъ за причины, явленія, встрѣчающіяся въ человѣческой жизни,—за ея непреложный законъ. Вотъ почему онъ и утверждаетъ, что такъ называемое личное или животное „жизнепониманіе" продолжалось и закончилось исторіей Рима,—какъ будтобы теперь его нѣтъ! *Съ появленія христіанства* господствуетъ общественное или языческое жизнепониманіе; какъ будтобы до появленія христіанства человѣкъ никогда не сознавалъ себя живымъ членомъ общества ни въ Греціи, ни въ Римѣ, ни въ іудействѣ, ни въ Египтѣ! Толстой не предложилъ себѣ вопроса: чѣмъ объясняется существованіе этихъ видовъ жизнепониманія? Откуда они вытекли и почему господствуетъ во всякое данное время только одно изъ нихъ, не уничтожая остальныхъ? Если бы Толстой своевременно задалъ себѣ эти вопросы, рѣшеніе ихъ, быть можетъ, привело бы его къ уясненію того всеобщаго закона жизни, который сообщаетъ основной характеръ всѣмъ явленіямъ, которыя Толстой принялъ за самый законъ и на основаніи коrнd оияъ гоюхэ эоцqтгэоо пінтеорію „жизнепониманій".

Основной законъ, обнимающій *всѣ* стороны человѣческой жизни, есть законъ взаимообобщенія или подчиненія частнаго общему. Частное, само по себѣ, безъ отношенія къ общему, существовать не можетъ; по природѣ ему свойственно влеченіе къ общему, съ которымъ оно и должно стать въ тѣ или другія отношенія. Отъ характера этихъ отношеній зависитъ и характеръ самой жизни и характеръ жизнепониманія. Самъ по себѣ внѣ всякаго отношенія къ общему человѣкъ никогда не могъ бы существовать. „Не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣственнаго ему“,—сказалъ Господь уже тотчасъ по сотвореніи человѣка (Быт. 2, 18). И безъ этого закона обобщенія, который можно выразить словами: „подчиняй частное общему!“,—стала бы невозможною жизнь человѣка во всѣхъ отношеніяхъ—умственномъ, нравственномъ, эстетическомъ и даже физическомъ! Содержаніе нашей умственной жизни составляютъ понятія; но что такое понятіе?—обобщеніе представленій; представленіе—обобщеніе впечатлѣній; впечатлѣніе—обобщеніе нервныхъ раздраженій; сужденіе—обобщеніе понятій; умозаключеніе—обобщеніе сужденій; разсужденіе или сочиненіе—обобщеніе умозаключеній. Познанія наши достигаются по двумъ методамъ: аналитическому и синтетическому—путемъ перехода отъ общаго къ частному или отъ частнаго къ общему. Сущность всѣхъ философскихъ системъ состоитъ именно въ стремленіи философовъ удовлетворить этой естественной потребности духа человѣческаго, этому закону его жизни—подчиненію общему частнаго; ибо что такое въ философскихъ системахъ всѣ эти абсолютныя субстанціи, идеи, *я* и т. п.?—Это тѣ общія начала, которымъ философы стремятся подчинить, и изъ которыхъ они думаютъ вывести и объяснить всѣ явленія міровой жизни. Въ литературныхъ произведеніяхъ читателю предлагаются или типы или идеалы, которые суть не что иное какъ обобщеніе въ цѣльныхъ образахъ отдѣльныхъ или частныхъ характеровъ; музыкальное произведеніе, которое приводитъ въ восторгъ слушателей, есть гармоническое соединеніе, или обобщеніе отдѣльныхъ звуковъ и мелодій; прекрасная картина, нарисованная художникомъ, есть обобщеніе отдѣльныхъ образовъ, которые подмѣчены художникомъ въ жизни. Семья

есть обобщеніе отдѣльныхъ лицъ, общество-обобщеніе семействъ, племя-обобщеніе обществъ, народъ-обобщеніе племенъ, государство-обобщеніе всѣхъ племенъ и народовъ. Какъ высшій видъ обобщенія, государство, обнимающее всѣ семейства, общества, племена и народы, представляетъ цѣлую систему обобщеній: всѣ его органы судебные, административные, учебные и друг., начиная отъ волостныхъ правленій до сената, отъ школы грамоты до академіи наукъ, стремятся удовлетворить той же потребности человѣческаго духа,—обобщенію. Въ религіозной области церковь, отъ приходской общины до вселенскаго собора, въ основѣ своей внутренней и внѣшней жизни, дѣйствуетъ согласно этому же всеобщему закону. Подчиненіе частнаго общему есть зерно и нравственной жизни: воля частнаго лица здѣсь дѣйствуетъ только въ согласіи съ общимъ нравственнымъ закономъ. Эту мысль Господь выразилъ словами: „Если кто хочетъ идти за Мною (т. е., быть Моимъ *послѣдователемъ*, ученикомъ), отвергнись себя (откажись отъ своей воли, своеволія), и возьми крестъ свой (испытанія, искушенія, всѣ бѣдствія и непріятности въ жизни) и слѣдуй за Мною“ (Матѳ. 16, 24; Марк. 8, 34; Лук. 23); „кто не беретъ креста своего и не слѣдуетъ за Мною, тотъ недостоинъ Меня“ (Матѳ. 10, 38), „кто не несетъ креста своего, и не идетъ за Мною, не можетъ быть Моимъ ученикомъ“ (Лук. 14, 27).

Само собою понятно, что взаимоотношеніе между общимъ и частнымъ проявляется въ различныхъ видахъ: иногда частныя лица подчиняются общему добровольно, сознательно, занимая то именно мѣсто среди другихъ частныхъ лицъ, которое имъ дѣйствительно принадлежитъ; общее предпочитается частному во имя собственнаго блага частнаго, во имя блага всѣхъ другихъ лицъ или во имя Высочайшаго Существа, Отца всѣхъ частныхъ лицъ: это самая высшая форма, въ которой можетъ проявляться взаимоотношеніе между частными лицами и обществомъ такихъ лицъ. Объ установленіи такого взаимоотношенія Господь нашъ Іисусъ Христосъ молился Богу Отцу въ послѣднюю ночь предъ своими страданіями: „Отче святый! соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, что-бы они были едино какъ и Мы. Да будутъ всѣ едино: какъ Ты,

Отче, во Мнѣ, и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ Насъ едино,—да увѣруетъ міръ, что Ты послалъ Меня. И славу, которую Ты далъ Мнѣ, Я далъ имъ: да будутъ едино, какъ Мы едино; Я въ нихъ и Ты во Мнѣ; да будутъ совершены во едино, и да познаетъ міръ, что Ты послалъ Меня, и возлюбилъ ихъ, какъ возлюбилъ Меня" (Іоан. 17, 11. 21—23). „Если *двое изъ васъ*, говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ (Матѳ. 18, 19—20), согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ, то чего бы ни просили, будетъ имъ отъ Отца Моего Небеснаго; ибо гдѣ *двое или трое собраны во имя Мое*, тамъ Я посреди нихъ".

Гдѣ нѣтъ такого взаимотношенія между общимъ и частнымъ, основаннаго на добровольномъ, сознательномъ, нравственномъ убѣжденіи со стороны частныхъ лицъ въ необходимости подчиниться закону обобщенія, тамъ это подчиненіе совершается только послѣ упорной борьбы между частнымъ и общимъ и достигается при посредствѣ внѣшнихъ давленій: силы, власти, внѣшней дисциплины. Это—низшая степень въ развитіи жизни. На этой ступени находимъ всѣ языческія общества и государства. Въ христіанствѣ форма этой жизни не измѣняется; а измѣняется только внутренній характеръ ея, характеръ подчиненія частнаго общему. Христіанство требуетъ, чтобы подчиненіе частныхъ лицъ основывалось не на внѣшнихъ побужденіяхъ: силѣ, власти, страхѣ и внѣшней дисциплинѣ, а на сознаніи и собственномъ убѣжденіи частныхъ лицъ въ необходимости такого подчиненія. „Надобно повиноваться не только изъ страха наказанія, но и по совѣсти" (Рим. 13, 5). „Будьте покорны всякому начальству для Господа" (1 Петр. 2, 13).

Неестественно, когда частное лицо преслѣдуетъ только свои собственные интересы и ставитъ ихъ выше общественныхъ, потому что оно идетъ противъ основнаго закона человѣческой жизни подчиненія частнаго общему. Это—эгоизмъ. Но неестественно, когда общее подчиняетъ себѣ частное почти до совершеннаго уничтоженія его; когда общество преслѣдуетъ только свои интересы и ничего не хочетъ знать объ интересахъ частныхъ лицъ. Но высокою христіанскою добродѣтелью украшается тотъ христіанинъ, который самъ, добровольно, по

одному чувству любви, отдаетъ благу общества не только свои собственные интересы, но даже и самую жизнь свою. „Нѣтъ больше той любви какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. 15, 13), говоритъ Сынъ Человѣческій, Самъ приходившій на землю для того именно, „чтобы отдать душу Свою для искупленія многихъ“ (Матѳ. 20, 28; Марк. 10, 45; Матѳ. 26, 28; Іоан. 11, 51). Апостолъ Павелъ желалъ бы скорѣе самому быть отлученнымъ отъ Христа, чѣмъ видѣть отлученными своихъ братьевъ, родныхъ ему по плоти,—израильтянъ (Рим. 9, 3. 4).

Итакъ, ошибка Толстого состоитъ въ томъ, что *явленія*, какъ—„личное“ или „общественное“ „жизнепониманія“, въ основѣ которыхъ лежитъ законъ взаимоотношенія между частнымъ и общимъ, онъ принялъ за самый *законъ жизни*; а въ связи съ этимъ находится и другая его ошибка, которая состоитъ въ томъ, что каждый видъ жизнепониманія онъ относитъ только къ извѣстной эпохѣ; между тѣмъ какъ этотъ законъ, какъ непреложный законъ жизни въ каждый моментъ и въ каждую эпоху можетъ проявляться во всѣхъ трехъ видахъ своихъ (личномъ, общественномъ и божескомъ). Любить себя въ предѣлахъ нравственнаго закона совершенно естественно человѣку въ каждый данный моментъ и во всякую эпоху, ибо никто никогда не можетъ возненавидѣть своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее, какъ и Господь Церковь (Ефес. 5, 29). Іисусъ Христосъ также не отвергъ для христіанина заботъ о личной жизни, а напротивъ Онъ повелѣлъ каждому изъ Своихъ послѣдователей даже и ближнихъ любить *такъ*, какъ каждый любитъ самаго себя (Мѳ. 22, 39); выше личныхъ интересовъ должны стоять интересы ближнихъ или общественные (Іоан. 5, 13; Рим. 9, 3—4) и христіанинъ долженъ предпочитать ихъ любви къ себѣ; что касается любви къ Богу, то заповѣдь о ней есть первая и наибольшая (Матѳ. 22, 38; Второз. 6, 5; Марк. 12, 26; Лук. 10, 27; Мих. 6, 8). Ученіе Православной Церкви по этому предмету прекрасно изложено въ Православномъ Катихизисѣ Митрополита (Филарета), который изучаютъ христіанскія дѣти въ русскихъ школахъ [1]): „Любить себя (это, по Толстому, лич-

[1]) М. 1889, стр. 83.

ное жизнепониманіе“) должно только для Бога и частію для ближнихъ: любить ближнихъ („общественное жизнепониманіе“) должно для Бога; а любить Бога („божеское жизнепониманіе“) должно для Него Самаго, и больше всего. Любовь къ себѣ должно приносить въ жертву любви къ ближнимъ; а любовь къ себѣ и къ ближнимъ должно приносить въ жертву любви къ Богу.“—Послѣ сказаннаго ясно, что личное, общественное и божеское жизнепониманіе (говоримъ словами Толстого) нельзя признать тремя историческими воззрѣніями, изъ которыхъ два первыя уже будтобы пережиты человѣчествомъ, а только тремя моментами проявленія во всякое время одного и того-же основного закона человѣческой жизни—подчиненія частнаго общему. Безъ любви къ себѣ нельзя любить ни Бога, ни ближнихъ: въ самомъ дѣлѣ не заботясь о себѣ или о своемъ здоровьи, потерявъ силы и даже самую жизнь свою,—какъ человѣкъ можетъ жить для Бога? Можно и должно интересы личные приносить въ жертву Богу въ извѣстное время при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можно одни ставить ниже, или выше другихъ; но уничтожать ихъ совершенно нельзя, потому что въ противномъ случаѣ, не имѣя любви къ себѣ и не имѣя возможности пожертвовать ею для Бога, человѣкъ будетъ лишенъ самой возможности жить для Бога.

Далѣе Толстой осуждаетъ ученыхъ людей за то, что они признаютъ христіанское ученіе „отжившимъ и не имѣющимъ для насъ значенія“ [1]). „Ученіе это,—говоритъ онъ [2]),—по мнѣнію *людей науки*, заключающееся *только* (?) въ его догматической сторонѣ,—въ ученіи о троицѣ, искупленіи, чудесахъ, церкви, таинствахъ и пр., есть только одна изъ огромнаго количества религій, которыя возникали въ человѣчествѣ, и теперь, сыгравъ свою роль въ исторіи, отживаетъ свое время, уничтожаясь передъ свѣтомъ науки и истиннаго просвѣщенія“. По словамъ Толстого [3]), ученые люди „обыкновенно говорятъ, что нравственное ученіе христіанства хорошо, но преувеличено,—что для того, чтобы оно было вполнѣ хорошо, надо откинуть отъ него излишнее, неподходящее къ нашему строю жизни“.

[1]) Ч. I, стр. 128.
[2]) Тамъ-же стр. 129.
[3]) Тамъ-же стр. 130.

Соглашаясь съ мнѣніемъ „людей науки“ относительно догматической стороны христіанскаго ученія, Толстой опровергаетъ ихъ мнѣніе о нравственномъ ученіи христіанства, разъясняя, „что совершенство, указываемое христіанамъ, безконечно и никогда не можетъ быть достигнуто“ [1]); что „Христосъ даетъ свое ученіе имѣя въ виду то, что полное совершенство никогда не будетъ достигнуто, но что стремленіе къ полному безконечному совершенству постоянно будетъ увеличивать благо людей и что благо это поэтому можетъ быть увеличиваемо до безконечности“ [2]). Опровергая мнѣніе ученыхъ людей далѣе, Толстой подробно раскрываетъ ту мысль, что христіанство указываетъ людямъ не правила, не законы, а только идеалъ человѣческой жизни, и что „для ученія этого *нѣтъ и не можетъ быть обязательныхъ правилъ и законовъ*“; (тѣмъ не менѣе это не помѣшало Толстому снова отстаивать свое мнѣніе о пяти евангельскихъ заповѣдяхъ, исключая изъ числа ихъ заповѣдь о любви къ Богу и ближнимъ, и изъ каждаго идеала, найденнаго имъ въ нагорной проповѣди, выводить точныя и опредѣленныя правила).

Конечно, есть „люди науки“ (вѣрнѣе сказать: считающіе себя людьми науки), которые признаютъ христіанское ученіе отжившимъ или, какъ выражается Толстой, „сыгравшимъ свою роль“; но не всѣ ученые люди такъ думаютъ. Есть многіе *истинно ученые* люди, которые за христіанскимъ ученіемъ признаютъ вѣчное значеніе безусловной истины. Есть ученые, которые, признавая возвышенность нравственнаго ученія Христа, указываютъ на невозможность его полнаго осуществленія въ этой жизни; но то же самое утверждаетъ теперь и Толстой, думающій опровергать это же самое мнѣніе „людей науки“. Правда, десять лѣтъ тому назадъ онъ утверждалъ совершенно противное, говоря, что „Христосъ не могъ дать людямъ такого ученія, котораго нельзя было бы исполнить въ жизни“, десять лѣтъ тому назадъ онъ „вѣровалъ, что исполненіе этого ученія возможно, легко и радостно“ и что „благо *его* (Толстого) возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять уче-

[1]) Стр. 139.
[2]) Тамъ-же.

ніе Христа“ [1]). Но въ словахъ его такъ много непримиримыхъ противорѣчій, что неудобно даже сравнивать того, что онъ говорилъ десять лѣтъ назадъ, съ тѣмъ, что онъ говоритъ теперь. И противорѣчія эти такъ велики, что иногда даже кажется, что читаешь сочиненія двухъ различныхъ авторовъ, имѣющихъ одну и ту же фамилію....

Наконецъ, Толстой нападаетъ на „людей научныхъ“ [2]) за то, что христіанское требованіе любви къ Богу и служенія Ему они хотятъ замѣнить любовью и служеніемъ людямъ, человѣчеству. Такими „учеными людьми“ онъ признаетъ здѣсь позитивистовъ, соціалистовъ и коммунистовъ. Опровергая мнѣніе этихъ „людей науки“, Толстой доказываетъ ту мысль, что человѣчество есть только фикція и что поэтому его любить невозможно. „Человѣкъ, любящій для своей животной личности семью,—говоритъ Толстой [3]),—знаетъ, кого онъ любитъ: Анну, Ларью, Ивана, Петра и т. д. Человѣкъ, любящій родъ и гордящійся имъ, знаетъ что онъ любитъ всѣхъ Гвельфовъ или всѣхъ Гибелиновъ; любящій государство знаетъ, что онъ любитъ Францію по берегъ Рейна и Пиренеи, и главный городъ ея Парижъ, и ея исторію и т. д. Но что любитъ человѣкъ любящій человѣчество?.... Человѣчество? Гдѣ предѣлъ человѣчества? Гдѣ оно кончается или начинается? Кончается ли человѣчество дикаремъ, идіотомъ, алькоголикомъ, сумасшедшимъ исключительно? Если мы проведемъ черту, отдѣляющую человѣчество, такъ, что исключимъ низшихъ представителей человѣческаго рода, то гдѣ мы проведемъ черту? Исключимъ ли мы негровъ, какъ ихъ исключаютъ Американцы, и Индійцевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые англичане, и Евреевъ, какъ ихъ исключаютъ нѣкоторые? Если же мы захватимъ всѣхъ людей безъ исключенія, то почему же мы захватимъ однихъ только людей, а не *высшихъ животныхъ (?!)*, изъ которыхъ *многіе* выше низшихъ представителей человѣческаго рода?“ Опровергнувъ такимъ образомъ мнѣніе позитивистовъ, коммунистовъ и соціалистовъ, Толстой останавливается на той мысли,

[1]) Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе. Стр. 215.
[2]) „Царство Божіе внутри васъ“ Ч. I, стр. 146.
[3]) Ч. I, стр. 150.

что христіанское ученіе о любви къ Богу единственно истинное и незамѣнимое.

Конечно, каждый скажетъ, что въ этомъ пунктѣ Толстой правъ и что съ нимъ нельзя не согласиться. Мы сами согласились бы съ нимъ, еслибы подъ *любовью къ Богу* онъ дѣйствительно разумѣлъ то, что̀ разумѣетъ подъ этимъ христіанское ученіе. Но что̀ значитъ, по Толстому, *любить Бога?* Разъясняя, что разумѣетъ Толстой подъ словомъ *Богъ*, мы выше уже приводили изъ его *Письма къ NN* его выраженіе, по которому *любить Бога* значитъ *любить истину*. Чтобы читатель самъ могъ видѣть, какъ понимаетъ Толстой христіанское ученіе о любви къ Богу, мы приведемъ здѣсь изъ вышеуказаннаго *письма* его все его разсужденіе объ этомъ предметѣ. „*Всѣ* говорятъ,—пишетъ Толстой [1]),—что знаніе христіанства въ томъ, чтобы любить Бога и ближняго, какъ самаго себя. Но что такое Богъ? Что такое любить? Что такое любить что-то непонятное,—Бога? Что такое ближній? Что такое самъ я? Слова эти для меня имѣютъ такое значеніе: *любить Бога* значитъ *любить истину*, и любить ближняго, какъ самаго себя, значитъ признавать единство сущности своей души и жизни со всякой другой человѣческой душею и жизнію, съ вѣчною истиною, съ Богомъ. Такъ это для меня. Но мнѣ ясно, что эти ничего не опредѣляющія слова могутъ быть понимаемы иначе, и что большинство даже не можетъ понимать ихъ такъ, какъ я. Главное же въ томъ, что слова эти ни для меня, и ни для кого, ни къ чему не обязываютъ и ничего не опредѣляютъ. Какъ это—люби какого-то Бога, котораго каждый понимаетъ по своему, а другіе и вовсе не признаютъ, и люби ближняго какъ самаго себя, тогда какъ въ меня вложена ни на мгновеніе не покидающая меня любовь къ себѣ и очень часто столь же постоянная ненависть къ другимъ? Мое мнѣніе то̀,—говоритъ Толстой въ заключеніе своего разсужденія,—что это положеніе метафизическое, очень важное, какъ таковое, но когда это же положеніе понимается, какъ правило жизненное, какъ законъ, то *оно просто глупо*. А *къ сожалѣнію*,

[1]) У А. Гусева „Графъ Л. Н. Толстой. Его исповѣдь и мнимо-новая вѣра“ Ч. I. М. 1890. Стр. 131.

его очень часто такъ понимаютъ". Это говорилъ Толстой шесть лѣтъ тому назадъ. Тогда любовь къ Богу, отожествленная съ любовію къ истинѣ, такъ какъ самое слово Богъ было для него пустымъ, ничего неопредѣляющимъ словомъ, онъ признавалъ въ приложеніи къ жизни—ученіемъ *просто глупымъ*, никого ни къ чему не обязывающимъ и ничего не опредѣляющимъ. Теперь онъ, какъ мы видѣли, говоритъ иное; теперь ученіе о любви къ Богу онъ признаетъ единственно истиннымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ. Но что значитъ, по Толстому *теперешнему, любить Бога*?—„Христіанское ученіе,—говоритъ онъ [1]), —возвращаетъ человѣка къ первоначальному сознанію себя, но только не себя—животнаго, а себя—Бога, искры Божьей, себя—сына божья, Бога такого же, какъ и Отецъ, но заключеннаго въ животную оболочку". Итакъ, подъ любовію къ Богу, по Толстому, нужно разумѣть любовь человѣка къ самому себѣ, но себѣ—не животному, а къ себѣ—Богу, такому же какъ Отецъ, но только заключенному въ животную оболочку. Любовь превращена въ безусловный эгоизмъ,—человѣкъ—въ Бога... Иначе и не можетъ, впрочемъ, говоритъ Толстой послѣ того, какъ онъ отрекся отъ вѣры въ бытіе личнаго живаго Бога, котораго возвѣщаетъ людямъ христіанское ученіе и усвоилъ себѣ пантеистическое міровоззрѣніе Шопенгауэра, по которому человѣкъ признается лишь проявленіемъ общаго мірового безличнаго начала, или Самимъ Богомъ заключеннымъ въ животную оболочку.

Толстой можетъ, конечно, говорить все, что ему угодно и какъ ему угодно; но онъ не имѣетъ права называть себя виновникомъ этого пантеистическаго міровоззрѣнія и утверждать, что ничего подобнаго „люди науки" не слыхали раньше. Спиноза, Гегель, Фихте, Шеллингъ, Шопенгауэръ, и Гартманъ успѣли наскучить „людямъ науки" своими пантеистическими, отвлеченными и безжизненными фантазіями. И „люди науки" давно уже увидѣли всю ложь и неосновательность пантеистической философіи. А такъ какъ Толстой повторяетъ только то, что уже было давнымъ давно сказано пантеистическими фило-

[1]) Ч. I, стр. 154.

софами, то его *ученіе*, собственно говоря, осуждено уже „людьми ученими“ раньше своего появленія на свѣтъ, какъ и всѣ другія ложныя философскія ученія—матеріализмъ, дуализмъ, позитивизмъ и т. п. Толстой можетъ, конечно, говорить все, что ему угодно и какъ ему угодно; но онъ не имѣетъ никакого права свое ученіе о любви къ Богу выдавать за ученіе христіанское. У него любовь есть только отвлеченное безсодержательное, безпричинное понятіе; ибо если по его ученію нельзя любить человѣчество, то тѣмъ болѣе нельзя любить идею человѣка, что, очевидно, онъ разумѣетъ подъ своимъ „богомъ въ чувственной оболочкѣ“. По христіанскому ученію любовь есть начало живое, разумное, питательное и имѣющее для себя достаточное основаніе и съ необходимостію вытекающее изъ своего первоначальнаго источника. Самъ „Богъ есть любовь“ (1 Іоан. 4, 8); Онъ же есть и единственный истинный источникъ любви,—„потому что любовь отъ Бога“ (ст. 7). По ученію христіанскому Богъ есть Высочайшее Существо совершенно отдѣльное отъ человѣка, который только созданъ по Его образу. Онъ же есть и причина любви. Человѣкъ любитъ Бога только уже взаимною любовію; ея мотивъ заключается въ томъ чувствѣ благодарности, которое питаетъ человѣкъ къ Богу за полученныя отъ Него неисчислимыя благодѣянія. „Любовь Божія къ намъ открылась въ томъ, что Богъ послалъ въ міръ Единороднаго Сына Своего, чтобы мы получили жизнь чрезъ Него. Въ томъ любовь, что не мы возлюбили Бога, но Онъ возлюбилъ насъ и послалъ Сына Своего въ умилостивленіе за грѣхи наши“ (Іоан. 4, 9. 10). Такъ учитъ Ап. Іоаннъ; такое же ученіе о любви преподается и въ посланіяхъ Ап. Павла: „Любовь Божія излилась съ сердца наши Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. Ибо Христосъ, когда еще мы были немощны, въ опредѣленное время умеръ за нечестивыхъ. Богъ Свою любовь къ намъ доказываетъ тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ, когда мы были еще грѣшниками“ (Рим. 5, 5. 6. 8). Это ученіе, предложенное апостолами, вполнѣ согласно со словами Самаго Господа нашего Іисуса Христа: „такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій вѣрующій въ Него не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16).

По христіанскому ученію, Богъ какъ Творецъ, Промыслитель и Искупитель падшаго человѣчества, „богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбилъ насъ, и насъ, мертвыхъ по преступленіямъ, оживотворилъ со Христомъ“ (Ефес. 2, 4. 5), сдѣлалъ и дѣлаетъ для человѣка благодѣяній безконечно болѣе, чѣмъ кто бы то ни было изъ людей. Вслѣдствіе этого и человѣкъ нравственно обязанъ любить Бога больше всего, больше родного отца, матери и дѣтей; въ противномъ случаѣ онъ явился бы неблагодарнымъ и недостойнымъ Бога: „кто любитъ отца или мать болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня; и кто любитъ сына или дочь болѣе, нежели Меня, не достоинъ Меня“ (Матѳ. 10, 37). Вытекая изъ совершеннаго и неизсякаемаго Источника (т. е. отъ Самаго Бога), возбуждаемая сознаніемъ неизреченныхъ и безпредѣльныхъ благодѣяній Божіихъ, направленныхъ къ вѣчному спасенію и блаженству падшаго человѣка, любовь къ Богу у христіанина также должна быть безпредѣльна и совершенна. Вотъ какъ изображаетъ св. Апостолъ Павелъ силу христіанской любви: „Кто отлучитъ насъ отъ любви Божіей: скорбь, или тѣснота, или гоненіе, или голодъ, или нагота, или опасность, или мечъ? какъ написано: за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день; считаютъ насъ за овецъ, обреченныхъ на закланіе (Псал. 43, 23). Но все сіе преодолѣваемъ силою Возлюбившаго насъ. Ибо я увѣренъ, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, чи Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не можетъ отлучить насъ отъ любви Божіей во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ“ (Рим. 8, 35—39). Апостолъ любви св. Іоаннъ Богословъ такъ изображаетъ свойство христіанской любви къ Богу: „Мы познали любовь, которую имѣетъ къ намъ Богъ, и увѣровали въ нее. Богъ есть любовь и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Любовь до того совершенства достигаетъ въ насъ, что мы имѣемъ дерзновеніе въ день суда, потому что поступаемъ въ мірѣ семъ, какъ Онъ. Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе. Боящійся несовершенъ въ любви. Будемъ любить Его, потому что Онъ прежде возлюбилъ насъ“. (1 Іоан. 4, 16—19). По

ученію христіанскому, любовь къ Богу должна проявляться какъ въ прославленіи совершенствъ Божіихъ, такъ и въ исполненіи воли Божіей. „Если заповѣди Мои соблюдете, говорилъ Спаситель Своимъ ученикамъ въ прощальной бесѣдѣ,—пребудете въ любви Моей“ (Іоан. 15, 10). „Если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди“ (Іоан. 14, 15). „Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня; а кто любитъ Меня, тотъ возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ; и Я возлюблю его, и являюсь ему Самъ“ (Іоан. 14, 21). „Кто любитъ Меня, тотъ соблюдетъ слово Мое“ (Іоан. 14, 23). „Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ“ (Іоан. 14, 24). Вполнѣ согласно съ этимъ учили и Апостолы. „Это есть любовь къ Богу, говоритъ, напр., Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 5, 3),—чтобы мы соблюдали заповѣди Его“. Самое Богопознаніе наше, по ученію христіанскому, находится въ связи и зависимости отъ нашей любви къ Богу. „Всякій любящій рожденъ отъ Бога и знаетъ Бога; кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь“ (1 Іоан. 4, 7. 8) [1]. Изъ этихъ словъ ясно, что только истинный христіанинъ, рожденный не отъ крови, ни отъ хотѣнія плоти, ни отъ хотѣнія мужа, но отъ Бога, вѣрующій во имя Христа (Іоан. 1, 12. 13), исполняющій заповѣди Его, можетъ познавать Бога, Котораго не видѣлъ никто никогда (Іоан. 1, 18). Всѣ же другіе изслѣдователи Божественнаго Откровенія,—всѣ Штраусы, Ренаны, Толстые и т. п., не имѣющіе любви къ Богу и не исполняющіе Его заповѣдей, хотя бы всю жизнь свою посвящали на изученіе Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, никогда не достигнутъ до познанія истиннаго Бога... Современные Христу книжники и фарисеи іудейскіе собственными очами видѣли совершенныя Имъ чудеса, собственными ушами слышали преподанное Имъ ученіе, но они не имѣли любви къ Богу, сердце ихъ огрубѣло,—и они не познали истиннаго Бога, не уразумѣли Его сердцемъ и не обратились, чтобы Онъ исцѣлилъ ихъ (Матѳ. 13, 15; Марк. 4, 12; Лук. 8, 10). „Ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы“ (1 Кор. 2, 8). Наконецъ, по христіанскому ученію, отъ любви къ Богу непо-

[1]) Срв. 1 Іоан. 2, 3. 4. 5. 6.

средственно зависитъ и любовь къ ближнему. „Возлюбленные! если такъ возлюбилъ насъ Богъ, то и мы должны любить другъ друга... Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ... Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ“ (1 Іоан. 4, 11. 12. 20). Желающимъ ближе и подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, какъ истинное христіанство учитъ о любви къ Богу и ближнимъ, рекомендуемъ со вниманіемъ прочитать еще слѣдующія мѣста новозавѣтныхъ писаній: Матѳ. 5, 43—48; Марк. 12, 29—31; 33; Лук. 6, 34; 10, 27; Іоан. 3, 16; 1 Петр. 1, 8; 22; 2, 17; 3, 10; 4, 8; 5, 14; 2 Петр. 1, 7; 1 Іоан. 2; 5. 10. 15; 3, 1. 15—17. 18. 23; 4, 7—12. 16—21; 5, 1—3; 2 Іоан. 1, 1. 3. 5. 6; Рим. 5, 5. 8; 8, 35—39; 12, 9; 13, 8—10; 14, 15; 15, 30; 1 Кор. 8, 1; 13, 1—4. 7. 8. 13; 14, 1; 16, 14. 22; 2 Кор. 2, 4; 5, 14; 6, 6; 8, 7. 8; 24; 9, 7; 13, 11. 13; Галат. 5, 6. 13—14. 22; Ефес. 1, 4. 15; 2, 4; 3, 17. 19; 4, 2. 15. 16; 5, 2. 25. 28. 33; 6, 23; Филип. 1, 9. 17; 2, 1. 2; Колос. 1, 4. 8. 13; 2, 2; 3, 14; 1 Сол. 1, 3; 3, 6. 12; 4, 9; 5, 8; 2 Сол. 1, 3; 2, 10; 3, 5; 1 Тим. 1, 5. 14; 2, 15; 4, 12; 6, 11; 2 Тим. 1. 7; 2, 22; 3, 10; Евр. 6, 10; 10, 24 и др.

Сравнивая это истинно—христіанское ученіе о любви, которое нами изложено непосредственно собственными словами Христа и Его апостоловъ, съ тѣмъ, которое излагаетъ Толстой въ разбираемой книгѣ и которое онъ хочетъ выдать за ученіе христіанское, мы должны придти къ заключенію, что между ними нѣтъ ничего общаго. Христіанская любовь имѣетъ свой безпредѣльный источникъ въ Богѣ; Толстовская—только въ человѣкѣ; христіанская любовь имѣетъ разумное и осмысленное побужденіе для себя въ безпредѣльномъ чувствѣ благодарности за полученныя отъ Бога неизреченныя благодѣянія; толстовская—не имѣетъ для себя совершенно никакого побужденія, кромѣ грубо—эгоистическихъ цѣлей. Предметомъ христіанской любви дѣйствительно является Богъ, Существо Высочайшее и отдѣльное отъ человѣка, имѣющее свое собственное отдѣльное, реальное, личное и ни отъ кого независимое бытіе; предметомъ толстовской любви можетъ быть никто другой, какъ человѣкъ, любящій только самаго себя, свою идею. У христіанина любовь

имѣетъ всѣ истинныя свойства и признаки любви; у Толстого же любви, собственно говоря, нѣтъ вовсе; у него она обращена въ самый грубый и всепоглощающій эгоизмъ.

Такое искаженіе христіанскаго ученія о любви къ Богу для Толстого—повторяемъ—было неизбѣжно, когда онъ потерялъ вѣру въ живаго Бога, въ Его личное и отдѣльное бытіе. Это—участь каждаго пантеистическаго философа. Если Бога нѣтъ, то Его мѣсто долженъ занять человѣкъ съ усвоеніемъ ему всего того, что должно принадлежать только единому Богу; поэтому и любовь къ Богу у пантеистовъ непремѣнно переносится на человѣка. Напрасно только трудился Толстой, опровергая позитивистовъ, замѣняющихъ христіанское ученіе о любви къ Богу ученіемъ о любви къ человѣчеству. Онъ не разошелся съ ними, хотя, повидимому, и хотѣлъ бы это сдѣлать. Отказавшись отъ вѣры въ бытіе личнаго Бога, и онъ поставилъ на Его мѣсто лишь самаго себя, человѣка. Какъ мы видѣли, по его собственнымъ словамъ [1]), человѣкъ есть не что иное, какъ самъ Богъ, такой же точно Богъ, какъ и Отецъ, но только заключенный въ животную оболочку. Этого-то бога Толстой лишь и знаетъ, его онъ только и любитъ, ему онъ только и поклоняется и служитъ...

Говоря о римскихъ идолопоклонникахъ, олицетворявшихъ въ своихъ богахъ себя самихъ или идею человѣчества, заключенную въ чувственную оболочку, и покланявшихся, очевидно, только себѣ или идеѣ человѣчества, св. Апостолъ Павелъ говорилъ: „они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетилось въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце; называя себя мудрыми, обезумѣли, и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ, подобный тлѣнному человѣку... Они замѣнили истину Божію ложью... И какъ они не заботились имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму“ (Рим. 1, 21.—23. 25. 28).

Толстой и толстовцы, какъ можно было видѣть изъ сказаннаго, недалеко ушли отъ древне-языческихъ идолопоклонниковъ, „преданныхъ превратному уму“...

---

[1]) Ч. I. Стр. 154.

V.

Соціально-нигилистическія и анархическія чаянія Толстого.

Идеалъ новаго переустройства (вѣрнѣе сказать разстройства) внѣшней жизни людей, который вотъ уже болѣе десяти лѣтъ Толстой навязываетъ русскому обществу, въ своихъ существенныхъ чертахъ, конечно, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ. О немъ Толстой постоянно твердитъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ послѣдняго девятилѣтія—какъ цензурныхъ, такъ и подпольныхъ, изъ которыхъ послѣднія, безъ сомнѣнія, пользуются среди русскаго общества гораздо большею популярностію, чѣмъ первыя. Въ разбираемомъ нами сочиненіи—„Царство Божіе внутри васъ“,—собственно говоря, не прибавлено ничего новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что было высказано Толстымъ въ его прежнихъ, даже цензурныхъ сочиненіяхъ, въ особенности въ его сказкѣ объ Иванѣ-дуракѣ. Здѣсь онъ говоритъ о своемъ любимомъ предметѣ только съ большею откровенностію и наивностію, съ большею подробностію и съ постоянными ссылками на свои авторитеты, которыми являются для него соціалистическіе писатели западной Европы. Мы охотно бы оставили безъ вниманія и не рѣшились бы подвергать критическому разбору всѣ безразсудныя и сумасбродныя соціально-нигилистическія, коммунистическія и анархическія чаянія Толстого, которымъ въ разбираемомъ сочиненіи онъ посвятилъ двѣ трети своего труда, тѣмъ болѣе, что всѣ эти разсужденія, какъ противорѣчащія требованіямъ здраваго разума, и преслѣдующія явно преступныя цѣли, скорѣе должны подлежать вѣдѣнію жандармскаго управленія, чѣмъ литературной критикѣ. Но дѣло въ томъ, что весь центръ тяжести, весь интересъ разбираемаго нами сочиненія находится не въ религіозныхъ, а въ соціально-нигилистическихъ сужденіяхъ Толстого. Первыя у него имѣютъ значеніе лишь подготовленія читателей къ послѣднимъ съ особеннымъ способомъ запутыванія ихъ сужденій и извращенія ихъ христіанскихъ понятій. Каждый прочитавшій со вниманіемъ послѣднее сочиненіе Толстого, безъ сомнѣнія, придетъ къ убѣжденію, что если бы онъ не поставилъ своею главною цѣлію—

совершенное разрушеніе существующаго устройства общественной и государственной жизни, то онъ не видѣлъ бы ничего противнаго христіанскому ученію ни въ присягѣ, ни въ военной службѣ, ни въ судѣ, ни въ государственныхъ податяхъ, ни въ повиновеніи властямъ. Кромѣ того, необходимо критически провѣрить соціально-нигилистическія разсужденія Толстого еще и потому, что нашлись люди, которые рѣшились при помощи періодической печати пропагандировать его разрушительныя идеи...

Необходимость разрушенія существующаго нынѣ устройства общественной и государственной жизни, по мнѣнію Толстого, вытекаетъ изъ тѣхъ недостатковъ, которые усматриваются въ этомъ устройствѣ жизни; а недостатки эти происходятъ отъ противорѣчій нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ. Послѣ этого казалось бы, что, по требованію здравой логики, нужно разсуждать такимъ образомъ: стремись къ уничтоженію противорѣчій между христіанскимъ сознаніемъ и жизнію; тогда уничтожатся и всѣ недостатки какъ въ общественной, такъ и въ государственной жизни, а вмѣстѣ съ ними уничтожится уже и *самая необходимость* разрушенія существующаго устройства общественной и государственной жизни. Но по логикѣ Толстого выходитъ не то. Онъ требуетъ разрушенія государства, предполагая, что вмѣстѣ съ этимъ уничтожатся всѣ недостатки нашей общественной и государственной жизни, а также и всѣ противорѣчія нашей жизни съ нашимъ христіанскимъ сознаніемъ. Толстой въ этомъ отношеніи похожъ на врага, который рѣшился бы уничтожать болѣзненные наросты на тѣлѣ людей не вырѣзываніемъ ихъ, а умерщвленіемъ самыхъ людей. Подробнѣе мы будемъ говорить объ этомъ взглядѣ Толстого еще въ свое время; а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ противорѣчій, которыя Толстой указываетъ между нашею жизнію и нашимъ христіанскимъ сознаніемъ, и которыя привели его къ убѣжденію въ необходимости разрушенія существующаго устройства нашей общественной и государственной жизни.

Какія же это противорѣчія и въ чемъ они выражаются? Вопросъ этотъ—самая любимая тема для разсужденій Толстого.

Въ этомъ случаѣ онъ не жалѣетъ самыхъ мрачныхъ красокъ и прилагаетъ все свое стараніе и свои поэтическія дарованія къ тому, чтобы дать отвѣтъ, который могъ бы произвести на читателя самое сильное впечатлѣніе. „Стоитъ только сличить практику жизни съ ея теоріей,—говоритъ онъ [1]), чтобы ужаснуться передъ тѣмъ вопіющимъ противорѣчіемъ условій жизни и нашего сознанія, въ которомъ мы живемъ. Вся жизнь наша есть сплошное противорѣчіе всему тому, что мы знаемъ и что мы считаемъ нужнымъ и должнымъ. Противорѣчіе это — во всемъ: и въ экономической, и государственной, и международной жизни. Мы, какъ будто забывъ то, что знаемъ, и на время отложивъ то, во что мы вѣримъ (не можемъ не вѣрить, потому что это наши единственныя основы жизни), дѣлаемъ все навыворотъ того, чего требуетъ отъ насъ наша совѣсть и нашъ здоровый смыслъ... Всякій человѣкъ нашего времени знаетъ, что люди всѣ имѣютъ одинаковыя права на жизнь и блага міра, что одни люди не лучше и не хуже другихъ, что всѣ люди равны. Всякій знаетъ это несомнѣнно твердо всѣмъ существомъ своимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не только видитъ вокругъ себя дѣленіе всѣхъ людей на двѣ касты: одну трудящуюся, угнетенную, нуждающуюся и страдающую, а другую— праздную, угнетающую, роскошествующую и веселящуюся,—не только видитъ, но волей неволей съ той или другой стороны принимаетъ участіе въ этомъ отвергаемомъ его сознаніемъ раздѣленіи людей, и не можетъ не страдать отъ сознанія такого противорѣчія и участія въ немъ“ [2]).

Въ частности, по словамъ Толстого [3]), отъ сознанія этихъ противорѣчій страдаетъ „рабочій нашего времени“. „По всѣмъ даннымъ и по всему, что я знаю, что исповѣдуютъ всѣ“, такъ (будтобы) говоритъ рабочій человѣкъ [4]), „я бы долженъ быть свободенъ, равенъ всѣмъ другимъ людямъ, любимъ; а я—рабъ (?), я униженъ (?) и ненавидимъ“ (?!) „И онъ самъ, по словамъ Толстого [5]), ненавидитъ и ищетъ средствъ спастись отъ своего

[1]) Ч. 1. стр. 163.
[2]) Ч. стр. 166.
[3]) Тамъ-же стр. 167.
[4]) Стр. 168.
[5]) Тамъ-же.

положенія, свергнуть съ себя навалившагося на него врага и самому сѣсть на него". „Еще въ большемъ противорѣчіи и *страданіи* живетъ человѣкъ такъ называемаго образованнаго класса" [1]), выше причисленный къ кастѣ „праздной, угнетающей, раскошествующей и *веселящейся*. Вся жизнь нашихъ высшихъ классовъ есть сплошное противорѣчіе, тѣмъ болѣе мучительное, чѣмъ чутче нравственное сознаніе человѣка". Противорѣчіе это Толстой рисуетъ [2]) въ такомъ видѣ: „Мы всѣ братья, а между тѣмъ каждое утро братъ или сестра выноситъ мой горшокъ. Мы всѣ братья, а мнѣ утромъ необходима сигара, сахаръ, зеркало и т. п. предметы, на работѣ которыхъ теряли и теряютъ здоровье мои, равные мнѣ братья и сестры, а я пользуюсь этими предметами и даже требую ихъ. Мы всѣ братья, а я живу тѣмъ, что работаю въ банкѣ, или въ торговомъ домѣ и лавкѣ надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать всѣ нужные моимъ братьямъ товары дороже. Мы всѣ братья, а и живу тѣмъ, что получаю жалованье за то, чтобы уличать, судить и казнить вора или проститутку, существованіе которыхъ обусловлено всѣмъ складомъ моей жизни, и которыхъ я самъ знаю, что надо не казнить, а исправлять. Мы всѣ братья, но я живу тѣмъ, что получаю жалованье за собираніе податей съ бѣдныхъ рабочихъ для употребленія ихъ на раскошь праздныхъ и богатыхъ. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, чтобы проповѣдывать людямъ мнимо христіанскую вѣру, въ которую я самъ не вѣрю, лишающую ихъ возможности узнать истинную. Я получаю жалованье, какъ священникъ, епископъ за то, что обманываю людей въ самомъ важномъ для нихъ дѣлѣ. Мы всѣ братья, но я отдаю бѣднымъ свои педагогическіе, врачебные, литературные труды только за деньги. Мы всѣ братья, а я получаю жалованье за то, что готовлюсь къ убійству, учусь убивать, или дѣлаю оружіе, порохъ, крѣпости"... Правящіе классы по отношенію рабочихъ,—говоритъ Толстой [3]),—находятся въ положеніи подмявшаго подъ себя противника и держащаго, не выпуская его, не столько потому, что онъ не хочетъ выпустить его, сколько потому, что

[1]) Стр. 169.
[2]) Ч. 1. стр. 170.
[3]) Ч. 1. стр. 172.

стоитъ ему выпустить на мгновеніе подмятаго, чтобы самому быть сейчасъ же зарѣзаннымъ, потому что подмятый озлобленъ, и въ рукѣ его ножъ. И потому, будутъ ли они чутки или не чутки, наши богатые классы (которыхъ, какъ мы видѣли уже, Толстой относитъ къ кастѣ „веселящейся“) не могутъ наслаждаться тѣми благами, которыя они похитили (?) у бѣдныхъ... Вся жизнь и всѣ наслажденія ихъ отравлены укорами совѣсти или страхомъ“. „Таково,-заключаетъ Толстой [1]), противорѣчіе экономическое.

Хотя многія изъ указанныхъ здѣсь явленій общественной жизни вовсе не имѣютъ экономическаго характера и представлены Толстымъ крайне тенденціозно и преувеличенно; тѣмъ не менѣе существованія противорѣчій въ человѣческой жизни, конечно, отрицать нельзя, и они обнимаютъ собою даже болѣе широкую область, чѣмъ какую умѣетъ указать Толстой. Онъ находитъ ихъ лишь въ экономической, государственной и международной жизни; но онъ оставилъ безъ вниманія самый корень всѣхъ этихъ противорѣчій — личную, внутреннюю душевную, нравственную жизнь человѣка. Конечно, это сдѣлано намѣренно, а вовсе не по легкомыслію или небрежности, потому что тогда Толстому пришлось бы объяснять эти противорѣчія указаніемъ на ихъ истинную причину, а не формою государственной жизни.

Останавливаясь на явленіяхъ, указанныхъ выше и названныхъ противорѣчіями нашего сознанія и нашей жизни, мы сначала признаемъ необходимымъ рѣшить слѣдующіе вопросы: только исключительно въ наше время и только въ формѣ нашей государственной жизни существуютъ эти противорѣчія, или они существовали уже и до насъ? Толстой ли первый замѣтилъ существованіе этихъ противорѣчій въ человѣческой жизни, или они были извѣстны людямъ и раньше его? Существованіемъ ли государства нужно объяснять эти противорѣчія, или они имѣютъ свою особую причину? Наконецъ,—не могутъ ли другими средствами, кромѣ уничтоженія государствъ, быть уничтожены или по крайней мѣрѣ сглажены указываемыя Толстымъ противорѣчія въ человѣческой жизни?

[1]) Тамъ-же.

Что такія противорѣчія существовали съ тѣхъ поръ, какъ только человѣка стала знать исторія, объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ уже книга Бытія. Что уже въ патріархальныя времена человѣкъ старался разрѣшить эти противорѣчія, отыскать ихъ причину, чтобы устранить ее, — на это указываютъ всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта. Уже въ книгѣ Іова мы встрѣчаемъ ясно выраженнымъ этотъ роковой вопросъ: „Почему беззаконные живутъ, достигаютъ старости, да и силами крѣпки? Домы ихъ безопасны отъ страха, и нѣтъ жезла Божія на нихъ; восклицаютъ подъ голосъ тимпана и цитры и веселятся при звукахъ свирѣли; проводятъ дни свои въ счастьи... Одинъ умираетъ въ самой полнотѣ силъ своихъ... А другой умираетъ съ душою огорченною, не вкусивъ добра. Въ день погибели пощаженъ бываетъ злодѣй“ (Іов. 21, 7—30). „Межи передвигаютъ, угоняютъ стада и пасутъ у себя; у сиротъ уводятъ осла, у вдовы берутъ въ залогъ вола; бѣдныхъ сталкиваютъ съ дороги, всѣ уничиженные земли принуждены скрываться; нагіе ночуютъ безъ покрова и безъ одѣянія на стужѣ... Око прелюбодѣя ждетъ сумерковъ, говоря: ничей глазъ не увидитъ меня“ (Іова 24, 2—19). Іисусъ сынъ Сираховъ также ясно указываетъ на противорѣчія жизни: „Какой миръ у гіены съ собакою?“ спрашиваетъ онъ. „И какой миръ у богатаго съ бѣднымъ? Ловля львовъ—дикіе ослы въ пустынѣ, такъ пастбища богатыхъ—бѣдные. Отвратительно для гордаго смиреніе: такъ отвратителенъ для богатаго бѣдный. Когда пошатнется богатый, онъ поддерживается друзьями; а когда упадетъ бѣдный, то отталкивается и друзьями. Когда подвергнется несчастію богатый, у него много помощниковъ; сказалъ нелѣпость,— и оправдали его. Подвергся несчастію бѣднякъ, — и еще бранятъ его; сказалъ разумно, — и его не слушаютъ. Заговорилъ богатый,—и всѣ замолчали и превознесли рѣчь его до облаковъ; заговорилъ бѣдный,—и говорятъ: это кто такой? и если онъ споткнется, то совсѣмъ низвергнутъ его“ (Сир. 13, 22—29). Ап. Іаковъ спрашиваетъ: „Не богатые ли притѣсняютъ васъ, и не они ли влекутъ васъ въ суды? Не они ли безславятъ доброе имя, которымъ вы называетесь? (Іак. 2, 6. 7). Срв. Прем. Солом. 2, 1—21 и мн. др.

Оставляемъ всю нравственную отвѣтственность на совѣсти Толстого, когда онъ утверждаетъ, что всѣ священники, получающіе жалованье, проповѣдуютъ будто бы то, во что сами не вѣруютъ. Кто назвалъ сознательными обманщиками св. Апостоловъ, для того, конечно, дѣло пустое—бросить грязью въ простыхъ священниковъ! Допускаемъ (скажемъ кстати) и мы, что между достойными пастырями церкви есть и недостойные, быть можетъ, даже и невѣрующіе. Но и это противорѣчіе не есть явленіе, свойственное только одному нашему времени. Еще въ Вехтомъ Завѣтѣ на него указывалъ людямъ Самъ Богъ, говоря грѣшнику: „Что ты проповѣдуешь уставы Мои и берешь завѣтъ Мой въ уста твои, а самъ ненавидишь наставленіе Мое и слова Мои бросаешь за себя?“ (Пс. 49, 16, 17). Апостолъ Павелъ указывалъ на такое же противорѣчіе іудейскому законнику и говорилъ: „Какъ же ты, уча другаго, не учишь себя самаго? Проповѣдуя не красть, крадешь? говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь? гнушаясь идоловъ, святотатствуешь? хвалишься закономъ, а преступленіемъ закона безчестишь Бога?“ (Рим. 2, 21—23).

Итакъ, богодухновенные писатели св. книгъ еще яснѣе Толстого видѣли всѣ противорѣчія жизни съ совѣстью и Божественнымъ Откровеніемъ, находили эти явленія прискорбными, неестественными, недостойными людей и потому стремились къ уничтоженію ихъ; но какими средствами, по ихъ ученію, можно было устранить эти прискорбныя явленія? Тѣми ли, какія указываетъ Толстой? Находили ли они для этого нужнымъ возбуждать людей къ революціи, къ ниспроверженію государственной формы жизни, къ уничтоженію общественнаго строя и представителей власти? Въ существованіи ли государства и властей они усматривали причину этихъ противорѣчій, какъ усматриваетъ Толстой? Нѣтъ, истинную причину всѣхъ бѣдствій человѣческой жизни, всѣхъ этихъ противорѣчій между голосомъ совѣсти и дѣйствіями человѣка, они указывали единственно въ испорченной грѣхомъ природѣ человѣка, въ самомъ человѣкѣ, въ его злой волѣ, въ его грѣховныхъ страстяхъ и похотяхъ. По ихъ ученію, противорѣчія во внѣшней жизни человѣка исчезнутъ только тогда, когда будетъ уничтоженъ самый ихъ корень

—противорѣчія внутреннія въ душѣ человѣка; а это будетъ достигнуто только тогда, когда будетъ возстановлена испорченная грѣхомъ природа человѣческая. Мы видѣли уже, какой представляетъ ап. Павелъ нашу грѣховную природу; мы приводили уже его свидѣтельство о себѣ самомъ: „знаю, что не живетъ во мнѣ, то есть, въ плоти моей доброе, потому что желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу, уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. И такъ я нахожу законъ, что, когда хочу дѣлать доброе, прилежитъ мнѣ злое. Ибо по *внутреннему* человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ [1]) Совѣсть человѣка, созданнаго по образу Божію, или законъ Божій внутренній, говоритъ намъ о любви къ ближнимъ, а грѣховная природа наша—о мщеніи и ненависти; совѣсть указываетъ на добродѣтели цѣломудрія, воздержанія, самоотверженія, а грѣховная природа влечетъ къ порокамъ сластолюбія, изнѣженности, любостяжательности, своекорыстія, и происходящимъ отсюда преступленіямъ; совѣсть предоставляетъ намъ смиреніе, грѣховная природа возбуждаетъ въ насъ гордость и т. д. Удивительно ли, если при такой раздвоенности въ душѣ и при преобладающемъ господствѣ грѣховной природы, „мы дѣлаемъ, какъ говоритъ Толстой [2]), все навыворотъ того, чего требуетъ отъ насъ наша совѣсть и нашъ здравый смыслъ“? И естественно, что это противорѣчіе существовало, существуетъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока въ душѣ человѣка будетъ царить эта явная для всѣхъ раздвоенность. Уничтожить же ее можно только тогда, когда будетъ возстановлена испорченная грѣхомъ природа человѣческая, когда человѣкъ не только объявитъ борьбу самому себѣ, но и одержитъ надъ собою побѣду. Единственными средствами для этого Божественное Откровеніе

[1]) Рим. 7, 18—24.
[2]) Ч. I. стр. 164.

признаетъ съ одной стороны—благодать или спасительную силу Божію, съ другой—самую рѣшительную дѣятельность человѣка: усвоенія ученія Божественнаго Откровенія и согласную съ нимъ жизнь. Когда этими средствами человѣкъ уничтожитъ въ себѣ самомъ злую волю и чувственныя грѣховныя похоти, тогда исчезнутъ въ его жизни и противорѣчія. Этому насъ учитъ слово Божіе; это же подтверждаютъ и многочисленные опыты христіанскихъ подвижниковъ и великихъ угодниковъ Божіихъ. Самъ ап. Павелъ видѣлъ себя вынужденнымъ объявить борьбу своей плоти, чтобы избѣжать противорѣчій. „Усмиряю и порабощаго тѣло мое,—говоритъ онъ (1 Кор. 9, 27), дабы, проповѣдуя другимъ, самому не остаться недостойнымъ".

Не съ уничтоженія государственной формы жизни нужно начинать дѣло уничтоженія человѣческихъ противорѣчій и злоупотребленій, а съ нравственнаго возрожденія отдѣльныхъ членовъ государства. Ошибочна мысль, будто бы отъ однихъ только реформъ и преобразованій внѣшнихъ условій жизни, отъ однихъ только новыхъ уставовъ и положеній зависитъ поднятіе нравственности народа и улучшеніе его жизни. Самая лучшая, самая разумная реформа, предпринятая съ самыми благими намѣреніями, не можетъ принести счатья народу, если ея осуществленіе попадетъ въ руки безнравственныхъ и безчестныхъ людей. Напротивъ, люди добросовѣстные и богобоязненные, укрѣпленные въ духѣ истинно-христіанской нравственности, могутъ достигать благопріятныхъ результатовъ даже и при такихъ условіяхъ жизни, недостатки которыхъ очевидны для всѣхъ. Дѣло въ людяхъ, а не въ однихъ только формахъ внѣшней жизни. Такъ смотрѣлъ на это и одинъ изъ лучшихъ русскихъ писателей—Достоевскій, самъ много пострадавшій за свое стремленіе къ уничтоженію крѣпостного права. По его мнѣнію, даже крѣпостное право не было бы зломъ, еслибы и крестьяне и ихъ помѣщики были истинными христіанами, еслибы помѣщикъ такъ же любилъ крѣпостныхъ, какъ самаго себя, заботился объ ихъ благѣ, удовлетворялъ ихъ нуждамъ и т. д. И Достоевскій былъ правъ: у многихъ богобоязненныхъ помѣщиковъ крестьянамъ жилось хорошо и привольно, такъ что они даже не хотѣли воспользоваться дарованнымъ имъ освобожде-

ніемъ отъ крѣпостной зависимости. Дѣло Мальцевскихъ крестьянъ, конечно, не было единственнымъ и исключительнымъ. Такимъ образомъ для уничтоженія въ жизни противорѣчій нужно начинать съ перевоспитанія отдѣльныхъ лицъ въ духѣ истиннаго христіанства: а затѣмъ послѣдуетъ и перевоспитаніе цѣлаго общества, уничтожьте всѣ пороки, оставьте однѣ христіанскія добродѣтели,—и противорѣчія въ жизни исчезнутъ сами собою. Пусть гордецъ уничтожитъ свою гордость и усвоитъ смиреніе; пусть властолюбецъ научится, пользуясь властью, употреблять ее во благо своихъ подчиненныхъ; пусть лжецъ перестанетъ лгать; пусть дѣти научатся почитать родителей; пусть богачъ пользуется своимъ богатствомъ не для себя только, а и для другихъ; пусть бѣднякъ не завидуетъ богатому, а съ преданностію волѣ Божіей переноситъ свою бѣдность; пусть воръ перестанетъ красть, а начнетъ честно трудиться; пусть вообще всѣ научатся любить другихъ, какъ себя, и станутъ жить не для себя только, а больше для другихъ. Тогда дѣйствительно, наступитъ на землѣ миръ, который принесенъ Спасителемъ, былъ воспѣтъ въ Виѳлеемѣ ангелами, дарованъ всѣмъ людямъ въ христіанствѣ, но которымъ люди сами не хотятъ воспользоваться. Тогда наступитъ и то царство Божіе, возвѣщая которое, пророкъ говорилъ: „Волкъ и ягненокъ будутъ пастись вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ есть солому, а для змѣя прахъ будетъ пищею: они не будутъ причинять зла и вреда“ (Ис. 65, 25). „Богатство моря обратится къ тебѣ, достояніе народовъ прійдетъ къ тебѣ. Множество верблюдовъ покроетъ тебя: принесутъ золото и ладанъ. Всѣ овцы Кидарскія будутъ собраны къ тебѣ: овны Неваіоѳскія послужатъ тебѣ. И будутъ всегда отверсты врата твои, не будутъ затворятся ни днемъ, ни ночью, чтобы приносимо было къ тебѣ достояніе народовъ. И придутъ къ тебѣ съ покорностью сыновья угнетавшихъ тебя, и падутъ къ стопамъ ногъ твоихъ всѣ презиравшіе тебя. Не слышно будетъ болѣ *насилія* въ землѣ твоей, опустошенія и раззоренія—въ предѣлахъ твоихъ“. (Ис. 60, 5—7. 11. 14. 18).

Толстой не вѣритъ этому ученію Божественнаго Откровенія; онъ предпочитаетъ ему ученіе французскихъ коммунистовъ прошлаго столѣтія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Ему нѣтъ дѣла

до того, къ какимъ прискорбнымъ результатамъ привело французовъ это ученіе; онъ съ непонятною самоувѣренностію надѣется достигнуть при помощи этого же самаго ученія совершенно другихъ результатовъ. Конечно, Толстой можетъ думать, что ему угодно; но онъ поступаетъ несправедливо, когда это ученіе французскихъ коммунистовъ отожествляетъ съ ученіемъ христіанскимъ... По ученію христіанскому, всѣ люди братья, потому что всѣ произошли отъ одного общаго родоначальника—Адама, всѣ—братья,—потому что всѣ возрождены Іисусомъ Христомъ, Который и далъ всѣмъ право быть чадами Божіими; всѣ равны предъ Богомъ, потому что „во Адамѣ всѣ согрѣшили“ и безъ искупительной жертвы Христа не могли бы сами достигнуть своего спасенія; всѣмъ равно дарованы всѣ средства ко спасенію... Никакого другого равенства между людьми христіанство не знаетъ. Какъ у обыкновенныхъ родителей дѣти бываютъ съ различными способностями и дарованіями; такъ и среди чадъ Божіихъ—во всемъ родѣ человѣческомъ. Одному дано десять талантовъ, другому пять талантовъ, а инымъ—только по одному таланту; но за то, кому дано много, отъ того много и потребуется, и кому много ввѣрено, съ того больше взыщутъ (Лук. 12, 48). Спаситель знаетъ богатыхъ и нищихъ и даже засвидѣтельствовалъ, что среди людей нищіе будутъ существовать всегда (Марк. 14, 7; Матѳ. 26, 11; Іоан. 12, 8); Онъ училъ, что рабъ никогда не будетъ больше господина своего и посланникъ—больше пославшаго его (Іоан. 13, 16; 15, 20), что ученикъ не долженъ быть выше учителя (Матѳ. 10, 24; Лук. 6, 40). Это же самое ученіе проповѣдывали и апостолы. Они также знаютъ богатыхъ и бѣдныхъ (Іак. 2, 2. 3. 5. 6. Рим. 15, 26; 2 Кор. 6, 10: Галат. 2, 10), людей, отличающихся другъ отъ друга по своимъ способностямъ, дарованіямъ и внѣшнему положенію. Истину этого христіанскаго ученія подтверждаетъ и исторія, и ежедневный опытъ. Да и самъ Толстой, съ особенною ревностію проповѣдующій равенство людей, на самомъ дѣлѣ не только не признаетъ его, но положительно опровергаетъ его на каждой страницѣ своей книги, противорѣча такимъ образомъ самому себѣ. По крайней мѣрѣ, себя и своихъ послѣдователей онъ всегда ставитъ и по

умственнымъ способностямъ, и по нравственности, и по практической жизни неизмѣримо выше всѣхъ другихъ людей... Но объ этомъ мы уже говорили.

Второе противорѣчіе жизни поражаетъ Толстого еще болѣе, чѣмъ разсмотрѣнное нами; онъ называетъ его *государственнымъ*. Оно состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что люди подчиняются государственнымъ законамъ. „Вѣдь мы знаемъ, какъ дѣлаются законы,—говоритъ онъ [1]), - мы всѣ были за кулисами, мы всѣ знаемъ, эти *законы суть произведенія корысти, обмана, борьбы партій,* — что въ нихъ нѣтъ и не можетъ быть истинной справедливости. И потому люди нашего времени не могутъ вѣрить тому, чтобы повиновеніе законамъ гражданскимъ или государственнымъ удовлетворяло бы требованіямъ разумности человѣческой природы. Люди давно уже знаютъ, что неразумно повиноваться такому закону, въ истинности котораго можетъ быть сомнѣніе, и потому не могутъ не страдать, повинуясь закону, разумность и обязательность котораго не признаютъ“. Въ частности *государственное* противорѣчіе, по словамъ Толстого, выражается въ слѣдующемъ: „Мы признаемъ ненужность таможенъ и заграничныхъ пошлинъ, и должны платить ихъ, признаемъ безполезными расходы на содержаніе двора и многихъ чиновъ управленія; *признаемъ вредной проповѣдь церковную* (?), и должны участвовать въ поддержаніи этихъ (?) учрежденій; мы признаемъ жестокими и *безсовѣстными* (?) наказанія, накладываемыя судами, и должны участвовать въ нихъ; признаемъ неправильнымъ и вреднымъ распредѣленіе земельной собственности, и должны подчиняться ему; не признаемъ необходимости войскъ и войны, и должны нести страшныя тяжести для содержанія войскъ и веденія войнъ и т. п.“ Вотъ все, что Толстой нашелся сказать объ усмотрѣнномъ имъ въ жизни *государственномъ* противорѣчіи. Государственные законы, по его мнѣнію, не хороши только потому, что не покровительствуютъ разрушительнымъ теоріямъ грубаго соціализма: охраняютъ частную собственность и личную безопасность каждаго подданнаго; вѣрный соціально-коммунистическому ученію, онъ возстаетъ про-

[1]) Ч. I, стр. 174.

тивъ государственныхъ податей и пошлинъ, указывая лишь на возможность ихъ „безполезнаго расходованія“ и намѣренно умалчивая о томъ, сколько государство расходуетъ на народныя нужды и потребности: на защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ и на предупрежденіе внутреннихъ безпорядковъ, на школы, больницы, пріюты, богадѣльни, устройство путей сообщенія, улучшеніе народнаго хозяйства и т. д. и т. д. Какъ врагъ христіанства, Толстой и здѣсь, уже безъ всякаго повода и основанія, говоритъ о *вредѣ церковной проповѣди* только потому, что она *церковная*, и въ самомъ существованіи ея видитъ *государственное* противорѣчіе!... Если бы Толстой былъ болѣе справедливъ и безпристрастенъ, онъ, конечно, выражался бы нѣсколько точнѣе и опредѣленнѣе: вмѣсто: „мы признаемъ“, „*всѣ* мы знаемъ“ онъ говорилъ бы прямо: „мы — коммунисты, нигилисты и анархисты — признаемъ“. Ибо, какъ можно было усмотрѣть изъ *разсужденія* его о государственномъ противорѣчіи, кромѣ общихъ соціалистически-нигилистическихъ фразъ онъ ничего не сказалъ. Но фантазіи нигилистовъ, соціалистовъ, коммунистовъ и анархистовъ русскимъ людямъ уже надоѣли и опротивѣли...

О важномъ и благотворномъ, нравственно-воспитательномъ значеніи государственнаго законодательства съ философско-юридической точки зрѣнія пришлось бы говорить слишкомъ много; разсужденіе по этому предмету, само по себѣ, могло бы составить цѣлую и весьма объемистую книгу, могло бы дать обильный матеріалъ для ученой диссертаціи. Но и для каждаго понятно, насколько не правъ Толстой, называя государственные законы „произведеніями только корысти, обмана и борьбы партій“. Охраняя права отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, гражданскіе законы имѣютъ въ виду единственную цѣль — удовлетвореніе требованіямъ истинной справедливости: „не бери того, что не твое; если ты взялъ чужое, возврати его тому, кому оно принадлежитъ“. Уголовные законы идутъ далѣе: они не караютъ только совершившихъ преступленіе и не охраняютъ только гражданъ отъ возможности совершенія преступленій въ будущемъ, но еще и воспитываютъ общество въ тѣхъ или другихъ нравственныхъ понятіяхъ; они указываютъ зло въ общественной

жизни и, наказывая преступника, этимъ самымъ ясно говорятъ всему обществу, что и въ будущемъ такое преступленіе не можетъ остаться ненаказаннымъ. Требованія государственнаго закона суть требованія народной совѣсти и потому осуждать законъ значитъ осуждать совѣсть цѣлаго народа. Но мы посмотримъ на значеніе и смыслъ государственнаго законодательства—не съ этой юридически-философской точки зрѣнія, а съ той, какъ учитъ объ этомъ христіанство.

Толстой постоянно называетъ себя „истиннымъ христіаниномъ“; но еслибы онъ дѣйствительно былъ истиннымъ христіаниномъ, то онъ никогда не сказалъ бы о государственномъ законодательствѣ того, что онъ сказалъ. По ученію христіанства, законъ вообще имѣетъ важное нравственно-воспитательное и нравственно-исправительное значеніе. Представители власти и закона суть орудія правды Божіей. Когда были написаны новозавѣтныя книги Св. Писанія, власть находилась въ рукахъ даже враговъ христіанства—язычниковъ; тѣмъ не менѣе великій Апостолъ язычниковъ пишетъ: „Всякая душа да будетъ покорна высшимъ властямъ, ибо нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены. Посему противящійся власти противится Божію установленію. А противящіеся сами навлекутъ на себя осужденіе. Ибо начальствующіе страшны не для добрыхъ дѣлъ, но для злыхъ. Хочешь ли не бояться власти? Дѣлай добро, и получишь похвалу отъ нея; ибо начальникъ есть Божій слуга, тебѣ на добро. Если же дѣлаешь зло, бойся, ибо онъ не напрасно носитъ мечъ: онъ Божій слуга, отмститель въ наказаніе дѣлающему злое. И потому надобно повиноваться не только изъ *страха* наказанія, но и по совѣсти. Для сего вы и подати платите, ибо они Божіе служители, симъ самымъ постоянно занятые“ (Рим. 13, 1—6; срв. Петр. 2, 13. 14; Тит. 3, 1; 1 Петр. 3, 13 и др.).—Въ виду этого столь ясно выраженнаго истинно-христіанскаго ученія Толстой, какъ бы для нѣкотораго оправданія своей совѣсти, ссылается [1]) на то, что теперь „въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени не вѣрятъ“, что законы, возвѣщенные даже въ

[1]) Ч. I. стр. 173.

Божественномъ Откровеніи, „*писалъ пальцемъ Богъ*“ (какое кощунственное выраженіе!) и что власть установлена Богомъ. Но что и это за оправданіе? Мало ли чему, „не вѣрятъ въ большинствѣ случаевъ люди нашего времени“? Толстой и толстовцы не вѣрятъ даже въ самое бытіе личнаго Бога!.. Не признаютъ обязательнымъ для дѣтей почитать родителей и повиноваться имъ! Но что-же изъ этого?—Истина остается истинной. Дѣйствительность ничего не теряетъ отъ того, что душевно-больные люди представляютъ ее себѣ иною, чѣмъ какова она на самомъ дѣлѣ. Не вѣруешь въ Божественное Откровеніе,— это — дѣло твоей совѣсти; но не называй же себя послѣдователемъ этого Откровенія; не вѣруешь, что христіанское ученіе проповѣдуетъ истину,—не называй же себя и христіаниномъ. Скажи прямо и откровенно: кто ты? Соціалистъ? нигилистъ? коммунистъ или анархистъ?—Тогда по крайней мѣрѣ ты не будешь водить въ потемкахъ своего читателя. Онъ будетъ знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и если признаетъ тебя заблуждающимся, не согласится съ твоими взглядами, то во всякомъ случаѣ не будетъ уличать тебя въ недобросовѣстности и безчестности. Въ томъ-то и состоитъ основная ложь всего ученія Толстого и его безчестность, какъ писателя, что онъ заимствуетъ свои положенія изъ чуждаго, даже враждебнаго христіанству источника (у позитивистовъ, пантеистовъ, соціалистовъ, коммунистовъ, нигилистовъ и даже анархистовъ), и въ то же время увѣряетъ читателя, что его ученіе—истинно христіанское...

Толстой, какъ мы видѣли, самъ указываетъ въ жизни множество противорѣчій между требованіями совѣсти и дѣйствіями людей. Съ точки зрѣнія государственнаго законодательства эти противорѣчія суть преступленія, по ученію христіанскому— грѣхи. И вотъ гражданскіе законы, основывающіеся на законѣ Божіемъ, главною цѣлію своею имѣютъ именно уничтоженіе, устраненіе, предотвращеніе или пресѣченіе этихъ противорѣчій, преступленій, или грѣховъ. По ученію христіанскому, законъ является необходимымъ послѣдствіемъ существованія преступленій, а съ другой стороны—средствомъ для опредѣленія преступленій и отличія ихъ отъ дѣйствій непротивныхъ совѣсти и волѣ Божіей. „Для чего же законъ? говоритъ Ап. Павелъ.

Онъ данъ послѣ, по причинѣ преступленій“ (Гал. 3, 19). Гдѣ нѣтъ преступленія, тамъ не нуженъ и законъ (Рим. 4, 15). Законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ, развратныхъ и осквернённыхъ, для оскорбителя отца и матери, для человѣкоубійцъ, для блудниковъ, клеветниковъ, лжецовъ, клятвопреступниковъ, и для всего, что противно здравому ученію“ (1 Тим. 1, 9—10). Кто имѣетъ „любовь, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣру, кротость, воздержаніе,—на таковыхъ нѣтъ закона“ (Гал. 5, 22, 23). „Закономъ познается грѣхъ“ (Рим. 3, 20). „И такъ законъ противенъ обѣтованіямъ Божіимъ?—Никакъ! законъ былъ для насъ дѣтоводителемъ ко Христу“ (Гал. 3, 21, 24), „законъ духовенъ“ (Рим. 7. 14), „законъ святъ“ (Рим, 7, 12), „законъ добръ“ (Рим. 7, 16; 1 Тим. 1, 8), „если кто законно употребляетъ его“ (1 Тим. 1, 8). Послѣ этого понятно, почему истинный христіанинъ, исповѣдующій, что законъ духовенъ, святъ и добръ, не можетъ утверждать вмѣстѣ съ Толстымъ, что законъ есть государственное противорѣчіе и произведеніе корысти, обмана и борьбы партій.... Апостолъ Іаковъ прямо говоритъ: „Если вы исполняете законъ царскій,—хорошо дѣлаете. Но если поступаете съ лицепріятіемъ, то грѣхъ дѣлаете, и предъ закономъ оказываетесь преступниками“ (Іак. 2, 8, 9). Истинный христіанинъ иначе и не можетъ говорить о законѣ государственномъ, если онъ не противорѣчитъ закону Божію. Христіанская любовь стоитъ, конечно, выше закона; но и законъ долженъ быть орудіемъ ея, какъ ветхозавѣтный законъ былъ для людей дѣтоводителемъ ко Христу.

Наконецъ, третье и послѣднее противорѣчіе, которое Толстой разъясняетъ съ особеннымъ усиліемъ, онъ усматриваетъ въ международныхъ сношеніяхъ. Это противорѣчіе христіанскаго сознанія и войны. Въ помощь себѣ Толстой приводитъ множество мнѣній разныхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ ученыхъ о томъ, что война и расходы по содержанію армій есть не добро, а зло. Эти мнѣнія и взгляды ученыхъ на войну занимаютъ въ книгѣ Толстого цѣлыхъ 63 страницы—отъ 176 до 239! Благодаря этому мы узнаемъ, какъ отзывались о войнѣ про-

фессоръ международнаго права графъ *Комаровскій* „въ своемъ ученомъ трактатѣ“ (?), *Энрико Ферри*, *Чарльсъ Бутъ* „въ рѣчи своей, читанной въ Лондонѣ въ ассоціаціи для реформы и кодификаціи закона народовъ 26 іюня 1887 года“, *Frederic Passy* „въ запискѣ, читанной на послѣднемъ конгрессѣ (1890 г.) всеобщаго мира въ Лондонѣ“, *Sir Wilfred Lawson*, говорившій на томъ же конгрессѣ,—*Mr. I. Iowet Wilson*, *Mr. E. D. Bartelett*, *L'abbé Defourny*, Синьоръ *E. Г. Монета*, *Maxime du Camp*, „даровитый писатель“ (другъ и послѣдователь Толстого) *E. Rod*, *Мопасанъ*, „знаменитый академикъ“ (почитатель Толстого) *Дусэ*, *Жюль Кларети (Iules Claretie)*, Э. Золя, „академикъ *Вогюэ*“ (другъ Толстого) и др. Разбираемая нами книга Толстого была издана уже въ ноябрѣ прошлаго года; а въ настоящемъ году въ Лондонѣ также былъ созванъ конгрессъ всеобщаго мира, на который были устремлены умилительные взоры всѣхъ противниковъ войны. Англійскіе ораторы въ своихъ увлекательныхъ рѣчахъ, указывая на всѣ ужасы и бѣдствія порождаемыя войнами, на тѣ громадные расходы, которыя несетъ Европа по содержанію многочисленныхъ армій, настойчиво требовали всеобщаго разоруженія и учрежденія третейскаго суда для рѣшенія всѣхъ споровъ, которые могутъ возникать между различными государствами. Рѣчи лились безъ перерыва. Не успѣвалъ окончить своей рѣчи одинъ ораторъ, какъ его мѣсто занималъ другой. Ихъ сладкія рѣчи о вѣчномъ и всеобщемъ мирѣ публика слушала съ умиленіемъ. Но вдругъ встаетъ одинъ ораторъ, обладавшій бо́льшимъ благоразуміемъ, чѣмъ его товарищи, и указываетъ на внутреннюю ложь всѣхъ ихъ сладкихъ рѣчей. „Наша англійская армія для Европы не страшна и не имѣетъ никакого значенія (такъ приблизительно гласила его рѣчь); ей страшенъ только нашъ многочисленный флотъ, на который мы производимъ слишкомъ большія и тяжелыя затраты; поэтому, если вы дѣйствительно хлопочете о мирѣ, то прежде всего потребуйте отъ правительства уничтоженія флота“. По словамъ кореспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, на эту рѣчь не послѣдовало никакихъ возраженій, и члены конгресса тихо разошлись по домамъ. Понятно, почему о всеобщемъ разоруженіи армій любятъ ораторствовать англичане...

Толстой перечислилъ всѣхъ англичанъ, которые выдаютъ себя за гуманныхъ противниковъ войны; но онъ намѣренно, конечно, умолчалъ о христіанской Церкви, которая около 2000 лѣтъ ежедневно по нѣсколько разъ возноситъ свои молитвы *о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ*, объ отвращеніи *междоусобныя брани, нашествія иноплеменниковъ* и т. п. Доказывать, что война есть зло весьма легко и удобно, потому что эта истина также ясна, какъ 2×2=4. Но съ другой стороны для каждаго должно быть ясно и то, что это зло неизбѣжное. Даже Христосъ, даровавшій міру религію любви и всепрощенія, съ прискорбіемъ долженъ былъ утверждать предъ учениками, что въ этомъ трѣховномъ мірѣ, который весь во злѣ лежитъ, войны не прекратятся никогда, и что даже Самъ Онъ принесъ на землю не миръ, но раздѣленіе (Лук. 12, 51). „Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ, ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку со свекровью ея. И враги человѣку—домашніе его“ (Матѳ. 10, 34—36). Исторія многочисленными фактами подтвердила истину этихъ словъ. Достаточно упомянуть о языческихъ гоненіяхъ на христіанъ и крестовыхъ походахъ. Указывая признаки кончины міра, Спаситель также говорилъ: „Услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь: ибо *надлежитъ всему тому быть*. Но это еще не конецъ: ибо возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство“ (Матѳ. 24, 6. 7). Хотя въ Евангеліяхъ нигдѣ не говорится о томъ, признавалъ ли Господь войну дозволенною, какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ: но можно думать, что для жизни государствъ Онъ не отрицалъ ея политическаго значенія, какъ средства защиты отъ нападенія враговъ. По крайней мѣрѣ, на вопросъ Пилата: „Ты Царь Іудейскій?“ Спаситель отвѣчалъ такъ: „Царство Мое не отъ міра сего: если-бы отъ міра сего было Царство Мое, то служители—Мои подвизались бы за Меня (οἱ ὑπηρέται ἂν οἱ Ἐμοὶ ἠγωνίζοντο), чтобы Я не былъ преданъ Іудеямъ“ (Іоан. 18, 36).

Пусть Толстой и подобные ему утописты мечтаютъ найти средство для уничтоженія войнъ, хотя они, безъ сомнѣнія, и сами не вѣрятъ тому, что говорятъ. Но истинный христіанинъ

не можетъ предаваться такимъ пустымъ мечтаніямъ праздной фантазіи. Ему, по примѣру Самаго Христа, приходится только скорбѣть о грѣховности міра и о неизбѣжности такого зла, какъ война; вѣруя словамъ Спасителя, что войны будутъ ведены до конца міра, онъ будетъ поступать по христіанскому человѣколюбію, когда, отказавшись найти средства для совершеннаго уничтоженія войнъ, будетъ заботиться объ устраненіи различныхъ поводовъ къ войнѣ и объ облегченіи тѣхъ ужасныхъ бѣдствій, которыя всегда влекутъ за собою ожесточенныя войны.

Главная цѣль, къ которой направлены всѣ стремленія Толстого, есть собственно разрушеніе существующаго порядка государственной жизни. О войнѣ онъ говоритъ съ крайнимъ возмущеніемъ не только потому, что она есть зло сама по себѣ, но и потому, что чрезъ это для него является возможность въ такомъ же ужасномъ, мрачномъ видѣ представить и военную службу, на которую онъ смотритъ, какъ на главную внѣшнюю опору государства. Желая, во что бы то ни стало, нарисовать самую мрачную картину войны и военной службы, Толстой прибѣгаетъ къ помощи пріемовъ явно тенденціозныхъ и ведетъ дѣло съ очевидною для читателя предвзятостію. Онъ не видитъ даже серьезныхъ побужденій къ войнѣ. „Правда, теперь уже не воюютъ изъ за того, что одинъ король не исполнилъ учтивости относительно лыбовницы другого, говоритъ онъ [1]), но, преувеличивая *почтенныя* и *естественныя чувства* національнаго достоинства и патріотизма и возбуждая общественное мнѣніе одного народа противъ другого, доходятъ, наконецъ, до того, что становится достаточнымъ того, чтобы было сказано,—хотя бы извѣстіе и было невѣрно,—что посланникъ вашего государства не былъ принятъ главой другого государства, для того, чтобы разразилась самая ужасная и гибельная война изъ всѣхъ тѣхъ, которыя когда либо были“. Если читатель обратитъ достаточное вниманіе на то, какими причинами были вызваны, напр., нами послѣднія войны съ Турціей—Крымская и Восточная, то ясно увидитъ, насколько невѣрны и легко-

[1]) Ч. I, стр. 186.

мысленны разсужденія Толстого. Изъ исторіи этихъ войнъ видно что не правители возбуждали общественное мнѣніе одного народа противъ другого, а самъ народъ вынуждалъ правителей объявлять войну. Какъ поэтъ, которому должны быть извѣстны всѣ движенія души человѣческой, Толстой легко могъ бы представить, сколько безсонныхъ ночей провели наши въ Бозѣ почивающіе Государи, сколько душевныхъ мученій испытали Они, прежде чѣмъ рѣшились объявить войну Турціи. Смерть множества людей—дѣло ужасное! Но русскій народъ—отъ простого рабочаго до высшаго представителя русской прессы—требовалъ самымъ настойчивымъ образомъ этой жертвы для искупленія своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ. Добровольцы, по собственной иниціативѣ, массами отправлялись на мѣсто кровопролитія. И только послѣ этого, въ виду совершенной невозможности уладить дѣло съ Турціей, послѣ употребленія всѣхъ другихъ средствъ при помощи дипломатіи, не имѣя силъ противиться требованію русскаго народа, правительство объявило эти войны. Дѣло это было недавно; истину сказаннаго нами провѣрить легко, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко увидѣть, насколько невѣрны сужденія Толстого.

Главною причиною войны Толстой признаетъ чувство патріотизма [1]). Это чувство онъ считаетъ эгоистическимъ, а потому ложнымъ и противухристіанскимъ, такъ какъ оно будтобы несоединимо съ обязанностію христіанина одинаково любить всѣхъ людей. Впрочемъ въ иныхъ мѣстахъ, какъ и въ приведенномъ нами выше, онъ, въ полномъ противорѣчіи самому себѣ, чувство патріотизма называетъ уже *почтеннымъ* и *естественнымъ* [2]). Чему же вѣрить? Но такъ какъ подобныя противорѣчія у Толстого слишкомъ многочисленны и неразрѣшимы, то мы оставляемъ открытымъ и этотъ вопросъ [3]). Отмѣтимъ только, что, по христіанскому ученію, патріотизмъ дѣйствительно признается чувствомъ *естественнымъ* и *почтеннымъ*. „Если кто о сво-

[1]) Ч. 1, стр. 186, 194.

[2]) Ч. 1, стр. 186.

[3]) Интересно, что, осуждая чувство патріотизма у русскихъ людей, Толстой находитъ естественнымъ проявленіе сепаратизма у поляковъ, остзейскихъ нѣмцевъ и евреевъ. Ср. Ч. II, стр. 50.

ихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрекся отъ вѣры и хуже невѣрнаго“ (1 Тим. 5, 8). „Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ,—говоритъ ап. Павелъ (Рим. 9, 1—4),—что великая для меня печаль и непрестанное мученіе сердцу моему: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ“. Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ не былъ чуждъ патріотическаго чувства. Это доказываетъ вся исторія Его земной жизни. Для подтвержденія этого мы не будемъ ссылаться на Его любовь къ Галилеѣ, Тиверіадскому озеру, „*Своему городу*“ [1]) Капернауму; мы напомнимъ только читателю о томъ, какъ за нѣсколько дней до Своихъ крестныхъ страданій, во время торжественнаго входа въ столицу Палестины, Спаситель, взглянувъ на Іерусалимъ, „заплакалъ о немъ и сказалъ: о если бы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служитъ къ миру твоему!“ (Лук. 19, 42). Сколько проявлено въ этихъ словахъ и этихъ слезахъ любви къ священному для каждаго іудея городу! Могъ ли послѣ этого Христосъ, Самъ плакавшій объ Іерусалимѣ, осудить тѣхъ іудеевъ, которые, движимые чувствомъ благороднаго патріотизма, также со слезами говорили нѣкогда, обращаясь къ тому же городу: „При рѣкахъ Вавилона тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ... Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой? Если я забуду тебя, Іерусалимъ,—забудь меня десница моя; прильни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя, если не поставлю Іерусалима во главѣ веселія моего“ (Ис. 136, 1. 4—6). А если христіанство не можетъ осуждать іудейскаго патріотизма, котораго не былъ чуждъ и Самъ Спаситель, то какъ же оно будетъ осуждать патріотизмъ вообще?...

Толстой возмущается войною главнымъ образомъ потому, что ради нея, въ Европѣ держится подъ ружьемъ 28.000,000 молодыхъ людей и что на содержаніе ихъ съ 1872 года (до какого года—неизвѣстно) народы Европы издержали 15 мильярдовъ рублей) [2]). По этой же причинѣ онъ крайне возмущается

[1]) Мѳ. 9, 1.

[2]) Ч. I. стр. 181. 182.

и общею военною повинностью, которую онъ считаетъ „послѣднимъ предѣломъ противорѣчія, дальше котораго идти нельзя“ [1]). При этомъ онъ доказываетъ вредъ общей воинской повинности еще тѣмъ, что она „отрываетъ всѣхъ мущинъ отъ обычнаго теченія жизни и нарушаетъ возможность самаго труда“ [2]). „Угрозы войны, готовой всякую минуту разразиться,—говоритъ Толстой [3]),—дѣлаютъ безполезными и тщетными всѣ усовершенствованія общественной жизни“. Несправедливость этого разсужденія увидѣть легко; для этого нужно только провѣрить его съ дѣйствительностію, и тогда окажется: 1) что общая воинская повинность не есть „послѣдній предѣлъ противорѣчія“, а есть только дѣло справедливости—уравненіе подданныхъ въ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству, благодаря чему одинаковыя обязанности возлагаются какъ на сына сенатора, такъ и на сына послѣдняго крестьянина; 2) что общая воинская повинность вовсе не отрываетъ *всѣхъ* мущинъ отъ обычнаго теченія жизни, а изъ *всѣхъ* она беретъ для военной службы столько, сколько бралось и до общей воинской повинности; и, наконецъ, 3) что, слѣдовательно, общая воинская повинность не помѣшала усовершенствованіямъ общественной жизни; напротивъ, ежедневный опытъ свидѣтельствуетъ, что со времени введенія общей воинской повинности постоянно увеличиваются разныя усовершенствованія, какъ по земледѣлію и веденію сельскаго хозяйства, такъ и въ ремеслахъ.

У Толстого есть нѣчто роковое—путаться въ непонятныхъ противорѣчіяхъ, имъ же самимъ постоянно измышляемыхъ. Не удивительно поэтому, что въ VII главѣ своей книги онъ уже противорѣчитъ тому, что онъ утверждалъ въ двухъ предшествующихъ. Теперь уже оказывается, что главное зло государственной жизни не въ войнахъ съ сосѣдями, а въ войнѣ государства съ своими подданными. Войска уже оказываются нужными не для войны съ враждебными народами. „Войска, говоритъ Толстой [4]), прежде всего нужны всякому правительству

---

[1]) Ч. 1, стр. 240.
[2]) Ч. 1, стр. 258.
[3]) Тамъ-же.
[4]) Ч. I. стр. 254.

и правящимъ классамъ для того, чтобы поддержать тотъ порядокъ вещей, который не только не вытекаетъ изъ потребности народа, но часто прямо противоположенъ ему, и выгоденъ только правительству и правящимъ классамъ. Войска нужны всякому правительству прежде всего для содержанія въ покорности своихъ подданныхъ и для пользованія ихъ трудами". Однимъ словомъ, войска нужны для поддержанія власти; но власть сама по себѣ есть явленіе безнравственное, потому что „основа власти есть тѣлесное насиліе [1])". Поэтому и „люди, находящіеся у власти,—говоритъ Толстой [2]),—будь они министры, полицмейстеры, городовые—всегда, вслѣдствіе того, что они имѣютъ власть, дѣлаются болѣе склонными къ безнравственности"; „люди имѣющіе власть, именно вслѣдствіе обладанія властью, всегда не святы [3])"; обладаніе властью развращаетъ людей [4])"; захватывать и удерживать власть никакъ не могутъ болѣе добрые [5])"; „безъ возвеличиванія себя и униженія другихъ, безъ лицемѣрія, обмановъ, безъ тюремъ, крѣпостей, казней, убійствъ не можетъ ни возникнуть, ни держаться никакая власть [6])"; злые всегда властвуютъ надъ добрыми [7])"; „поэтому подчиненіе власти государства совершенно безполезно [8])". Таковы сужденія Толстого о государственной власти. Но этого мало. Онъ идетъ въ этомъ направленіи далѣе и прямо, какъ обыкновенный бунтарь анархистъ, начинаетъ возбуждать своихъ послѣдователей къ открытому неповиновенію государственной власти, доказывая [9]) рядомъ софизмовъ, что „исполненіе требованій государства и подчиненіе себя воинской повинности для человѣка въ большей части случаевъ невыгоднѣе, чѣмъ отказъ отъ нея". „Если я принадлежу къ меньшинству угнетателей, говоритъ Толстой [10]), невы-

---

1) Ч. I. стр. 243.
2) Стр. 244.
3) Ч. I. стр. 245.
4) Ч. I. стр. 248.
5) Ч. II. стр. 45.
6) Тамъ же.
7) Ч. II стр 48 и мн. др.
8) Ч. I. стр. 258.
9) Ч. I. стр. 265.
10) Ч. I. стр. 266—268.

годы неподчиненія требованіямъ правительства будутъ состоять въ томъ, что меня, какъ отказавшагося исполнить требованія правительства, будутъ судить и въ лучшемъ случаѣ или оправдаютъ или, какъ поступаютъ у насъ съ менонитами,—заставятъ отбывать срокъ службы на невоенной работѣ; въ худшемъ же случаѣ приговорятъ къ ссылкѣ или заключенію въ тюрьму на два или на 3 года (я говорю по примѣрамъ бывшимъ въ Россіи), или, можетъ быть, и на болѣе долгое заключеніе, можетъ быть и на казнь, хотя вѣроятіе такого наказанія очень мало. Таковы невыгоды не подчиненія. Невыгоды же подчиненія будутъ состоять въ слѣдующемъ: въ лучшемъ случаѣ меня не пошлютъ на убійство людей и самаго не подвергнутъ большимъ вѣроятіямъ искалѣченія и смерти, а только зачислятъ въ военное рабство: я буду наряженъ въ шутовской парядъ (будто тепершняя блуза Толстого *для него* не шутовской нарядъ!), мною будетъ помыкать всякій человѣкъ выше меня чиномъ (а для гордеца это тяжело!)—отъ ефрейтора до фельдмаршала, меня заставятъ кривляться тѣломъ, какъ имъ этого хочется, и, продержавъ меня отъ одного до пяти лѣтъ, оставятъ меня на десять лѣтъ въ положеніи готовности всякую минуту явиться опять на исполненіе всѣхъ этихъ дѣлъ. Въ худшемъ же случаѣ будетъ то, что при всѣхъ же прежнихъ условіяхъ рабства меня еще пошлютъ на войну, гдѣ я вынужденъ буду убивать ничего не сдѣлавшихъ мнѣ людей чужихъ народовъ, гдѣ могу быть искалѣченъ и убитъ (казненнымъ, значитъ, быть лучше!) и гдѣ могу попасть въ такое мѣсто, какъ это бывало въ Севастополѣ и какъ бываетъ во всякой войнѣ, гдѣ люди посылаются на вѣрную смерть, и что мучительнѣе всего, могу быть посланъ противъ своихъ же соотечественниковъ (отрицаніе и осужденіе патріотизма—и любовь къ соотечественникамъ!) и буду убивать своихъ братьевъ (!?) для династическихъ и совершенно чуждыхъ мнѣ правительственныхъ интересовъ.—Таковы сравнительныя невыгоды. Сравнительныя же выгоды подчиненія и неподчиненія слѣдующія: Для неотказавшагося выгоды будутъ состоять въ томъ, что онъ, подвергнувшись всѣмъ униженіямъ (?) и исполнивъ всѣ жестокости (?!), которыя отъ него требуются, можетъ не будучи убитымъ получить украшенія красныя, золотыя, мишурныя на

свой шутовскій нарядъ (опять нарядъ!), можетъ въ лучшемъ случаѣ распоряжаться надъ сотнями тысячъ такихъ же какъ и онъ *оскотиненныхъ* (?!) людей и называться фельдмаршаломъ и получать много денегъ. Выгоды же отказавшагося будутъ состоять въ томъ, что онъ сохранитъ свое человѣческое достоинство (?), получитъ уваженіе *добрыхъ людей*, и главное—будетъ несомнѣнно знать, что онъ дѣлаетъ *дѣло Божье*, (?!) и потому—несомнѣнное добро людямъ. (Дѣлать добро людямъ такимъ образомъ, по Толстому, значитъ—не повиноваться правительству!). Невыгоды для человѣка изъ рабочаго класса, не отказавшагося отъ военной службы, будутъ еще состоять въ томъ, что, поступая въ военную службу, онъ своимъ участіемъ и какъ-бы согласіемъ закрѣпляетъ то угнетеніе, въ которомъ находится онъ самъ".

Думаемъ, что если бы мы это разсужденіе Толстого изложили своими словами, а не его собственными, съ точнымъ обозначеніемъ страницъ книги, на которыхъ оно помѣщено, то многіе изъ почитателей яснополянскаго лжепророка, до сихъ поръ не понявшіе его и продолжающіе считать его только простымъ мистикомъ и утопистомъ, честнымъ мыслителемъ или искателемъ истины, конечно, не повѣрили бы тому, что мы не исказили намѣренно его мысли. И эти люди были бы отчасти правы. Быть можетъ, мы и сами бы такъ подумали, если бы другіе намъ передали содержаніе книги Толстого, а не прочитали ея нѣсколько разъ мы сами. Приведенная нами выдержка изъ послѣдняго сочиненія Толстого—„Царство Божіе внутри васъ"—болѣе похожа на прокламацію безшабашнаго анархиста, чѣмъ на спокойное разсужденіе философствующаго мыслителя. Но ложь анархизма теперь уже признана всѣми не только теоретически, но и практически—горькимъ опытомъ. Послѣдніе анархическіе процессы и до цинизма откровенныя показанія такихъ анархистовъ, какъ Ревашоль и Анри, ясно показали міру, что это за люди; ихъ прошлое омрачено и запятнано безнравственностію и безчеловѣчными преступленіями; ихъ жадность ненасытима; ими движутъ исключительно эгоистическія побужденія; они возстали противъ власти и государства, противъ всѣхъ и каждаго, только потому, что, явившись на міровой банкетъ, не нашли *для себя* приготовленнаго при-

бора и жирнаго, вкуснаго блюда. Такой же эгоизмъ проглядываетъ и въ приведенномъ сужденіи Толстого. Онъ не хочетъ подчиняться правительству и поступать въ военную службу только потому, что надъ нимъ будетъ командовать человѣкъ выше его чиномъ; онъ боится, чтобы его не убили, не искалѣчили; ему не нравится въ военной службѣ, что на него надѣнутъ *шутовскій* нарядъ придуманный другими, хотя онъ охотно натянулъ на себя гораздо болѣе шутовскій нарядъ, но избранный имъ самимъ; онъ не хочетъ поступать въ военную службу, потому что для него выгоднѣе просидѣть два года въ острогѣ, чѣмъ четыре года на дѣйствительной службѣ въ войскахъ и т. д.

Впрочемъ, самъ по себѣ, анархизмъ Толстого насъ даже мало интересуетъ; его ложь очевидна; она разоблачена во Франціи самыми дѣйствіями анархистовъ. Но насъ возмущаетъ то, что свои анархическія воззрѣнія Толстой называетъ „истинно-христіанскимъ ученіемъ“, „дѣломъ Божіимъ“, „заповѣдію о любви къ ближнему“. Странно даже доказывать, что христіанское ученіе и въ этомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ анархическимъ ученіемъ Толстого. По ученію христіанскому, власть не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго и никого не развращаетъ; она есть средство для пользы и блага людей и основывается главнымъ образомъ на высшихъ нравственныхъ началахъ—вѣрѣ въ Бога, любви къ ближнимъ и совѣсти каждаго христіанина; поэтому пользующіеся властію не только не злые люди, а напротивъ—наиболѣе добрые. Злоупотребленія властію ничего не говоритъ противъ самаго ученія христіанскаго о достоинствѣ власти. По ученію Божественнаго Откровенія, Самъ Богъ, какъ Творецъ и Владыка міра, есть истинный источникъ власти. Іисусъ Христосъ, Котораго даже Толстой еще не считаетъ ни злымъ, ни безнравственнымъ, „зная, что Отецъ все отдалъ въ руки Его“ (Іоан. 13, 3), Самъ свидѣтельствовалъ о Себѣ: „*Все предано* Мнѣ Отцомъ Моимъ“ (Матѳ. 11, 27), „дана Мнѣ *всякая власть* на небѣ и на землѣ“ (Матѳ. 28, 18); „Отецъ любитъ Сына и *все* далъ въ руку Его“ (Іоан. 3, 35) и въ молитвѣ къ Отцу говорилъ: „Ты далъ Ему *власть надъ всякою плотію*“ (Іоан. 16, 2). Вполнѣ согласно съ этимъ учили объ Іисусѣ Христѣ и Его Апостолы, „Іисусъ Христосъ, вос-

шедъ на небо, пребываетъ одесную Бога и *Ему покорились* Ангелы и *власти* и силы" (1 Петр. 3, 22). „Христосъ для того и умеръ и воскресъ и ожилъ чтобы *владычествовать* и надъ мертвыми и надъ живыми" (Рим. 14, 9). „Богъ превознесъ Его и далъ Ему имя выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Іисуса *преклонилось* всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ" (Филип. 2, 9). Господь далъ власть Апостоламъ (Матѳ. 10, 1; Марк. 3, 15; Лук. 9, 1; Матѳ. 18, 15—18; 16, 19; Іоан. 20, 23) и Апостолы поэтому исповѣдывали Христа „главою *всякаго* начальства и власти" (Колос. 2, 10). Но не только духовная власть Апостоловъ и ихъ преемниковъ, но и гражданская власть царей и правителей, по истинно христіанскому ученію, проистекаетъ только отъ Бога. Даже языческому правителю Пилату Господь сказалъ: „Ты не имѣлъ бы надо Мною ни какой *власти*, еслибы не было дано тебѣ *свыше*" (Іоан. 19, 11). Согласно съ этимъ учили и Апостолы: „нѣтъ власти не отъ Бога; существующія же власти отъ Бога установлены" (Рим. 13, 1). „Будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа: царю-ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро" (1 Петр. 2, 13. 14). „Напоминай имъ повиноваться и покоряться начальству и властямъ" (Тит. 3, 1). Христіанское ученіе требуетъ только, чтобы начальствующія лица пользовались своею властію не для удовлетворенія своимъ эгоистическимъ стремленіямъ—властолюбію, честолюбію, самолюбію, гордости или корысти, а исключительно для блага и пользы подчиненныхъ. „Кто хочетъ между вами быть бо̀льшимъ, да будетъ вамъ слугою; и кто хочетъ между вами быть первымъ, да будетъ вамъ рабомъ; такъ какъ Сынъ Человѣческій не для того пришелъ, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупленія многихъ" (Матѳ. 20, 26—28. Марк. 10, 43—45; Лук. 22, 24—27; Матѳ. 23, 11).

Относительно военной службы, воиновъ и военачальниковъ истинно-христіанское ученіе также не имѣетъ ничего общаго съ лжеученіемъ Толстого. Во время земной жизни Іисуса Христа въ Капернаумѣ проживалъ одинъ римскій сотникъ, т. е.,

воинъ и даже военачальникъ. Спаситель однако-же не называлъ его *оскотиненнымъ* человѣкомъ, какъ называетъ Толстой всѣхъ военныхъ—отъ рядового до фельдмаршала, а напротивъ, указывая на него іудеямъ, какъ на примѣръ достойный подражанія, отзывался о немъ такъ: „истинно говорю вамъ: и въ Израилѣ не нашелъ Я такой вѣры“ (Матѳ. 8, 10; Лук. 7, 9). Другой сотникъ, равно какъ и воины его, которые вмѣстѣ съ нимъ стерегли на Голгоѳѣ распятаго Іисуса Христа, также не были *оскотиненными* людьми, ибо всѣ они увѣровали во Христа и говорили: „воистинну Онъ былъ Сынъ Божій“ (Матѳ. 27, 54; Марк. 15, 39; Лук. 23, 47). Въ Кесаріи былъ нѣкоторый мужъ, именемъ Корнилій, *сотникъ* изъ полка, называемаго Италійскимъ; но и его нельзя назвать *оскотиненнымъ* человѣкомъ, ибо, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ (10, 2), онъ былъ человѣкъ „благочестивый и боящійся Бога со всѣмъ домомъ своимъ, творившій много милостыни народу и всегда молившійся Богу“. Понятно послѣ этого, почему и Апостолы не только не презирали, а напротивъ съ истиннымъ уваженіемъ относились къ военному званію и не находили ничего соблазнительнаго въ томъ, что свое содержаніе воины получали отъ государства. Такъ ап. Павелъ пишетъ ученику своему Тимоѳею: „Переноси страданія, какъ добрый *воинъ* Іисуса Христа. Никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими, чтобы угодить военачальнику“ (2 Тим. 2, 3, 4). „Преподаю тебѣ, сынъ мой Тимоѳей, сообразно съ бывшими о тебѣ пророчествами, чтобы ты воинствовалъ согласно съ ними, какъ добрый воинъ“ (1 Тим. 1, 18). И въ посланіи къ Коринѳянамъ: „Какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи?“ (1 Кор. 9, 7). Еслибы апостолы считали воиновъ *оскотиненными* людьми, то они не уподобляли бы имъ дѣятельности и трудовъ апостольскихъ. Первенствующіе христіане также не считали участіе въ военной службѣ противнымъ своей христіанской совѣсти. Подъ римскими знаменами существовалъ даже особый полкъ, состоявшій изъ однихъ только христіанъ. Климентъ Римскій прямо восхваляетъ тѣхъ героевъ, которые оружіемъ защищали свое отечество. Цѣлый соборъ христіанъ—Арелатскій постановилъ отлучать отъ церкви, между прочимъ, тѣхъ, кто видитъ

въ военной службѣ и въ войнѣ лишь зло и отказывается отъ участія въ нихъ [1]); а соборъ этотъ былъ еще во времена языческихъ гоненій на христіанъ.—Ясно, что ученіе Толстого совершенно противорѣчитъ ученію христіанскому, какъ противорѣчитъ ему анархизмъ вообще.

Крайнимъ выводамъ анархизма Толстой остается вѣрнымъ и въ своихъ сужденіяхъ о *государствѣ*. Государство, по его мнѣнію, совершенно не нужно, потому что нѣтъ въ немъ никому никакой надобности. Теперь, говоритъ онъ [2]), вѣдь нѣтъ такихъ злыхъ людей, отъ насилія и нападенія которыхъ спасаетъ государство и его войско, а всѣ люди нашего времени не употребляютъ и не носятъ оружія и всѣ, исповѣдуя правила человѣколюбія, состраданіе къ ближнимъ, желаютъ того же, что и мы,—только возможности спокойной и мирной жизни. Такъ что теперь уже нѣтъ тѣхъ особенныхъ насильниковъ, отъ которыхъ государство могло бы защищать насъ... Теперь скорѣе можно сказать обратное: именно то, что дѣятельность правительствъ съ своими отставшими отъ общаго уровня нравственности жестокими пріемами наказаній, тюрьмъ, каторгъ, висѣлицъ, гильотинъ,—скорѣе содѣйствуетъ огрубѣнію народовъ, чѣмъ смягченію ихъ, и потому скорѣе увеличенію, чѣмъ уменьшенію числа насильниковъ". Нужно ли опровергать эти доводы и разоблачать ихъ ложь?—Теперь, видите ли, нѣтъ злыхъ людей; теперь уже нѣтъ насильниковъ; *всѣ* люди нашего времени уже не употребляютъ оружія; *всѣ* исповѣдуютъ правила человѣколюбія и состраданіе къ ближнимъ... Какое, подумаешь, счастливое время! Мечи передѣланы на орала! Кто же это выдумываетъ басни объ извергахъ, убившихъ семейства Петровыхъ и Арцымовичей? Зачѣмъ это лжетъ телеграфъ о томъ, будто человѣколюбивые и сострадательные люди разрывными снарядами взрываютъ на воздухъ театры, трактиры, парламенты, церкви и дома ни въ чемъ неповинныхъ и мирныхъ гражданъ? Правда, Толстой не признаетъ преступниковъ преступниками, потому что онъ усвоилъ отъ детерминистовъ совершенно ложное ученіе, будто бы въ пре-

---

[1]) Гусевъ. Основныя религіозныя начала графа Л. Толстого. Казань. 1893. Стр. 269.

[2]) Ч. I. стр. 261.

ступленіи виновенъ не самъ преступникъ, а общество, среди котораго преступникъ живетъ; но вѣдь и это ложное ученіе не даетъ никакихъ основаній для того, чтобы отвергать самый фактъ существованія преступниковъ и преступленій. А что сказать о внѣшнихъ врагахъ? Правда, по милости Божіей, въ настоящее время мы живемъ спокойно и каждый, пользуясь безопасностію, можетъ трудиться и развивать свою дѣятельность; враги внѣшніе не нападаютъ на насъ; не разоряютъ нашихъ полей и нашихъ фабрикъ; солдаты въ рабочее время увольняются правительствомъ на полевыя работы, убираютъ хлѣбъ обильнаго урожая, въ весенннее время геройски спасаютъ населеніе отъ бѣдствій наводненія. Но почему мы живемъ спокойно и внѣшніе враги не нападаютъ на насъ? — Благодаря только мудрости и твердости нашего Государя Императора и могуществу нашего государства,—только потому, что они боятся насъ, зная силу и храбрость нашей прекрасной арміи. Но что было бы съ нами, еслибы наше государство не было такимъ могущественнымъ, каково оно теперь,—легко можетъ представить каждый. И къ славѣ нашего отечества нужно сказать, что, по свидѣтельству исторіи, наше правительство пользовалось всегда своимъ могуществомъ не только для пользы своихъ подданныхъ, но и для пользы другихъ народовъ: грековъ, сербовъ, болгаръ, черногорцевъ, австрійцевъ, прусаковъ и французовъ. Все разсужденіе Толстого можно выразить кратко въ слѣдующемъ софизмѣ: „государство излишне, потому что, благодаря только могуществу нашего государства, мы живемъ спокойно“. Явный абсурдъ!

Далѣе, по мнѣнію Толстого, государство не нужно и для развитія внутренней жизни народа: для учрежденій воспитательныхъ, образовательныхъ, религіозныхъ, путесообщительныхъ и др. Въ видѣ основанія для этого мнѣнія Толстой говоритъ [1]) слѣдующее: „Широко развившіяся средства общенія и передачи мыслей сдѣлали то, что для образованія обществъ, собраній, корпорацій, конгресовъ, ученыхъ, экономическихъ, *политическихъ* (?) учрежденій, люди нашего времени не только вполнѣ

---

[1]) Ч. 1, стр. 263.

могутъ обходиться безъ правительствъ, но что правительства въ большей части случаевъ скорѣе мѣшаютъ, чѣмъ содѣйствуютъ въ достиженіи этихъ цѣлей". Какое странное разсужденіе! Да кто же, какъ не правительства, создалъ, создаетъ, развиваетъ, улучшаетъ, управляетъ и завѣдуетъ этими „широко развившимися средствами общенія и передачи мыслей"? Или они развились сами собой? Такимъ образомъ, по разсужденію Толстого, выходитъ, что нужны одни жолуди, а дубовъ, на которыхъ они только и растутъ, не надо; собери яблоки, а яблонь сруби,—она больше не нужна! Пусть существуютъ желѣзныя дороги безъ машинистовъ и кондукторовъ; пусть поѣзда ходятъ безъ опредѣленія сроковъ ихъ прихода и отхода. Пусть телеграфы существуютъ сами собою, безъ телеграфистовъ! Пусть образовываются какія то *политическія* учрежденія безъ учредителей и управителей!

Да не подумаетъ читатель, что Толстой останется по крайней мѣрѣ на этихъ положеніяхъ. Нѣтъ, онъ сейчасъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою и отъ указаній на *благодѣтельное* значеніе „широко развившихся средствъ общенія и передачи мыслей", дѣлающихъ излишнимъ самое существованіе правительствъ, переходитъ къ указанію самаго *вреднаго* (съ его точки зрѣнія) значенія тѣхъ же самыхъ „широко развившихся средствъ общенія и передачи мыслей", потому что, благодаря именно этимъ средствамъ, правительство твердо сидитъ на своемъ мѣстѣ и никогда никѣмъ не можетъ быть низвергнуто. Вотъ что именно онъ говоритъ объ этихъ „средствахъ общенія и передачи мыслей" въ другомъ мѣстѣ [1]): „Желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, фотографія и многія другія новѣйшія изобрѣтенія, которыми передъ другими пользуются правительства, даютъ имъ такую силу, что если только разъ власть попала въ извѣстныя руки и полиція явная и тайная, и администрація и всякаго рода прокуроры, тюремщики и палачи усердно работаютъ, нѣтъ никакой возможности свергнуть правительство, какъ-бы оно ни было безумно и жестоко". И такъ чему же вѣрить?

---

[1]) Ч. I. стр. 281.

Второе средство, которымъ правительство поддерживаетъ себя, есть *подкупъ*, подъ которымъ Толстой разумѣетъ жалованье чиновникамъ. „Отобравъ отъ трудового рабочаго народа посредствомъ денежныхъ податей его богатства“,—говоритъ Толстой [1]), —правительство старается „распредѣлить эти богатства между чиновниками, обязанными за это вознагражденіе поддерживать и усиливать порабощеніе народа“. Какое нечестное извращеніе фактовъ, жизни. Толстому, конечно, извѣстно, что коронная служба по недостаткамъ государственной казны крайне бѣдно вознаграждаетъ служащихъ. Столоначальникъ любаго казеннаго учрежденія получаетъ жалованья 700 р., а бухгалтеръ частнаго банка, иногда не имѣющій никакого образовательнаго ценза, получаетъ не менѣе 3000 рублей. Прикащикъ въ хорошемъ магазинѣ, управляющій хорошею фабрикою или имѣніемъ получаютъ больше либого министра! И это Толстой называетъ *подкупомъ* со стороны правительства!

Третье средство для поддержанія государства Толстой „не умѣетъ назвать иначе, какъ гипнотизаціей (усыпленіемъ?) народа [2])“. Сюда входятъ „государственная религія, обученіе дѣтей безсмысленнымъ кощунствамъ церковныхъ катехизисовъ, съ указаніемъ необходимости повиновенія властямъ, обученіе *дикому суевѣрію патріотизма*, устройство на собранныя съ народа средства храмовъ, процессій, памятниковъ, празднествъ, съ помощію живописи, архитектуры, музыки, благовоній, одуряющихъ народъ (?!), а главное—*содержаніе такъ называемаго духовенства* (!?), обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы своими представленіями (!), паѳосомъ службъ, проповѣдей, своимъ вмѣшательствомъ въ частную жизнь людей—при родахъ, при бракахъ, при смертяхъ—отуманивать людей и держать ихъ въ „постоянномъ состояніи одуренія“. Далѣе Толстой ведетъ рѣчь о табакѣ, водкѣ, театрахъ, цензурѣ и т. д.

Въ виду этого разсужденія Толстого, мы просимъ читателя обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Въ 1884 году, какъ мы указывали уже, Толстой гово-

[1]) Ч. I. стр. 282.
[2]) Ч. I. стр. 282.

рилъ: „Государственная власть зиждется на преданіи, на наукѣ, на народномъ избраніи, на грубой силѣ, на чемъ хотите, только не на церковныхъ началахъ. Государственныя учрежденія прямо игнорируютъ церковь; мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, въ наше время только смѣшна“ [1]). Какое же мнѣніе Толстого справедливо?

2) Высшій размѣръ „*содержанія такъ называемаго духовенства*“ получаемаго отъ казны простирается: для священника до 140 р., для псаломщика—до 36 рублей въ годъ (для діаконовъ жалованья нѣтъ). И неужели кто либо повѣритъ, что за это вознагражденіе можно *подкупить* духовенство „отуманивать людей и держать ихъ въ постоянномъ состояніи одуренія“? А между тѣмъ, по словамъ Толстого, этотъ *подкупъ* духовенства есть *главное* средство поддержанія правительства!.. Правда, у духовенства есть еще *доходы* отъ требоисправленій; но эти доходы идутъ не отъ правительства; они находятся въ рукахъ народа и потому представляютъ самую лучшую гарантію за то, что наше духовенство никогда и ничѣмъ не отклонится отъ ученія Христова.

3) Не всякое христіанское вѣроисповѣданіе оказываетъ поддержку правительству. Католицизмъ самъ ищетъ свѣтской власти и потому естественно всегда будетъ находиться даже въ борьбѣ съ представителями власти государственной. Протестантство, какъ скрытый раціонализмъ, породившій всѣ раціоналистическія міровоззрѣнія, смотря по обстоятельствамъ, столько же можетъ содѣйствовать усиленію правительственной власти, сколько и ослабленію ея. Въ сектахъ, порожденныхъ протестантствомъ (даже въ штундизмѣ), можетъ найти для себя оправданіе и ученіе Толстого. Только истинно—христіанское ученіе, хранимое неизмѣнно Православною Церковію, есть истинная опора Богомъ установленной власти и основаннаго на ней устройства государственной жизни. Даже враждебное отношеніе государства къ Православной Церкви не измѣняетъ ея благотворнаго вліянія на развитіе государственной жизни. Въ Турціи Православная церковь такъ же учитъ чадъ своихъ

---

[1]) Въ чемъ моя вѣра? Женевское изданіе, стр. 197.

повиноваться власти и законамъ, какъ и у насъ въ Россіи. Могущество Русскаго государства, какъ свидѣтельствуетъ исторія, сложилось благодаря вліянію Православной Церкви. Св. митрополитъ Филиппъ II обличалъ Іоанна Грознаго; св. Митрофанъ Воронежскій—Петра Великаго. Но въ ихъ обличеніяхъ нужно видѣть не возстаніе противъ царской власти, а—любовь къ ней, подвигъ пастырей Православной Церкви для блага государства.

Четвертое средство для поддержанія государственной власти „состоитъ,—говоритъ Толстой [1]),—въ томъ, чтобы посредствомъ трехъ предшествующихъ средствъ выдѣлить изъ всѣхъ такимъ образомъ закованныхъ и одуренныхъ людей еще нѣкоторую часть людей для того, чтобы, подвергнувъ этихъ людей особеннымъ, усиленнымъ способомъ одуренія и озвѣренія, сдѣлать изъ нихъ безвольныя орудія всѣхъ жестокостей и звѣрствъ, которыя понадобятся правительству". Это Толстой говоритъ о нашей славной арміи. Дѣйствительно, войско составляетъ опору государственной власти, но только тогда, когда оно выполняетъ свое назначеніе, остается вѣрнымъ данной *присягѣ*, сознательно уважаетъ и заботливо охраняетъ военную дисциплину, Толстой знаетъ это прекрасно; вотъ почему онъ направляетъ всѣ свои усилія и не пренебрегаетъ никакими средствами для того, чтобы уничтожить *присягу* и представить военную службу недостойною не только христіанина, но и человѣка. Но мы уже выше раскрыли всю недобросовѣстность пріемовъ Толстого, равно какъ указали и на то, какъ истинное христіанство учитъ о военной службѣ и какъ оно относится къ ней. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что въ этомъ отношеніи ученіе Толстого уже пользуется нѣкоторыми немаловажными успѣхами. Намъ приходилось встрѣчать людей, состоящихъ на военной службѣ, которые съ жаромъ защищали лжеученіе Толстого во всѣхъ его частяхъ [2]). Но среди крестьянъ дѣло находится еще въ худ-

[1]) Ч. I. стр. 284.

[2]) Вотъ что, между прочимъ, говоритъ и самъ Толстой (Ч. II. стр. 86—87): „Военные люди высшихъ чиновъ вмѣсто того, чтобы поощрять грубость и жестокость воиновъ, необходимыя для ихъ дѣла, сами распространяютъ между военнымъ сословіемъ образованіе (?), проповѣдуютъ гуманность (?) и *часто сами даже раздѣляютъ соціалистическія убѣжденія массъ и отрицаютъ войну.* Въ послѣднихъ заговорахъ противъ русскаго правительства многіе изъ замѣшанныхъ

шемъ положеніи, принимая чисто практическій характеръ. Мы знаемъ одно село, въ которомъ до 200 человѣкъ—крестьянъ уже практически осуществляютъ въ своей жизни ученіе Толстого въ его грубомъ анархически-нигилистическомъ видѣ. Изъ этихъ крестьянъ двое отказались поступить въ военную службу. Ихъ присудили къ двухлѣтнему заключенію въ острогъ. Отбывъ это наказаніе, они съ торжествомъ возвратились въ свое село и стали проповѣдывать всѣмъ односельчанамъ, насколько *выгоднѣе* и *удобнѣе* отсидѣть два года въ острогѣ, чѣмъ пробыть шесть лѣтъ въ военной службѣ. По ихъ словамъ, въ острогѣ имъ жилось *лучше,* чѣмъ даже дома: они ничего не дѣлали, не платили податей, не исполняли никакихъ общественныхъ обязанностей, кормили ихъ прекрасно, къ праздникамъ купцы присылали много булокъ, колбасъ, пасокъ, яицъ, въ храмовой праздникъ въ церкви острога служилъ даже архіерей; губернаторъ, прокуроръ окружнаго суда и члены тюремнаго комитета часто посѣщали ихъ, освѣдомляясь, не испытываютъ ли они какихъ либо притѣсненій и неудобствъ и т. д. Конечно, съ крестьянской точки зрѣнія такая жизнь можетъ быть даже завидною. Но если такъ дѣло пойдетъ и далѣе, то не придется ли въ самомъ дѣлѣ военныя казармы обращать въ мѣста заключенія для лицъ, отказывающихся отъ военной службы?.. Впрочемъ, этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ не критикою и не философіею...

Приведенными средствами государство однако-же, по словамъ Толстого, достигаетъ какъ разъ противоположнаго тому, къ чему стремится. Оно разрушаетъ само себя. „Жизнь, построенная на началѣ насилія,—говоритъ онъ [1]),—дошла до отрицанія тѣхъ самыхъ основъ, во имя которыхъ она была учреждена. Устройство общества на началахъ насилія, имѣвшее цѣлью обезпеченіе блага личнаго, семейнаго и общественнаго, привело людей къ полному отрицанію и уничтоженію этихъ благъ". Разложеніе государства будто-бы уже началось. Признаки этого

были военные. И такихъ военныхъ заговорщиковъ становится все больше и больше. И очень часто случается, какъ это было на дняхъ, что призванные для усмиренія жителей военные отказываются стрѣлять по нимъ. Военное молодечество прямо осуждается самыми военными и часто служитъ предметомъ насмѣшекъ".

[1]) Ч. I, стр. 302.

разложенія (будто-бы) очевидны для всѣхъ. У правительства скоро не будетъ чиновниковъ. „Не говоря уже о явно презираемыхъ должностяхъ и положеніяхъ, — говоритъ Толстой [1]), въ родѣ: шпіоновъ, агентовъ тайной полиціи, ростовщиковъ (?), кабатчиковъ (!!), большое количество положеній насильниковъ, считавшихся прежде почетными, въ родѣ полицейскихъ, придворныхъ, судейскихъ, административныхъ, духовныхъ, военныхъ, откупщицкихъ (!), банкирскихъ (!), не только не считается всѣми желательнымъ, но уже осуждается *извѣстнымъ* (?), наиболѣе *уважаемымъ* кругомъ людей (толстовцевъ?). Есть уже *люди* (?), которые добровольно отказываются отъ этихъ прежде считавшихся *безукоризненными* положеній (ростовщиковъ, кабатчиковъ, откупщиковъ?) и предпочитаютъ имъ менѣе выгодныя, но не связанныя съ насиліемъ положенія". Если повѣрить словамъ Толстого, то положеніе государства представляется ужаснымъ. Но кто же повѣритъ тому, что онъ говоритъ? Вѣдь все это онъ насказалъ только для того, чтобы какъ можно мрачнѣе представить то, что́ ему хочется видѣть мрачнымъ, но что́ въ дѣйствительности вовсе не таково. Въ дѣйствительности желающихъ служить на государственной службѣ такъ много, что государство положительно не знаетъ, что съ ними дѣлать. Образовалось даже довольно *странное* положеніе, о которомъ въ прежнее время было неслышно, — положеніе *кандидатовъ* на судебныя, полицейскія и другія должности. Молодые люди, получившіе высшее университетское образованіе, служатъ нѣсколько лѣтъ безъ всякаго вознагражденія, питаясь лишь одною надеждою занять штатную должность въ будущемъ, и затѣмъ получаютъ мѣста, которыя прежде занимали люди малограмотные... Не успѣетъ освободиться какое-либо незавидное мѣстечко, прошенія о занятіи его поступаютъ десятками въ первый день. Обращаются къ *протекціямъ*, ходатайствамъ вліятельныхъ лицъ, даютъ обѣщанія, принимаютъ всевозможныя условія, лишь бы поступить на государственную службу... А Толстой увѣряетъ своихъ читателей, что государству никто служить не хочетъ...

---

[1]) Ч. II, стр. 83.

Дальнѣйшіе признаки разложенія государственной жизни Толстой усматриваетъ [1]) въ томъ, „что кругъ людей, изъ котораго отбираются слуги правительства и богатые люди, становится все меньше и меньше, и низменнѣе, сами люди эти уже не приписываютъ тѣмъ положеніямъ, которыя они занимаютъ, прежняго значенія и часто, стыдясь ихъ въ ущербъ тому дѣлу, которому они служатъ, не исполняютъ того, что они по своему положенію призваны дѣлать". Что́ говоритъ Толстой о военныхъ, мы уже привели выше (въ подстрочномъ примѣчаніи). Теперь приведемъ его дальнѣйшее разсужденіе [2]): „Судьи, обязанные судить и приговаривать преступниковъ, ведутъ засѣданія такъ, чтобы оправдать ихъ... То же и съ прокурорами, которые часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ (?), защищаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые юристы (адвокаты?), обязанные (?) оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками. Тюремщики и начальники каторжниковъ большею частью дѣлаются защитниками тѣхъ, кого они должны мучить. Жандармы и сыщики постоянно спасаютъ тѣхъ, кого они должны губить. Духовныя лица проповѣдуютъ терпимость, иногда даже отрицаніе насилія, и болѣе образованные изъ нихъ стараются въ своихъ проповѣдяхъ обходить ту самую ложь (?), которая составляетъ весь смыслъ ихъ положенія и которую они призваны проповѣдывать. Палачи отказываются отъ исполненія своихъ обязанностей, такъ что въ Россіи смертные приговоры часто не могутъ приводиться въ исполненіе за отсутствіемъ палачей, такъ какъ охотниковъ поступать въ палачи, не смотря на всѣ выгоды, представляемые этимъ людямъ, выбираемымъ изъ каторжниковъ, становится все меньше и меньше. Губернаторы, исправники, становые, сборщики податей, мытари часто, жалѣя народъ, стараются найти предлоги для несобиранія съ народа податей. Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распредѣляютъ его на общественныя дѣла. Земле-

[1]) Ч. II, стр. 86.
[2]) Ч. II, стр. 87.

владѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, школы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины. Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдаютъ часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія. Не въ силахъ разстаться съ своими богатствами при жизни, многіе изъ нихъ послѣ смерти по завѣщаніямъ всетаки отказываются отъ нихъ въ пользу общественныхъ учрежденій". Всѣ это явленія, по заключенію Толстого, суть несомнѣнные признаки того, что государственная жизнь сама собою разрушается и что въ скоромъ времени она должна неминуемо погибнуть.

Что факты искажены и заключеніе Толстого ложно,—это едва ли нужно доказывать. Въ самомъ дѣлѣ, кто же можетъ мыслить такимъ образомъ: богачи отдаютъ свои деньги бѣднякамъ; слѣдовательно, они разрушаютъ государство? Тысячу лѣтъ существуетъ русское государство и все это время русскіе люди отличались особенною любовію къ страждущимъ, незлобіемъ, прощеніемъ обидъ, радушіемъ; не прокуроры только и судьи, а сами цари любили посѣщать тюрьмы и облегчать участь заключенныхъ,—и все-таки не разрушили этимъ своего государства. О снисходительности властей къ преступникамъ съ задними мыслями мы предоставляемъ судить тѣмъ самымъ лицамъ, которыхъ Толстой въ этомъ обвиняетъ. Насколько ложно и противорѣчиво изображаетъ Толстой дѣйствительную жизнь настоящаго времени, можно видѣть съ особенною ясностію изъ нижеслѣдующей параллели, въ которой мы приводимъ сужденія его объ однихъ и тѣхъ же предметахъ изъ одной и той же 2-й части разбираемаго сочиненія:

Ч. II, стр. 87.	Ч. II, стр. 189.
„Прокуроры часто отказываются отъ обвиненій и даже вмѣсто обвиненій, обходя законъ, защи-	„Прокуроръ знаетъ, что по его приговору или рѣшенію сидятъ сей часъ сотни, тысячи оторван-

щаютъ тѣхъ, кого они должны обвинять. Ученые юристы, обязанные оправдывать насиліе власти, все болѣе и болѣе отрицаютъ право наказанія и вводятъ на мѣсто его теоріи невмѣняемости и даже не исправленія, а лѣченія тѣхъ, которыхъ называютъ преступниками".

Ч. II, стр. 88.

„Богачи не рѣшаются пользоваться своимъ богатствомъ только для себя, а распредѣляютъ его на общественныя дѣла... Заводчики и фабриканты устраиваютъ больницы, училища, кассы, пенсіи, жилища для рабочихъ; нѣкоторые учреждаютъ товарищества, въ которыхъ сами становятся равными съ другими участниками. Капиталисты отдаютъ часть своихъ капиталовъ на общественныя, образовательныя, художественныя, филантропическія учрежденія".

Ч. II, стр. 88.

„Землевладѣльцы устраиваютъ на своихъ земляхъ больницы, школьныхъ отъ семей несчастныхъ въ одиночныхъ тюрьмахъ, на каторгахъ, сходя съ ума и убивая себя стекломъ, голодомъ; знаетъ... и увѣренъ, что онъ дѣлаетъ полезное общественное дѣло"...

Ч. II, стр. 190.

„Живутъ всѣ эти люди и тѣ, которые кормятся около нихъ, ихъ жены, учителя, дѣти, повара, актеры, жокеи, и т. п., живутъ той кровью, которая тѣмъ или другимъ способомъ, тѣми или другими піявками высасывается изъ рабочаго народа, живутъ такъ, поглощая каждый ежедневно для своихъ удовольствій сотни и тысячи рабочихъ дней замученныхъ рабочихъ, принужденныхъ къ работѣ угрозами убійствъ (?), видятъ лишенія и страданія этихъ рабочихъ, ихъ дѣтей, стариковъ, женъ, больныхъ, знаютъ про тѣ казни, которымъ подвергаются нарушители этого установленнаго грабежа и не только не уменьшаютъ свою роскошь, не скрываютъ ея, но нагло выставляютъ передъ этими угнетенными, большею частію ненавидящими ихъ рабочими, какъ бы нарочно дразня ихъ, свои парки, дворцы, театры, охоты, скачки".

Ч. II, стр. 184.

„Землевладѣлецъ за право, предоставляемое имъ людямъ, жи-

лы, а нѣкоторые изъ нихъ даже отказываются отъ владѣнія землей и передаютъ ее земледѣльцамъ или устраиваютъ на ней общины" и т. д.

вущимъ на его землѣ, кормиться съ нея, сдираетъ съ этихъ большею частію голодныхъ людей все, что только онъ можетъ содрать съ нихъ. Право собственности на землѣ этого человѣка основывается на томъ, что при каждой попыткѣ угнетенныхъ людей, безъ его согласія воспользоваться землями, которыя онъ считаетъ своими, приходятъ войска и подвергаютъ людей, захватывающихъ эти земли, истязаніямъ и убійствамъ".

Подобныхъ противорѣчій въ послѣднемъ сочиненіи Толстого такъ много и настолько они непримиримы между собою, что приходиться только удивляться тому, какъ ихъ могъ высказывать одинъ и тотъ же писатель... Но такія же противорѣчивыя сужденія мы будемъ встрѣчать въ сочиненіи его и далѣе.

Указанныя Толстымъ явленія, которыя мы привели выше, убѣдили его въ томъ, что наше государство въ непродолжительномъ времени должно погибнуть, должно разрушить само себя. Послѣ этого,—о чемъ бы, кажется, хлопотать? Онъ желаетъ разрушенія государства; государство разрушается само собою; чего же еще?—Нѣтъ, онъ всетаки убѣждаетъ своихъ послѣдователей употреблять всѣ усилія, чтобы разрушить и само по себѣ уже разрушающееся государство; зачѣмъ?—чтобы ускорить наступленіе Царства Божія. Но какъ и чѣмъ можно разрушить государство? Вѣдь самъ Толстой утверждаетъ, что чрезъ одно существованіе „желѣзныхъ дорогъ, телеграфа, телефоновъ, фотографіи" и т. п. „*нѣтъ никакой возможности свергнуть правительство*", какъ бы оно ни было безумно и жестоко [1]). Впрочемъ, не смотря на это категорическое утвержденіе, онъ все таки находитъ вѣрное средство не только для низложенія правительства, но и для разрушенія государства. Средство это—христіанство. „Христіанство *въ его истинномъ*

[1]) Ч. I. стр. 281—282.

значеніи,—говоритъ Толстой [1]),—разрушаетъ государство. Такъ оно было понято и съ самаго начала, за то былъ и распятъ Христосъ". Конечно, это—клевета на истинное христіанство, которое въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ своего существованія не разрушило ни одного государства, но только содѣйствовало усилію и процвѣтанію христіанскихъ государствъ; не вѣрно и то, что будто-бы за эту мнимую разрушительную силу христіанства былъ распятъ Христосъ. Но не нужно забывать, что подъ христіанствомъ *въ его истинномъ значеніи* Толстой разумѣетъ не то христіанское ученіе, которое содержится въ новозавѣтныхъ книгахъ Св. Писанія, а лишь свое собственное лжехристіанское ученіе. Въ этомъ смыслѣ онъ сказалъ правду. Его лжеученіе дѣйствительно не имѣетъ никакой другой цѣли, кромѣ разрушенія государства во что-бы то ни стало.

Къ разрушенію государства Толстой возбуждаетъ своихъ послѣдователей уже давно, гораздо раньше написанія разбираемаго нами сочиненія; но прежде онъ не былъ такъ дерзокъ и откровененъ, какъ теперь. Вотъ почему его не понимали даже ближайшіе его послѣдователи и друзья. Проповѣдуемое имъ разрушеніе государства они представляли себѣ въ отдаленномъ будущемъ и чѣмъ-то утопическимъ. Соглашаясь въ принципѣ съ Толстымъ, они разсуждали, по свидѣтельству самаго Толстого [2]), такимъ образомъ: „Упраздненіе государственнаго насилія возможно и желательно бы было только тогда, когда бы всѣ люди были христіанами. До тѣхъ же поръ, пока этого нѣтъ, пока среди людей, только называющихся христіанами, есть люди нехристіане, люди злые, для своей личной похоти готовые нанести вредъ другимъ, упраздненіе государственной власти не только не было бы благомъ для остальныхъ людей, но только увеличило бы ихъ бѣдствія. Упраздненіе государственной формы жизни нежелательно не только тогда, когда будетъ малая часть истинныхъ христіанъ, но оно нежелательно даже тогда, когда всѣ будутъ христіанами, но въ средѣ ихъ или вокругъ ихъ, въ другихъ народахъ, останутся нехристіане, потому что нехристіане будутъ безнаказанно грабить, насиловать,

[1]) Ч. II. стр. 38.
[2]) Ч. II. стр. 43.

убивать христіанъ и сдѣлаютъ ихъ жизнь мучительною. Будетъ только то, что злые будутъ безнаказанно властвовать надъ добрыми и насиловать ихъ. И потому государственная власть не должна быть упразднена до тѣхъ поръ, пока не уничтожатся всѣ злые, хищные люди на свѣтѣ. А такъ какъ этого, если не никогда, то еще долго не можетъ быть, то не смотря на попытки освобожденія отдѣльныхъ христіанъ отъ государственной власти, власть эта для большинства людей должна быть поддерживаема". И многіе были убѣждены, что такъ думаетъ и самъ Толстой. Что-же?—Очень можетъ быть, что лѣтъ 10—15 тому назадъ, политическія чаянія его и не шли дальше этихъ утопическихъ мечтаній. Но теперь уже не то. Утопія теперь уже превратилась, какъ и нужно было ожидать, въ дѣйствительной анархизмъ. Теперь Толстой объявляетъ прямо, что ждать дольше ненадо, что нѣтъ надобности даже въ томъ, чтобы люди усвоили *истинное* христіанство; достаточно для разрушенія государства и того, чтобы въ этомъ духѣ составилось *общественное мнѣніе* (?). „Переходъ людей отъ одного устройства жизни къ другому,—говоритъ Толстой [1]),– совершается не постоянно такъ, какъ пересыпается песокъ въ песочныхъ часахъ: песчинка за песчинкой отъ первой до послѣдней, а скорѣе такъ, какъ вливается вода въ опущенный въ воду сосудъ, который сначала только одной стороной медленно и равномѣрно впускаетъ въ себя воду, а потомъ отъ тяжести уже влившейся въ него воды вдругъ быстро погружается и почти сразу принимаетъ въ себя всю ту воду, которую онъ можетъ вмѣстить. Тоже происходитъ и съ обществами людей при переходѣ отъ одного пониманія, а потому и устройства жизни къ другому. Люди только сначала постепенно и равномѣрно одинъ за другимъ воспринимаютъ новую (?) истину внутреннимъ путемъ и слѣдуютъ ей въ жизни; при извѣстномъ же распространеніи истины она усваивается ими уже не внутреннимъ способомъ, не равномѣрно, а сразу почти невольно". При извѣстной степени распространенія истины, люди, стоящіе на низшей степени развитія, принимаютъ ее всѣ сразу по одному довѣрію къ тѣмъ, которые

[1]) Ч. II стр. 59.

приняли ее внутреннимъ способомъ и прилагаютъ ее къ жизни“ [1]). Такъ складывается „общественное мнѣніе“, которое именно и должно разрушить настоящую форму государственной жизни. Оно, говоритъ Толстой [2]), „не нуждается для своего возникновенія и распространенія въ сотняхъ тысячахъ лѣтъ, а имѣетъ свойство заразительно дѣйствовать на людей и съ большою быстротою охватывать большія количества людей“.

Такое общественное мнѣніе, необходимое для разрушенія государства, по убѣжденію Толстого [3]), уже сложилось и достаточно распространено. Здѣсь подъ общественнымъ мнѣніемъ онъ разумѣетъ не что иное, какъ распространеніе соціалистическихъ и анархическихъ ученій, а въ томъ числѣ и его собственнаго лжеученія, увеличеніе легкомысленныхъ его разрушительными идеями, „толстовщиною“. По его мнѣнію [4]), онъ уже достаточно убѣдилъ людей въ томъ, что не слѣдуетъ „кормить и содержать всѣхъ этихъ министровъ, генераловъ съ музыками, кавалеріями и барабанами, прокуроровъ, судей, сборщиковъ податей, духовенство, капиталистовъ и т. п. Дѣло остается только за разрушеніемъ государства. Но что же, спрашивается, будетъ учреждено на мѣсто разрушеннаго государства? Конституція? Республика?—Нѣтъ! Что-же? Тамъ видно будетъ! „Требованіе это (указать опредѣленно чѣмъ замѣнить разрушаемое государство),—говоритъ Толстой [5]),—подобно тому, которое бы заявилъ изслѣдователь новыхъ странъ, потребовавъ подробное описаніе той страны, въ которую онъ вступаетъ. Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполнѣ извѣстна ему, ему не зачѣмъ бы было жить. Тоже и съ жизнью человѣчества: еслибы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ. Условія новаго строя жизни не

---

[1]) Ч. II. стр. 60 и дал.
[2]) Ч. II. стр. 63.
[3]) Ч. II. стр. 82 и слѣд.
[4]) Ч. II. стр. 92 и слѣд.
[5]) Ч. II. стр. 78.

могутъ быть извѣстны намъ, потому что они должны быть выработаны нами же".

Какъ же опредѣлить то, когда наступитъ моментъ для окончательнаго разрушенія существующаго государственнаго устройства? „Когда же это будетъ?" спрашиваетъ Толстой самого себя и отвѣчаетъ [1]) такъ: „1800 лѣтъ назадъ на вопросъ *этотъ* (?) Христосъ отвѣтилъ тѣмъ, что концу нынѣшняго вѣка, т. е., языческаго устройства міра, наступитъ тогда, когда (Мѳ. XXIV, 3—28) увеличатся до послѣдней степени бѣдствія людей и вмѣстѣ съ тѣмъ благая вѣсть Царства Божія, т. е., возможность новаго, непасильническаго устройства жизни, будетъ проповѣдано по всей землѣ. О днѣ же и часѣ томъ никто не знаетъ только Отецъ Мой одинъ (Мѳ. XXIV, 36), тутъ же говоритъ Христосъ. Ибо оно можетъ наступить всегда, всякую минуту и тогда, когда мы не ожидаемъ его. На вопросъ о томъ, когда наступитъ этотъ часъ, Христосъ говоритъ, что знать этого мы не можемъ, но именно потому, что мы не можемъ знать времени наступленія этого часа, мы не только должны быть всегда готовы къ встрѣчѣ его, какъ долженъ быть всегда готовъ хозяинъ, стрегущій домъ, какъ должны быть всегда готовы съ свѣтильниками встрѣчающіе жениха, но и *должны работать изъ всѣхъ данныхъ намъ силъ для наступленія этого часа,* какъ должны были работать работники на данные имъ таланты (Мѳ. XXIV, 43, XXV. 1—13, 14—30). На вопросъ, когда наступитъ этотъ часъ, *Христосъ увѣщеваетъ людей всѣми своими силами работать для скорѣйшаго наступленія его.* И другаго отвѣта не можетъ быть. Знать то, когда наступитъ день и часъ Царства Божія, люди никакъ не могутъ, потому что *наступленіе этого часа ни отъ кого другого не зависитъ, какъ отъ самихъ людей.* Отвѣтъ тотъ же, какъ отвѣтъ того мудреца, который на вопросъ прохожаго: далеко ли до города, отвѣчалъ: иди! Какъ мы можемъ знать, далеко ли до той цѣли, къ которой приближается человѣчество, когда мы не знаемъ, *какъ будетъ подвигаться* къ этой цѣли человѣчество, отъ котораго зависитъ идти или не идти, остановиться, умѣрить свое

[1]) Ч. II. стр. 99.

движеніе, или усилить его. Все, что мы можемъ знать, это—то, что мы, составляющіе человѣчество, должны дѣлать и чего должны не дѣлать для того, чтобы наступило *это* Царство Божіе. А это мы всѣ знаемъ. *И стоитъ только каждому начать дѣлать* то, что мы должны дѣлать, и перестать дѣлать то, что мы не должны дѣлать, стоитъ только каждому изъ насъ жить всѣмъ тѣмъ свѣтомъ, который есть въ насъ, для того, чтобы *тотъ часъ же* наступило то обѣщанное Царство Божіе, къ которому влечется сердце каждаго человѣка".

Итакъ,—вотъ кто такой графъ Л. Н. Толстой, котораго до сихъ поръ недальновидные русскіе люди считали лишь поэтомъ, безвреднымъ мечтателемъ, утопистомъ, мистикомъ, а нѣкоторые—даже мыслителемъ и философомъ! Вотъ только когда онъ откровенно сказалъ, *въ чемъ* дѣйствительно состоитъ *его вѣра* и какова она! Только теперь мы имѣемъ возможность читать его дѣйствительную *исповѣдь*! Только теперь знаемъ, что такое у Толстого его *истинное* христіанство! Вотъ къ чему вели всѣ его философскія и богословскія разсужденія о непротивленіи злому, о нагорной проповѣди! До сихъ поръ мы думали только, что Толстой выдумалъ для русской интеллигенціи новую забаву—„игру въ мужички"! Мы наивно воображали, что всѣ выходки Толстого ограничатся тѣмъ, чтобы, отказавшись отъ Православной вѣры, покощунствовавъ надъ Православною Церковію и обругавъ духовенство, надѣть блузу, натянуть крестьянскіе сапоги, взяться за плугъ, кладку печей или починку сапогъ на удивленіе міру... Мы думали только, что все кончится улыбкою крестьянина и словами его: „баринъ началъ чудить"; но Толстой вызываетъ уже крестьянина *на дѣло* и даетъ ясно понять ему, что̀ за *это дѣло* пора приниматься... Вотъ какъ глубоко мы ошибались!

Кратко и ясно изложенное ученіе Толстого таково.—Государство стѣсняетъ жизнь, свободу и дѣятельность дурныхъ людей (т. е. запрещаетъ красть, грабить, насиловать, убивать, безъ позволенія хозяевъ захватывать чужія земли и капиталы; охраняетъ права и трудъ каждаго; заставляетъ приносить жертвы въ пользу другихъ; поэтому людямъ жаднымъ до чужой собственности, лѣнтяямъ, пьяницамъ, беззаботнымъ жить трудно). Чтобы облегчить жизнь этихъ людей, нужно уничтожить госу-

дарство. Разрушеніе государства не должно быть дѣломъ людей ученыхъ, разумныхъ, просвѣщенныхъ, мыслящихъ и убѣжденныхъ. Это только государство въ своихъ видахъ заботится о народномъ просвѣщеніи, о наукѣ и школахъ. Для дѣла, которому служитъ Толстой, наука самый опасный врагъ; поэтому ему наука не нужна; ему нужно только *общественное мнѣніе*, „вѣянія“, безсмысленное увлеченіе толпы. Только невѣжественная толпа, наэлектризованная бунтарскими идеями яснополянскаго лжепророка, можетъ разрушить государственную форму жизни человѣческой. Послѣ разрушенія государства не нужно думать ни о какомъ другомъ устройствѣ жизни; не нужно никакой власти, никакихъ законовъ, никакихъ установленій: пусть каждый живетъ себѣ, какъ хочетъ. И тогда наступитъ „царство Божіе“, проповѣдуемое Толстымъ: воръ будетъ безнаказанно красть, разбойнику никто не помѣшаетъ убивать, люди будутъ истреблять другъ друга, что и составляетъ послѣднюю судьбу человѣчества... Кто внимательно изучилъ сочиненія Толстого за послѣднее десятилѣтіе, тотъ знаетъ, что мы не искажаемъ ученія его, а только излагаемъ, какъ оно есть, безъ всякихъ пантеистическихъ прикрасъ, которыми самъ Толстой его нѣсколько отуманиваетъ. Написавъ разбираемое нами сочиненіе, Толстой прервалъ всякую связь не только съ христіанствомъ, но и съ философіею. Онъ болѣе не философъ, хотя нѣкогда и думалъ выдавать себя за таковаго. Онъ анархистъ, и его анархизмъ выражается въ самой грубой и крайней формѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли серьезный мыслитель сказать, что познаніе истины необходимо не для всѣхъ, а только для нѣкоторыхъ людей—вожаковъ толпы?—что громадное большинство людей должно жить только „общественнымъ мнѣніемъ“, т. е., неосмысленными „вѣяніями“? Это могъ сказать только завзятый анархистъ, для котораго чѣмъ глупѣе толпа, тѣмъ лучше, потому что такую толпу ему кажется болѣе легкимъ вести за собою куда угодно: она не знаетъ, что дѣлаетъ и что будетъ дѣлать... Какъ можетъ человѣкъ здравомыслящій убѣждать такую толпу начать разрушеніе существующаго государства, не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, чѣмъ бы можно было замѣнить разрушеніе? Для изъясненія своего ученія Тол-

стой указываетъ на изслѣдователя новыхъ странъ, который напередъ не требуетъ подробнаго описанія той страны, въ которую онъ вступаетъ. Но примѣръ этотъ ничего не объясняетъ. Приводя его, Толстой, очевидно, намѣренно подтасовываетъ понятія. Познавать не то же, что жить. Изслѣдователь новыхъ странъ соберетъ нужныя ему свѣдѣнія о неизвѣстной землѣ и возвратится домой: его познанія ограничатся только дѣятельностію разсудка; разрушителямъ же государственной жизни пришлось бы познавать совершенное ими зло горькимъ опытомъ своей жизни; а это—иное дѣло! Для уясненія ученія Толстого мы приведемъ другой примѣръ. Толстой подобенъ домовладѣльцу, который, замѣтивъ въ своемъ домѣ нѣкоторыя неисправности въ печахъ, вмѣсто того, чтобы ремонтировать печи, рѣшился разрушить до основанія самый домъ, не имѣя возможности и желанія выстроить вмѣсто него новый и доказывая удивленнымъ прохожимъ, что подъ открытымъ небомъ на морозѣ ему будетъ теплѣе, чѣмъ въ домѣ, что, живя такимъ образомъ, онъ будетъ въ большей безопасности отъ злыхъ людей и хищныхъ звѣрей, чѣмъ когда онъ жилъ въ своемъ домѣ, снабженномъ крѣпкими запорами. Назоветъ ли кто такого домовладѣльца здравомыслящимъ человѣкомъ? Не лучше ли было бы для него самаго вмѣсто разрушенія дома исправить только печи? На землѣ нигдѣ нѣтъ полнаго совершенства. Много злоупотребленій совершается, конечно, и на обширномъ пространствѣ нашего государства. Злоупотребленія эти, безъ сомнѣнія, часто укрываются отъ правительства. Но укажите на нихъ правительству,—и оно озаботится ихъ уничтоженіемъ. Толстой возмущается поведеніемъ одного, какъ онъ говоритъ, „несчастнаго, *полупьянаго*, заблудшаго человѣка, называемаго губернаторомъ“ [1]), любившаго сидѣть „у стола, уставленнаго бутылками, въ своемъ полувоенномъ мундирѣ“ [2]); злоупотребленія властію со стороны этого человѣка Толстой въ цѣлой картинѣ, разрисованной самими мрачными красками, представляетъ, какъ дѣйствія, „безусловно необходимыя для поддержанія существующаго по-

[1]) Ч. II, стр. 110.
[2]) Ч. II, стр. 118.

рядка". Но онъ поступилъ нечестно, намѣренно умолчавъ о томъ, какъ правительство справедливо наказало виновниковъ допущенныхъ злоупотребленій. Разсказать объ этомъ Толстому было невыгодно, потому что тогда ему нельзя было бы говорить объ этихъ злоупотребленіяхъ, какъ о дѣйствіяхъ, „безусловно необходимыхъ для поддержанія существующаго порядка". Какъ ни враждебно вообще Толстой относится къ правительству; но во всемъ своемъ сочиненіи, при всемъ своемъ явномъ стараніи, онъ не могъ указать ни одного случая, когда бы правительство, зная о злоупотребленіяхъ, не употребило самыхъ энергичныхъ мѣръ къ ихъ пресѣченію. Напротивъ онъ нерѣдко даже дѣлаетъ правительству упрекъ за то, что оно искореняетъ преступленія и злоупотребленія въ государствѣ. Но если правительство постоянно заботится объ искорененіи всѣхъ замѣченныхъ злоупотребленій и правонарушеній, то это обстоятельство явно свидѣтельствуетъ о томъ, что корень этихъ злоупотребленій нужно искать не въ формѣ государственной жизни, какъ говоритъ Толстой, а въ злой волѣ и испорченности нравственной природы отдѣльныхъ лицъ. Ясно, чѣмъ разрушать домъ, благоразумнѣе поручить печнику исправить печи, если нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно плохо грѣютъ... Но дѣло здѣсь даже и не въ печахъ. Безумный Геростратъ сжегъ храмъ Діаны не потому, что этотъ храмъ былъ плохъ и не удовлетворялъ своему значенію, а исключительно только потому, что чрезъ такое уничтоженіе храма самъ Геростратъ хотѣлъ прославить себя, сдѣлать безсмертнымъ свое имя, чрезъ занесеніе его на страницы исторіи. Конечно, Геростратъ не былъ сумасшедшимъ въ собственномъ смыслѣ; но его душевное состояніе не было и нормальнымъ,—иначе онъ не сжегъ бы храма. Безъ сомнѣнія, онъ хорошо понималъ, какое безумное дѣло онъ предпринимаетъ, но онъ рѣшился все таки сдѣлать это зло, потому что тщеславіе, въ формѣ глориманіи (славолюбія), приняло такіе размѣры, что сдѣлало ненормальнымъ все его душевное состояніе, онъ самъ сталъ какъ бы сумасшедшимъ. Въ такомъ состояніи, къ прискорбію, не рѣдко оказываются люди, въ особенности богато одаренные отъ природы—поэты, композиторы, художники, актеры, переживающіе свою славу и къ концу жизни

не могущіе создать ничего подобнаго тому, что было создано ими во время полнаго развитія таланта. Славолюбіе затмѣваетъ ихъ разсудокъ и они нерѣдко стараются уже обезсмертить свое имя путемъ чисто *отрицательнаго* характера. Такимъ патологическимъ душевнымъ состояніемъ нужно объяснять себѣ и всю послѣднюю десятилѣтнюю дѣятельность Толстого—ея характеръ и направленіе. Но почему она выразилась именно въ формѣ крайняго анархизма? Отвѣтъ на этомъ вопросъ дать легко. Самъ Толстой уже десять лѣтъ тому назадъ говорилъ о себѣ: „Я прожилъ на свѣтѣ 55 лѣтъ, и, за исключеніемъ 14 и 15 дѣтскихъ, 35 лѣтъ я прожилъ нигилистомъ въ настоящемъ значеніи этого слова“ [1]). Что же удивительнаго въ томъ, если этотъ нигилизмъ на старости лѣтъ принялъ форму анархизма? То же слѣдуетъ сказать и о *всѣхъ* безъ исключенія „послѣдователяхъ“ Толстого или—вѣрнѣе—„толстовцахъ“. Правда, увлекающихся идеями Толстого очень много какъ въ Россіи, такъ и заграницей; но эти люди не могутъ быть названы *послѣдователями* Толстого въ собственномъ смыслѣ; они не могли увлечься внутреннимъ содержаніемъ его ученія, которое не даетъ ничего новаго и только повторяетъ то, что давнымъ давно было высказано пантеистами, позитивистами, коммунистами, соціалистами, нигилистами и анархистами. Толстой вовсе не создалъ какой либо школы. Многіе „толстовцы“ были уже „толстовцами“ гораздо раньше, чѣмъ Толстой сталъ проповѣдывать свое анархическое ученіе. Они были нигилистами, невѣрующими, не христіанами съ тѣхъ поръ, какъ только стали помнить себя. Они нашли въ Толстомъ лишь своего пророка, выразителя своихъ давнихъ мыслей, желаній, стремленій и чаяній. Прочитавъ сочиненія Толстого, которыя явились въ послѣднее десятилѣтіе, они только сказали: „Да! Толстой говоритъ правду. Такъ и мы думаемъ!“ Толстой не сказалъ ничего новаго; но это нисколько не уменьшаетъ тѣхъ размѣровъ зла, которое для русскаго общества уже причинилъ Толстой; а что еще онъ сдѣлаетъ въ будущемъ, этого предвидѣть нельзя. Мы успокаиваемъ себя пріятнымъ предположеніемъ, будто бы разрушитель-

[1]) Въ чемъ моя вѣра? стр. 3.

ному движенію шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ положенъ конецъ; но безумное увлеченіе идеями Толстого, замѣчаемое въ русскомъ обществѣ, говоритъ намъ не то. Нынѣшніе нигилисты и соціалисты стали только хитрѣе своихъ предшественниковъ и заговорили на другомъ языкѣ, менѣе понятномъ для недальновидныхъ людей. Но волки остались волками и въ овечьей шерсти... О если бы истинно—русскіе православные люди не забывали наставленія своего Спасителя и Господа: „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей одеждѣ, а внутри суть волки хищные“ (Матѳ. 7, 15)!..

Въ Европѣ ученіе Толстого пользуется большою популярностію, но только такъ-же, какъ и у насъ—среди людей, враждебно относящихся къ существующему государственному устройству,—среди коммунистовъ, соціалистовъ, нигилистовъ и анархистовъ. Изъ людей мыслящихъ лишь немногіе сочувственно высказались о міровоззрѣніи Толстого; это именно тѣ, которые сами ищутъ для себя популярности среди враждебныхъ правительству элементовъ. Но за то всѣ вообще серьезно-мыслящіе, научно-образованные и просвѣщенные люди говорятъ о Толстомъ, какъ о человѣкѣ, сбившемся съ своего истиннаго пути, безшабашномъ анархистѣ, неспособномъ къ здравому логическому мышленію и даже прямо, какъ о человѣкѣ душевно-больномъ. Въ заключеніе своего разбора сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ мы находимъ умѣстнымъ познакомить своихъ читателей съ отзывомъ объ ученіи Толстого, высказаннымъ однимъ весьма даровитымъ и популярнымъ западно-европейскимъ писателемъ—*Максомъ Нордау*.

Еще до появленія въ свѣтъ сочиненія Толстого „Царство Божіе внутри васъ“ Максъ Нордау написалъ свою книгу, въ настоящемъ году переведенную и на русскій языкъ.—„Entartung“ („Вырожденіе“). Эта книга пользуется во всей Западной Европѣ весьма большимъ успѣхомъ. Вотъ почему и мы останавливаемъ на ней вниманіе читателей. Въ этой книгѣ Нордау отводитъ для критическаго анализа ученія Толстого особую главу, которая надписана такъ: „*Толстоизмъ*“. Мы приведемъ изъ нея нѣсколько сужденій объ ученіи яснополянскаго лжепророка.

Вотъ что говоритъ Нордау: „Толстой думаетъ, что въ своихъ поискахъ смысла жизни онъ вернулся къ вѣрѣ народа; на самомъ же дѣлѣ, онъ проповѣдуетъ какъ разъ противное христіанской религіи—пантеизмъ“ [1]). „Міровоззрѣніе Толстого—плодъ отчаянія, туманный и непонятный отвѣтъ на собственный вопросъ, простой наборъ словъ. Его мораль, которой онъ самъ придаетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ философіи, нисколько не лучше ея. Онъ излагаетъ ее въ пяти заповѣдяхъ... Но кажется нѣтъ надобности доказывать несостоятельность его нравственнаго ученія. Для здороваго ума она сама собою бросается въ глаза. Если убійца не пойдетъ на висѣлицу, если воръ потеряетъ страхъ передъ тюрьмою,—убійство и воровство сдѣлаются обычными явленіями, такъ какъ пріятнѣе ѣсть испеченный хлѣбъ и одѣвать готовые сапоги, чѣмъ ходить за плугомъ или сидѣть за верстакомъ. Кто будетъ заботиться о правосудіи, если общество прекратитъ свое существованіе? Кто удержитъ злыхъ людей отъ дурныхъ наклонностей, и кто отклонитъ другихъ отъ подражанія? Несомнѣнно—не ученіе Толстого что „жизнь есть жизнь въ настоящемъ“. Первою задачею общежитія, во имя чего отдѣльные люди сошлись въ общину, заключается въ защитѣ своихъ членовъ отъ больныхъ, одержимыхъ зудомъ убійствъ, отъ тунеядцевъ, отъ нездоровыхъ отклоненій отъ нормальнаго типа, стремящихся жить за счетъ труда другихъ, и устраняющихъ съ дороги всякое существо, мѣшающее имъ удовлетворять ихъ похоти. Особи съ противообщественными наклонностями сдѣлаются несомнѣнно большинствомъ, если здравые люди перестанутъ вести съ ними борьбу, не будутъ препятствовать ихъ размноженію; если же они останутся въ большинствѣ, тогда общество и человѣчество погибнутъ“. [2]).

„Въ Толстомъ, какъ во всякомъ выраждающемся высшаго порядка, живутъ два человѣка, и одинъ изъ нихъ замѣчаетъ странности другого и осуждаетъ ихъ. Въ „Крейцеровой сонатѣ“ совершенно точное опредѣленіе теоріи (жизни) даетъ ея проповѣдникъ Позднышевъ, сознающійся, что „его считаютъ сумасшедшимъ“. Но въ другихъ своихъ произведеніяхъ, гдѣ Тол-

[1]) Вырожденіе. Кіевъ. 1894 г. стр. 89.

[2]) „Вырожденіе“, стр. 90—91.

стой говоритъ отъ своего собственнаго имени, онъ развиваетъ то же ученіе“... „Возражать теоріи бросающей вызовъ всему, что выработано опытомъ, наблюденіями природы и исторически развивающимися учрежденіями и законами,—теоріи, сознательно ставящей себѣ цѣлью уничтоженіе человѣческаго рода,—нельзя. Мысль—выступить въ походъ противъ естественныхъ законовъ—можетъ придти въ голову только людямъ, болѣе или менѣе ненормальнымъ. Умственно здоровому человѣку достаточно выяснить, и онъ сразу пойметъ, что имѣетъ дѣло съ психозомъ“ [1]).

„Самый большой врагъ Льва Толстого—наука. Въ своей „Исповѣди“ онъ осыпаетъ ее всевозможными обвиненіями и насмѣшками. Она не служитъ народу, а правящимъ классамъ и капиталистамъ. Она занята такими пустыми и праздными вопросами, какъ изслѣдованіе протоплазмы или спектральнаго анализа, и никогда не подумала о чемъ нибудь полезномъ, напримѣръ: „какъ сдѣлать хорошій топоръ, какъ испечь хлѣбъ, какая мука для этого лучше годится, какъ дѣлать дрожжи, какіе напитки и какая пища самые здоровые, какіе грибы полезнѣе“ и т. д... Какъ настоящій художникъ, онъ постарался претворить въ образы свои взгляды на науку и написалъ комедію: „Плоды просвѣщенія“. Но надъ чѣмъ онъ смѣется въ ней? Надъ тупоумными глупцами, вѣрящими въ духовъ, надъ одержимыми смертельнымъ страхомъ передъ бактеріями? Спиритизмъ и свѣдѣнія, почерпнутыя невѣжественными свѣтскими людьми изъ ежедневныхъ газетъ о заразительности микробовъ—вотъ что, по мнѣнію Толстого, наука, и противъ нея онъ направляетъ стрѣлы своей сатиры.—Настоящая наука не нуждается въ защитѣ отъ такихъ враговъ. Всѣ доказательства, направленныя противъ нея,—или доказательства чисто ребяческія, или просто нечестныя... Толстой говоритъ о наукѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Онъ понятія не имѣетъ о сущности науки, объ ея задачахъ, методѣ и содержаніи. Онъ напоминаетъ Бювара и Пекюше, двухъ идіотовъ романа Флобера. Они также безсознательно, безъ учителей и руководителей и безъ выбора, перелистывали извѣстное число

[1]) Вырожденіе, стр. 99—100.

книгъ и убѣдили себя, что они такъ, шутя усвоили положительную науку; какъ невмѣняемые люди, они старались примѣнять потомъ свои выводы, дѣлали, понятно, глупость за глупостью, и наконецъ, сочли себя вправѣ ругать всячески науку и заявлять, что она—глупая забава и обманъ. Флоберъ мстилъ такимъ образомъ за безплодность своихъ попытокъ посвятить себя самаго въ тайны знанія... Толстой съ своей стороны охлаждаетъ неудачную страсть къ наукѣ, этой гордой и суровой красавицѣ, сердце которой можно завоевать только серьезною, долгою преданностію и самопожертвованіемъ, рисуя на сцѣнѣ дурацкія головы своихъ „Плодовъ просвѣщенія“. Вырождающійся Флоберъ и вырождающійся Толстой подаютъ другъ другу руку въ своемъ сумасшедшемъ бредѣ“ [1]).

Указавъ несостоятельность ученія Толстого по всѣмъ частнымъ пунктамъ и оцѣнивая въ общемъ все міровоззрѣніе его, какъ цѣлое, Нордау говоритъ слѣдующее: „Какъ философъ, онъ (Толстой) проповѣдуетъ намъ, въ видѣ понятій о мірѣ и жизни, библейскіе тексты, постоянно противорѣча имъ и дико ихъ толкуя. Какъ глашатай нравственности, онъ проводитъ теорію непротивленія злу и преступленію, раздачи имуществъ и уничтоженія человѣческаго рода посредствомъ воздержанія. Въ своемъ ученіи объ общественныхъ и экономическихъ отношеніяхъ онъ настаиваетъ на вредѣ знанія и цѣлительной силѣ невѣжества, на упраздненіи промышленности и на благости земледѣльческаго труда, не объясняя, откуда возьметъ тогда крестьянинъ необходимыя земледѣльческія орудія? Самое замѣчательное въ его системѣ, что она не замѣчаетъ своей собственной ненужности. Еслибы она поняла себя, она ограничилась бы одною проповѣдью воздержанія. Само собою ясно, что нѣтъ никакой надобности ломать голову надъ цѣлью и смысломъ человѣческой жизни, надъ зломъ и любовью къ ближнему, надъ жизнію въ городѣ или въ деревнѣ, когда мы всѣ исчезнемъ, вмѣстѣ съ современнымъ поколѣніемъ, съ лица земли [2]).

Чѣмъ же объяснить себѣ то, что Толстой, одинъ изъ вели-

[1]) Вырожденіе, стр. 101.
[2]) Вырожденіе, стр. 103—104.

кихъ и даровитыхъ писателей, могъ составить міровоззрѣніе, полное противорѣчій здравному смыслу и явныхъ нелѣпостей? На этотъ вопросъ Нордау даетъ слѣдующій отвѣтъ. „Истина въ томъ, что всѣ духовныя особенности Толстого могутъ быть прекрасно объяснены извѣстными и характерными чертами вырождающихся высшаго порядка. Онъ самъ разсказываетъ о себѣ: „Скептицизмъ довелъ меня, одно время, до состоянія близкаго къ сумасшествію. Мнѣ казалось, что помимо меня никого и ничего нѣтъ въ свѣтѣ, что явленія не суть явленія, а представленія о нихъ, только тогда проявляющія себя, когда я обращаю на нихъ вниманіе, и что они сей часъ же исчезаютъ, какъ только я перестаю о нихъ думать... Бывали часы, когда, подъ вліяніемъ упорно преслѣдующей меня мысли, я доходилъ до душевнаго разстройства, и кидался въ противоположную сторону, въ единственномъ расчетѣ, что тамъ я встрѣчу что-либо меня поражающее“. Въ своей Исповѣди „онъ говоритъ слѣдующее: „Я чувствовалъ, что я не со всѣмъ здоровъ душевно“. Это чувство не обманывало его. Онъ страдалъ маніею сомнѣнія и „умствованія“, въ той формѣ, какъ это наблюдалось на многихъ вырождающихся высшаго порядка“... Особенностію указанной болѣзни является страсть къ противорѣчіямъ и склонность къ самостоятельнымъ во что бы то ни стало взглядомъ. Одинъ изъ лучшихъ клиницистовъ, Солье, называетъ послѣднюю особенность характерною чертою вырождающихся. У Толстого она выступаетъ въ извѣстные моменты очень ярко. „Въ стремленіи быть самостоятельнымъ, сообщаетъ его біографъ Лсвенфельдъ,—Толстой часто оскорбляетъ требованія эстетики, сражаясь съ установившимися авторитетами *только* потому, что они давно установились. Такъ, онъ называетъ Шекспира дюжиннымъ писакою, и утверждаетъ, что восторги передъ великимъ британцемъ объясняются ничѣмъ другимъ, какъ нашею привычкою повторять чужіе взгляды, не продумавъ ихъ“ [1]).

Далѣе Нордау расматриваетъ снова сужденія Толстого о разныхъ предметахъ, указывая признаки его умственной ненормальности и душевнаго разстройства, ложнаго направленія разсудочной дѣятельности.

[1]) Тамъ-же, стр. 107.

Увлеченіе идеями Толстого Нордау также признаетъ явленіемъ ненормальнымъ и даже патологическимъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу. „Въ міровой извѣстности Толстого замѣчательный художественный талантъ, безъ сомнѣнія, играетъ большую, но далеко не главную роль. Приверженцевъ завоевали ему не лучшія и значительнѣйшія художественныя его произведенія, а болѣе позднія мистическія (?) работы. Его вліяніе покоится не на эстетическихъ, а на патологическихъ основахъ. Толстой сталъ бы неизвѣстнымъ учителемъ вѣры, какъ какой нибудь Кнудсенъ семнадцатаго вѣка, еслибы сумасбродство вырождающагося мистика не встрѣтило подготовленныхъ къ воспріятію его современниковъ. Принявшая эпидемическій характеръ истерія подготовила почву толстоизму, и онъ далъ пышный цвѣтъ. Что возникновеніе и распространеніе послѣдняго покоится не на внутреннемъ содержаніи произведеній Толстого, а на душевномъ строѣ читателей, видно изъ того, какъ эта система воспринимается различно въ каждой странѣ... Въ Англіи горячія сочувствія встрѣтила брачная теорія Толстого; экономическій строй страны осуждаетъ на безбрачіе громадное число дѣвушекъ образованнаго класса. Эти жалкія существа находятъ себѣ утѣшеніе и черпаютъ бодрость духа для одинокой и безсодержательной жизни въ ученіи, превозносящемъ цѣломудріе, какъ высшее достояніе и высшее благо человѣка. „Крейцерова соната“ сдѣлалась евангеліемъ старыхъ дѣвъ Англіи. Во Франціи любятъ Толстого больше за то, что онъ выбрасываетъ за окно науку, осуждаетъ правящіе классы, проповѣдуетъ бѣдность и вѣру (?); для неокатоликовъ и для мистиковъ изъ символистовъ это—цѣлительный бальзамъ, и они создали изъ ученія Толстого свой храмъ. Въ Германіи теорія воздержанія „Крейцеровой сонаты“, „Исповѣдь“ и „Плоды просвѣщенія“ встрѣчаютъ мало сочувствія, но коммунистическія теоріи и болѣзненная любовь къ ближнему создали Толстому горячихъ поклонниковъ. Всѣ слабыя нѣмецкія головы, не желающія знать науки, всѣ истеричные и больные, чувствуютъ невольныя симпатіи къ сладковатому соціализму, проповѣдующему курицу въ супѣ для пролетарія и описывающему жизнь въ большихъ городахъ въ чувствительныхъ романахъ и мело-

драммахъ. Для нихъ Толстой—живой источникъ экономическихъ и нравственныхъ законовъ“ [1]).

Свое сужденіе о Толстомъ и его ученіи Нордау заключаетъ слѣдующими словами: „Толстоизмъ, встрѣтившій откликъ во всѣхъ частяхъ земного шара, сдѣлался знаменемъ. И по такому знамени легче всего судить о паденіи современной литературы и о силѣ вырожденія и истеріи культурныхъ народовъ. Это—настоящіе „сумерки народовъ“ [2]).

Вотъ какое сужденіе о Толстомъ и его ученіи высказываетъ одинъ изъ лучшихъ и чуждыхъ всякой предвзятости и партійности западно-европейскихъ ученыхъ. Но не нужно думать, что въ этомъ отношеніи Нордау представляетъ собою какое-либо исключеніе. Кромѣ двухъ-трехъ лицъ (Вогюэ, Родъ), считающихся учеными, но не пользующихся особенною популярностію, почти всѣ серьезные и мыслящіе люди въ Европѣ, находятъ Толстого если и не вполнѣ душевно-больнымъ, то по меньшей мѣрѣ не здравомыслящимъ, „сбитымъ съ толку“, человѣкомъ ищущимъ популярности уже не талантомъ, а игрою на струнахъ анархизма и нигилизма.

„Мы переживаемъ въ настоящре время,—говоритъ Нордау [3]),—острую массовую душевную болѣзнь, въ нѣкоторомъ родѣ чуму вырожденія и истеріи, и совершенно естественно, если нѣкоторые спрашиваютъ себя съ тревогою: „Что же будетъ дальше?“

Истинно просвѣщенные люди даже и на западѣ предупреждаютъ всѣхъ здравомыслящихъ подумать о той пропасти, которая зіяетъ предъ ними; они совѣтуютъ не избирать въ почетные члены душевно-больныхъ, а позаботиться объ ихъ излеченіи. Къ прискорбію Толстой и большинство „толстовцевъ“ признаются неизлечимыми. „Кто имѣлъ по своей спеціальности дѣло съ сумасшедшими, — говоритъ по этому поводу Максъ Нордау [4]),—тотъ знаетъ, что совершенно безсмысленно уговорить ихъ или доказать имъ, что ихъ болѣзненныя представленія ложны. Единственный результатъ будетъ только тотъ, что они причислятъ врача къ своимъ врагамъ и преслѣдователямъ

[1]) Вырожденіе, стр. 111—112.
[2]) Тамъ-же, стр. 112.
[3]) Вырожденіе, стр. 422.
[4]) Вырожденіе, стр. 437.

и возненавидятъ его или посмѣются, какъ надъ глупцомъ. Больнымъ фанатикамъ новыхъ модныхъ теченій, которые стоятъ пока на границѣ къ полному помѣшательству, было бы также безполезно проповѣдывать, что они увлекаются психопатіей и суемудріемъ. Они не повѣрятъ намъ, да и не могутъ повѣрить. Дѣло въ томъ, что произведенія, безсмысленность которыхъ бросается въ глаза съ перваго взгляда всякому здоровому человѣку, доставляютъ имъ искреннее наслажденіе. Они отражаютъ ихъ собственную душевную ненормальность, ихъ извращенные инстинкты; эти полуидіоты впадаютъ при чтеніи ихъ въ настоящій трансъ и познаютъ высшее эстетическое наслажденіе... Здравый критикъ можетъ говорить сколько угодно ненормальному вырождающемуся: „Эта книга — отвратительный бредъ помѣшаннаго“. Онъ совершенно искренно отвѣтитъ вамъ: „Бредъ? Можетъ быть. Но отвратительный бредъ? Этого я не допускаю. Я понимаю въ этомъ толкъ больше вашего. Произведеніе сильно волнуетъ и трогаетъ меня, и ваши слова не убѣдятъ меня, что ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности“. Болѣе ненормальные идутъ дальше: „Мы чувствуемъ всѣми своими нервами красоту произведенія; вы этого не чувствуете; тѣмъ хуже для васъ. Вмѣсто того, чтобы сознаться въ своемъ невѣжествѣ, дикости и тупомъ филистерствѣ, вы хотите отрицать реальность нашихъ чувствъ. Если и есть здѣсь помѣшанный, то это вы сами“. Исторія цивилизаціи учитъ насъ, что душевно-больные возбуждаютъ часто горячіе восторги, и въ теченіи столѣтій и даже тысячелѣтій царятъ надъ мыслями и чувствами милліоновъ людей, иногда потому только, что удовлетворяютъ назрѣвшей, хотя и болѣзненной, потребности. Противъ всего, что доставляетъ людямъ наслажденіе, безсильны доводы разсудка. Вырождающіеся, какъ психически ненормальные, могутъ быть предоставлены собственной судьбѣ. Спасти и исправить ихъ нельзя. Они будутъ буйствовать еще нѣсколько времени и затѣмъ исчезнутъ“. Но такъ какъ ихъ болѣзнь не только неизлѣчима, но и крайне заразительна, то даже западно-европейскіе ученые настойчиво требуютъ совершеннаго изолированія ихъ отъ здоровыхъ элементовъ общества, какъ изолируются карантиномъ зачумленныя и неблагополучныя мѣстности. Нужно заботиться о томъ, чтобы спасти отъ заразы

здоровыхъ, если уже нельзя спасти этихъ несчастныхъ неизлѣчимыхъ больныхъ, обреченныхъ на погибель.

Впрочемъ, и среди увлекающихся лжеученіемъ Толстого не всѣ должны быть признаны безнадежными, потому что зло это „охватило не только тѣхъ, кто, въ силу органическаго предрасположенія долженъ былъ попасть въ водоворотъ, но и многихъ павшихъ жертвою моды, введенныхъ въ заблужденіе. Вернуть этихъ заблудившихся на истинный путь, говоритъ Нордау [1]), надежда еще не потеряна“, и предоставлять ихъ на произволъ судьбы было бы безнравственно и жестоко. „Этимъ легкимъ больнымъ или здоровымъ, попавшимъ въ сѣти новыхъ словъ, бѣгущимъ туда, куда спѣшитъ толпа, необходимо доказать“ всю ложь самаго ученія, „нужно сорвать съ него маску, въ какой оно является передъ міромъ и раскрыть его во всей жалкой наготѣ“ [2]), лишить его ореола новизны, на которую оно не имѣетъ никакого, права и показать до очевидности, что оно предлагаетъ взгляды, уже отвергнутые здравымъ человѣческимъ разумомъ.

Въ частности для борьбы со зломъ, которое причиняется обществу лжеученіемъ Толстого, и для оздоровленія самаго общества люди истинно-ученые и благоразумные даже въ западной Европѣ указываютъ намъ на слѣдующія средства: 1) Энергическія, своевременныя и благоразумныя мѣры со стороны правительства, такъ какъ, оставивъ теоретическую почву, лжеученіе Толстого перешло на чисто практическую и стремится лишь къ тому, чтобы расшатать основы семейной, общественной и государственной жизни; 2) опроверженія и разоблаченія лжи въ ученіи Толстого съ указаніемъ на его разрушительный характеръ путемъ литературнымъ и чрезъ публичныя чтенія; 3) распространеніе въ обществѣ здравыхъ и истинно христіанскихъ понятій и, наконецъ, 4) воспитаніе и школьное образованіе юношества на началахъ здравыхъ и разумныхъ, вполнѣ согласныхъ съ духомъ истиннаго христіанства. Отвергать разумность и цѣлесообразность этихъ средствъ нельзя. Прискорбно и для русскаго общества будетъ только гибельно, если мы не пожелаемъ или не съумѣемъ воспользоваться мудрыми совѣтами благоразумныхъ людей.

---

[1]) Вырожденіе, стр. 439.

[2]) Вырожденіе, стр. 441.

Цѣна 60 коп. съ пересылкою.

Складъ изданія въ Харьковской Духовной Семинаріи. Съ требованіями надсѣно обращаться: **г. Харьковъ, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи.**